

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 2 (23)
2010

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина**

Главный редактор – профессор **С.Ю. Наумов**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов – председатель (доктор исторических наук, профессор, ректор ПАГС),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
П.Л. Ипатов (губернатор Саратовской области),
В.В. Артяков (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.П. Жуковский, д-р пед. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, канд. юрид. наук; **О.И. Марченко**, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **И.В. Ракевич**, канд. экон. наук;
А.Н. Романцов, д-р экон. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС77-35069 от 23 января 2009 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – февраль 2010 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© ФГОУ ВПО «Поволжская академия
государственной службы им. П.А. Столыпина», 2010

Science journal

Founder:

**Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin**

Editor-in-chief: Professor **S.Yu. Naumov**
Deputy editor-in-chief: Professor **O.N. Fomin**
Executive secretary: **S.G. Sergeev**

Editorial council:

S.Yu. Naumov – Chairman (Doctor of History, Professor, Rector of PAGS),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
P.L. Ipatov (Governor of the Saratov Region),
V.V. Artiakov (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Philosophic Sciences*; **V.V. Gerasimova**,
Doctor of Economic Sciences; **V.P. Zhukovsky**, *Doctor of Pedagogic Sciences*;
L.V. Konstantinova, *Doctor of Sociological Sciences*; **E.G. Lipatov**, *Candidate*
of Sciences (Jurisprudence); **O.I. Marchenko**, *Candidate of Sciences (Economy)*;
E.V. Maslennikova, *Candidate of Sciences (Sociology)*; **I.V. Rackevich**,
Candidate of Sciences (Economy); **A.N. Romantsov**, *Doctor of Economic Sciences*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sociological Sciences*; **T.P. Fokina**, *Candidate*
of Sciences (Philosophy); **O.I. Tsibylevskaya**, *Doctor of Law Sciences*;
V.L. Chepliaev, *Candidate of Sciences (Sociology)*;
T.I. Cherniaeva, *Doctor of Sociological Sciences*

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Yu.V. Irkhin
**The Meaning of the Formation
of the System of Competences
for Training Civil Servants
in the Modern Conditions**

The issues of increasing the efficiency of the civil servants activity are actualized. The role of the system of competences and personal motivations of civil servants is analyzed.

Key words and word-combinations: civil service, civil servants, the system of competences, motivation.

Актуализируются вопросы повышения эффективности деятельности государственных служащих. Анализируется роль системы компетенций и личностных мотиваций государственных служащих.

Ключевые слова и словосочетания: государственная служба, государственные служащие, система компетенций, мотивации.

УДК 35.08:316.628.2
ББК 67.401.02:60.025

Ю.В. Ирхин

**ЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
СИСТЕМЫ КОМПЕТЕНЦИЙ
И МОТИВАЦИЙ
ПРИ ПОДГОТОВКЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
СЛУЖАЩИХ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Н а современном этапе развития Российской Федерации возрастает роль государственных служащих. Руководством страны поставлена политическая по своей значимости задача: государственная служба должна функционировать в интересах граждан, быть эффективной, открытой системой, подконтрольной государству и обществу. Ее основными ценностями должны стать креативность, профессионализм и нравственная ответственность служащих.

Именно на это нацелены административные реформы, в ходе которых происходят не только институциональные, но и субстанциональные (ценностно-культурные) изменения. Наглядным примером меняющегося

соотношения институциональных и ценностно-культурных изменений выступает канадский проект реформирования государственной службы, который на 10–15% состоит из изменений в области законодательства, на 20–25% – из изменений системы, а на 60% – из трансформаций в культуре взаимоотношений, труда, атмосферы – всего того, что считается организационной культурой государственных органов.

Позитивное отношение гражданского служащего к административной реформе, выраженное в оптимизме по отношению к происходящим преобразованиям, согласии с изменениями, наличии соответствующих личных ожиданий, предопределяется рядом факторов. Среди них: информированность о реформах государственного управления; хорошая осведомленность относительно критериев оценки своей работы в организации и высокая самооценка своего труда (статуса); мотивация к «служению обществу / стране» и понимание критериев и перспектив продвижения «по служебной лестнице». Иная группа факторов увеличивает вероятность отрицательного восприятия реформ гражданскими служащими: слабая информированность о реформах государственного управления; недостаточный уровень зарплаты; слабое умение использования информационно-коммуникативных технологий в государственной службе; предвзятое отношение к коммерческому сектору.

Реальное состояние мнений и настроений государственных служащих должно учитываться при проведении административной реформы, которая в силу объективных и субъективных обстоятельств не может носить однозначно «рыночного» характера, но обязана включать элементы рациональной бюрократической организации, содержать социально-правовые гарантии для государственных служащих. В то же время следует предусмотреть в контексте реформы систему формирования и воспитания кадров гражданских служащих, исходя из новых ценностных подходов и ориентиров.

Государственная служба в Российской Федерации не является монолитной, одинаково мотивированной и однозначно сориентированной на одни цели. Российские государственные служащие не всегда являются «рациональными бюрократами» (в терминологии М. Вебера). Они нередко служат не делу, а ведомству, начальству, бизнесу, себе. Как свидетельствуют социологические данные, чиновники обслуживают интересы: государства (60%); своего ведомства (48%); своего начальства (34%); свои собственные (17%); коммерческих структур (7%) [1, с. 66].

Очевидно, что проблема мотивации государственного гражданского служащего в современной России приобретает принципиально значимое, системообразующее значение. Для выявления значимых в данной области проблем и тенденций в 2006 г. кафедрой государственной службы и кадровой политики РАГС было проведено социологическое исследование по теме «Актуальные проблемы государственной службы и кадровой политики в оценках госслужащих». Руководитель – доктор социологических наук, профессор К.О. Магомедов. Опрос, в ходе которого были опрошены 1202 человека, проводился в семи субъектах РФ.

Исследование выявило следующие группы мотивов деятельности и поведения государственных служащих:

социально-статусные стимулы: стремление занять престижное место в обществе – 53,6%; желание получить гарантии стабильного положения и постоянной работы – 38,2%; открыть для себя возможности служебного роста – 36,0%; стимулы профессиональной мотивации: повысить материальное благополучие, поступив на работу в государственные органы власти и управления – 51,7%; возможность приобретения полезных связей – 33,7%; возможность заработать высокую пенсию – 28,1%;

меритократические по своей природе стимулы: в данной группе отмечались тревожные тенденции – только 7,4% опрошенных служащих стремились полнее реализовать свои профессиональные качества; лишь 7,2% хотели принести пользу обществу и государству [2, с. 38–39].

Эксперты указывают на возрастающую значимость фактора профессионализма в современной России. В то же время его значение как качества, определяющего положение в управленческих структурах, не всегда в реальной жизни оценивается должным образом и, как показывают опросы, «сдвигается» на третье место, уступая таким факторам, как неформальные отношения с нужными людьми, богатство, деньги. Преобладающие способы должностного продвижения служащих дают следующую обобщенную картину: конкурсный отбор – 12%, реализация выводов аттестации – 14%; единоличное назначение руководителем – 62%; прислали «сверху» – 11%; назначен из состава резерва – 7%; другие способы – 5%. В результате этого наблюдаются явления непрофессионализма, низкой производственной культуры, имитации бурной деятельности, слабой обратной связи с населением.

В последнее время в качестве одной из ведущих ценностей коллективного и индивидуального сознания государственных служащих становится *установка на систематическое пополнение профессиональных знаний*. Профессионал, как правило, по своей натуре не может заниматься профанацией, оскорбительно относиться к предмету и результатам собственного труда, заинтересован в реализации своего профессионального, человеческого потенциала демократическими методами.

Установка на систематическое повышение общих и профессиональных знаний, в частности, составила главную предпосылку решения о необходимости учебы и выборе вуза для абсолютного большинства слушателей, поступивших в Российскую академию государственной службы в период 2001–2008 гг. Своими ведущими мотивами опрошенные называют необходимость повышения общего уровня образования, пополнения профессиональных знаний, расширения кругозора и овладения приемами научного анализа управленческих ситуаций.

Принципиальное значение для современной подготовки государственных служащих имеет формирование у них (в процессе обучения и переподготовки) *системы управленческих компетенций – знаний-умений теоретико-прикладного характера*. Современный управленец должен знать законы, стандарты государственных услуг и механизмы их оценки, успешно работать на достижение конечного результата в режимах мониторинга, «прозрачности» и обратной связи, инициировать инновации, использовать новые информацион-

ные технологии и возможности, взаимодействовать с обществом, выполнять предъявляемые к нему этические требования.

В государственной службе США, например, установлены сферы компетенции, определяющие системное ядро управленческой квалификации; необходимые профессиональные и личные качества руководителя; ключевые характеристики, представляющие описание служебной деятельности управленца. В рамках этих сфер, в одной стороны, осуществляется проверка эффективности деятельности государственных служащих и решаются кадровые вопросы; а с другой – происходит регулярное повышение их квалификации по специальным учебным программам. Среди основных компетенций руководителей выделяются управление изменениями, управление персоналом, достижение результатов, управление ресурсами, формирование коалиций внутри, вне ведомства и в международной сфере.

Применительно к российским условиям можно предложить следующие направления системных управленческих компетенций государственных служащих:

в сфере государственного управления, стратегического и инновационного менеджмента;

в сфере руководства персоналом, управления ресурсами, достижения результатов;

в области повышения эффективности взаимодействия государства, бизнеса, СМИ и общества;

в сфере подотчетности и открытости органов государственной власти и управления обществу;

политико-коммуникационные компетенции, особенно в PR и GR;

компетенции в сферах «электронного правительства», «электронного бизнеса», «электронного гражданского общества»;

профессионально-этические, ценностные и нравственные компетенции.

В отдельную группу целесообразно выделять общеполитические компетенции государственного служащего, предполагающие его умение работать в интересах государства и общества, эффективно сотрудничать с организациями граждан, бизнеса. В этой связи ректор Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина профессор С.Ю. Наумов справедливо подчеркивал, что «политическая компетенция входит в число базовых профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих, определяющих структуру и содержание их деятельности, детерминирующих характер профессиональной активности, задающих ее вектор» [3, с. 158]. Общеполитические компетенции государственного служащего, как известно, не предполагают непосредственного участия в политической жизни. Среди них: способность повышать уровень доверия граждан к государственной службе; умение давать оценку политическим последствиям и результатам проводимой государством политики; способность строить политические (на основе учета интересов) отношения с различными социальными группами, работать в широком публичном контексте; умение осуществлять межведомственное, межрегиональное и международное взаимодействие органов государственной власти [4, с. 125].

На основании данных социологического исследования востребованность типов управленческих компетенций гражданскими служащими можно проанжировать следующим образом:

- 1) овладение умениями и навыками создания «команды» – 45,5%;
- 2) овладение умением убеждать – 32,5%;
- 3) овладение деловой коммуникацией – 22,5%;
- 4) овладение новыми технологиями мотивации персонала – 15%;
- 5) формирование компетенции мотивационного и косвенного воздействия – 12%;
- 6) формирование компетенции психологической разгрузки – 10%;
- 7) формирование умения оценки психологической совместимости, ее учета – 9%.

Вместе с тем и граждане должны владеть определенными ключевыми компетенциями. Эксперты Совета Европы по образованию предложили пять групп ключевых компетенций, которыми должны владеть все граждане Евросоюза [5]. Очевидно, что компетентностные подходы могут и должны реализоваться как в системе государственной службы, так и в среде гражданского общества, но с учетом соответствующей специфики.

В качестве одной из ведущих ценностей коллективного и индивидуального сознания государственных служащих становится установка на систематическое пополнение профессиональных знаний. На вопрос: «Какие типы работников сегодня особенно нужны в органах государственной власти?» – преобладает ответ: *аналитики и профессионалы современного типа, обеспечивающие ин-формационную и научную основу управления в условиях рынка и обострения глобальной, федеральной, региональной и местной конкуренции* [6, с. 31]. В соответствии с этими требованиями меняется отношение к подготовке и переподготовке управленцев. Общая направленность изменений следующая: обучение превращается в перманентный процесс и затрагивает работников всех уровней; особое внимание уделяется связи теории управления с практически навыками; повышается значение формирования умений, связанных с проектной работой. Акцент в обучении ставится скорее на процессах, чем структурах и функциях, на изучении опыта работы во многих организационных формах и в составе коллектива. Изменяется установка обучения: внимание обращается на формирование устойчивого интереса к самообразованию, личной ответственности обучающегося за результаты обучения и получение знаний и навыков. Большое значение придается программам обучения, построенным на умении производить комплексную оценку управленческой деятельности, ее результативности и эффективности.

Современное управленческое образование должно формировать инновационное мышление, восприимчивость к постоянному выбору новых решений и действий. Возрастает значение формирования навыков работы с ответственностью, обучение переговорному процессу и разрешению конфликтов; принципиальное значение приобретают процессы не только обучения, но и воспитания управленцев, формирования соответствующей этики государственной работы.

Новые подходы к реформе государственной службы показывают важность не только оценки уровня (качества) квалификации претендента на государственную должность на основе результатов квалификационных экзаменов, но и регулярных оценок потенциала государственного служащего после достижения базового уровня управленческой компетентности в результате его обучения по специальным учебным программам профессионального развития.

Рейтинговые показатели регулярной аттестации государственных служащих (по каждой из сфер (типов) компетенций) должны влиять на систему материального поощрения и ротации кадров.

Важным направлением развития государственной службы является формирование ее резерва. В соответствии с Указом Президента РФ [7] в России формируется резерв управленческих кадров. Руководителем Комиссии по кадровой политике назначен глава президентской администрации С.Е. Нарышкин. В ее состав входят 30 человек, среди которых полпреды Президента в федеральных округах, ректоры Московского и Санкт-Петербургского госуниверситетов, председатель РСПП и другие компетентные специалисты. Список кадрового резерва определяется экспертами, которые отбираются из различных групп руководителей, представителей федеральных органов исполнительной власти, региональных органов исполнительной власти, руководителей бизнеса, известных людей из сферы образования, науки, руководителей общественных организаций, политических партий и даже представителей разных церквей.

В качестве критериев сформулированы требования к профессиональным и личным качествам кандидатов-резервистов. В их числе: успешность, управленческие способности, способность стратегического мышления, положительная репутация и соответствующая компетенция, умение слушать и слышать чужие мнения, работать в команде, умение брать на себя ответственность и принимать оптимальные управленческие решения, активная жизненная позиция, интеллект, патриотизм. Их возраст должен составлять от 25 до 50 лет, они должны иметь высшее образование и представлять разные категории управленческих структур и уровней (федеральные и региональные органы государственной власти, бизнес, государственные и частные корпорации, науку и образование, некоммерческие организации и политические партии).

Кадровый резерв формируется по трем уровням. Высший – «президентская тысяча»; далее – федеральный резерв (5 тыс. человек) и региональный (16 тыс. человек) резерв. Отметим, что в зарубежных странах выделяется отряд высших государственных служащих (2–4 тыс. человек), в который вовлекают управленцев высшей квалификации, с лидерскими качествами, с особыми условиями (контрактами) работы, ориентированных на достижение высокого инновационного конечного результата и реализацию соответствующей системы ценностей и политических целей.

Программой предусмотрено формирование перечня учебных заведений, где по необходимости будет проходить дополнительная профессиональная подготовка попавших в резерв кандидатов. В целях подготовки будущих управленцев создаются учебные модули и программы. Предполагается, что каждому из попавших в резерв будет предложено сообщить свое мнение о необходимости,

потребности в дополнительном профессиональном обучении. Думается, что формирование высокопрофессионального кадрового резерва на основе экспертного подхода и соответствующей гласности позволит повысить уровень государственной службы и снизить уровень коррупции.

В области подготовки и переподготовки управленческих кадров, особенно по новым, «рыночно-менеджерским» специальностям существуют серьезные недостатки. Проблемным направлением функционирования современной государственной службы стал вопрос об участии государственного служащего в управлении коммерческой деятельностью от имени государства. Правовые механизмы участия государственных представителей в управлении государственно-частной собственностью (в акционерных обществах, товариществах и т.п.) разработаны пока недостаточно, что создает условия для злоупотреблений.

Принципиальным по своему значению является развитие направления широкого использования коммуникативных технологий в системе государственной службы. Значение широкого использования коммуникативных технологий в системе государственной службы неуклонно возрастает. Особенно актуальным становится освоение и расширение функций нового электронного портала «Государственные услуги» (gosuslugi.ru). Однако пока для российских органов исполнительной и представительной власти характерно в большей степени формально-информационное присутствие в Интернете. Необходимо переход от «электронного правительства» к «электронному управлению» – посредством интерактивного взаимодействия органов власти, бизнеса, гражданского общества [8, с. 161]. Перейти к парадигме «электронного управления-взаимодействия» готова и часть общества.

Современная государственная служба, в соответствии с новыми законами, очень точно и правильно определяется как «гражданская». Задача теперь состоит в том, чтобы она и по своей сущности стала подлинно «публичной», «гражданской», социально ответственной, «электронно-транспарентной» – эффективно служащей всему российскому обществу.

Библиографический список

1. Тимофеева Л.Н. Конфликты на государственной службе // Социология власти. 2006. № 6.
2. Магомедов К.О. Проблемы формирования позитивного имиджа государственной службы // Государственная служба. 2007. № 5.
3. Наумов С.Ю. Потенциал вектора профессиональной активности // Государственная служба. 2008. № 6.
4. Морозова Е.Г. Нужны ли государственным служащим политические знания? // Государственная служба. 2008. № 5.
5. Hutmacher W. Key competencies for Europe // Secondary Education for Europe. Strasburg, 1997.
6. Бойков В.Э. Отношение государственных служащих к профессиональной учебе // Социология власти. 2007. № 2.
7. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров: Указ Президента РФ от 25 авг. 2008 г. № 1252 // СЗ РФ. 2008. № 35. Ст. 4010.
8. Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» как технологическая форма интерактивной коммуникации между органами власти и гражданами // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2009. № 3.

S.A. Kuzina
**Civil Servants' Professional Mobility
Management in the Process
of Status Barriers Regulation
at the Regional Level**

The problems of management of communicative competence of public servants are considered. The existing status barriers and the social mechanism to overcome them are shown. The results of the thematic survey are cited.

Key words and word-combinations: civil servants, communicative competence, status barriers.

Рассматриваются проблемы управления коммуникативной компетентностью государственных служащих. Показаны существующие статусные барьеры и социальный механизм их преодоления. Приведены результаты тематического социологического исследования.

Ключевые слова и словосочетания: государственные служащие, коммуникативная компетентность, статусные барьеры.

УДК 159.9
ББК 60.56

С.А. Кузина

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
МОБИЛЬНОСТЬЮ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ
В ПРОЦЕССЕ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
СТАТУСНЫХ БАРЬЕРОВ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Становление теории бюрократии и генезис роли бюрократии в исполнении решений власти сохраняет актуальность на протяжении всего периода эволюции общества и описывается в классических трудах по теории управления. Имеющиеся разработки зарубежных и отечественных ученых позволяют провести анализ функций бюрократии, описать три основных значения бюрократии в современном обществе: функциональную, системную, хабитализированную. При этом методологическое звучание имеет утверждение Р. Мертона, что все институциональные социальные и культурные формы и структуры общества выполняют полезные для него функции и, следовательно, все они необходимы [1, с. 87]. Это в полной мере касается и бюрократии.

Теоретическое обоснование социальных факторов стратификации в бюрократической системе управления нашло отражение в целом ряде работ. Произведения К. Маркса и В.И. Ленина определили классовый подход к анализу проблемы. Труды К. Дэвиса и У. Мура, П.А. Сорокина заложили основу для исследования статусно-ранговой дифференциации реальной бюрократии в обществе. Т. Парсонс анализировал социальные критерии рассло-

ния в связи с социальным действием личности сквозь призму функций адаптации, целедостижения, интеграции и латентности [2, с. 64]. Современные российские исследования социальных факторов статусно-ранговой дифференциации в определении социального положения государственных гражданских служащих также вносят значительный вклад в разработку проблемы [3–5].

Определение реального состояния и тенденций статусно-ранговой дифференциации в процессе профессиональной мобильности государственных гражданских служащих и выработка на этой основе теоретических и практических рекомендаций по созданию и реализации кадровой программы для привлечения на государственную службу лучших кадров на конкурсных условиях заставляют обратиться к теоретическому анализу дефиниции «статусный барьер».

Статусные барьеры – это помехи и социальные фильтры, которые возникают при переходе индивида из одной группы в другую, что и предполагает обретение иного социального статуса. Статусные барьеры подтверждают существующее в обществе социальное неравенство, наличие которого означает, что люди имеют неравный доступ к ресурсам и благам, различный объем власти и влияния на принятие решений.

Можно сказать, что общество организуется в соответствии с иерархией статусов, ролей, норм, моделей поведения. В зависимости от статуса в обществе распределяются привилегии и награды, права и обязанности. Без такой шкалы иерархии отношений отсутствует эффективное взаимодействие, нерезультативен любой вид деятельности, невозможен социальный порядок в обществе. Указанные закономерности отражают всеобщность стратификации и позволяют фиксировать факторы и основания, на которых базируется социальное неравенство, происходит расслоение общества, выстраиваются социальные связи.

Профессиональная эффективность управления, внедрение должностных регламентов государственных служащих, перераспределение функций среди различных специалистов выдвигают разработку проблемы преодоления статусных барьеров в разряд важнейших в сфере государственной гражданской службы. Она актуализируется в связи с соотношением должностных и достигнутых, приписанных и профессиональных статусов государственного служащего.

Предположение, что социальный статус – это интегрированный (связанный с социальными ролями, выполняемыми индивидом для обеспечения интересов социальной общности) или реляционный (определяющий ролевую структуру отношений) показатель профессионализма, обусловлено широким кругом компетенций государственного гражданского служащего, умением профессионально общаться, вербально выразить профессиональные знания, обладать навыками самоконтроля. Таким образом, социальная стратификация в контексте представленного теоретического исследования может быть рассмотрена как освоение совокупности социальных норм, благодаря которым индивид становится полноправным членом общества с особым статусом, обретаемым в процессе социального взаимодействия.

Механизм преодоления статусных барьеров в контексте профессиональной мобильности регулируется рамками должностных компетенций, процедурами отбора кадров для прохождения государственной гражданской службы. Вместе

с тем наличие дисфункции стратификационных систем, в частности бюрократической, подтверждают результаты социологического исследования, проведенного нами в Брянской области в период с 18 декабря 2009 г. по 20 февраля 2010 г. В исследовании были задействованы эксперты и персонал (старше 18 лет, дееспособные). Репрезентативность выборки достигалась путем учета разделения генеральной совокупности на некоторое количество однородных общностей (респонденты, эксперты), применялось квотирование респондентов по гендерному и возрастному признакам, составлен социальный портрет респондентов.

Для исследования мнений экспертов (руководители различных структур: управления социальной защиты населения, комитета по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации, аппарата Брянской областной администрации) о регулировании статусных барьеров в процессе профессиональной мобильности был использован метод стандартизированного интервью. Анализировались также ответы респондентов на вопросы анкеты.

Общий стаж работы респондентов варьируется от двух до 42 лет, стаж работы на государственной службе – от полугода до 38 лет. Градация стажа работы принята на основе этапов государственной службы: первый этап мобильности – «вход» в систему государственной службы, второй этап – адаптационный, третий этап – высокопрофессиональное исполнение должностных обязанностей.

Первый блок вопросов отражал процедуры поступления на государственную гражданскую службу: собеседование, тестирование, квалификационный экзамен.

При поступлении на работу 14 мужчин и 52 женщины, то есть 51,2% от общего количества респондентов, проходили собеседование. Активным формам проверки профессиональных знаний подверглись 9,3% претендентов, из них тестированию – 1,5%; квалификационному экзамену – 7,8% (трое мужчин и семь женщин); собеседованию совместно с тестированием – 13,1% (1 мужчина и 16 женщин). Вариативность прохождения процедур включала: собеседование и экзамен – 3%; тестирование и экзамен – 5%; тестирование, экзамен и собеседование – 6%. Сведения, что прием на работу основан на конкурсном отборе, получены от одного мужчины и трех женщин, то есть 3,1% от общего числа респондентов.

Таким образом, конкурсный отбор приема на работу еще не стал доминирующим на региональном уровне замещения вакантных должностей в системе государственной службы регионального уровня. Если учесть, что современные конкурсные процедуры замещения вакантных должностей ограничиваются сроком 5–6 лет, то активные формы проверки квалификационных знаний прошли 17 из 25 претендентов, или 68% от количества принятых на работу в государственную службу за предыдущие шесть лет.

Интересно, что критерии преодоления статусных барьеров в процессе профессиональной мобильности в оценке респондентов-соискателей вакантной должности (100 чел.) и экспертов (97 чел.) различны. Респонденты – соискатели должности государственного служащего считают барьерами для перехода в иной, более высокий статус дефицит вакансий, к занятию которых стоит стремиться, – 68,2%, в то время как 5,3% экспертов находят причину статусно-ранговой стабильности персонала в низкой компетентности соискателей.

Представленные расхождения в оценке низкой восходящей мобильности подтверждены оценками качества собственной профессиональной деятельности. Мужчины оценивают уровень качества своей профессиональной деятельности в среднем на 7,5 балла из 10, женщины – на 8,4. Среди респондентов 20 мужчин и 77 женщин являются руководителями подразделений или начальниками отделов (у них есть подчиненные). Мужчины-руководители оценивают уровень качества работы своих подчиненных на 7,7 балла (на 0,2 балла выше, чем уровень качества собственной профессиональной деятельности); женщины-руководители – на 8,4, так же как уровень качества своей профессиональной деятельности.

Продвижение по службе оказалась важнее для женщин. Они оценивают этот показатель на 7,3 балла, а мужчины – на 6,8 (на 0,5 балла ниже).

По мнению 12% респондентов (17% мужчин и 10% женщин), руководство уделяет мало внимания карьерному росту подчиненных или даже препятствует ему; 16% респондентов выбрали вариант «другое», из них большинство (81%) указали, что причины, препятствующие профессиональной карьере на государственной службе, отсутствуют; 14% респондентов довольны своей должностью и не стремятся перейти на другую, даже более высокую. Из них один человек (респондент-мужчина) в качестве причины назвал отсутствие наглости, еще один (респондент-женщина, 47 лет) – возраст; 3% респондентов, среди которых только 1% женщин и 10% мужчин, считают низкую компетентность соискателей причиной, препятствующей профессиональной карьере.

На вопрос «Проявляете ли Вы инициативу в процессе профессиональной деятельности?» утвердительно ответили 50% респондентов, среди них 52% мужчин и 49% женщин; скорее да, чем нет – 43% респондентов (45% мужчин и 43% женщин); скорее нет, чем да – 5% респондентов (3% мужчин и 5% женщин). Отрицательный ответ был получен от респондента-женщины 54 лет. Эти данные свидетельствуют о том, что большинство респондентов стараются повысить эффективность своей профессиональной деятельности.

Утвердительно на вопрос «Существуют ли в государственной службе какие-либо барьеры при продвижении женщин по карьерной лестнице?» ответили 8% респондентов, среди них только 3% мужчин и 9% женщин; скорее да, чем нет – 26% респондентов (14% мужчин и 30% женщин); скорее нет, чем да – 21% респондентов (14% мужчин и 27% женщин). Отрицательный ответ был получен от 45% респондентов, среди них 69% мужчин и 38% женщин. Эти данные показывают, что большинство мужчин не считают, что гендерный фактор создает барьеры в процессе профессиональной мобильности, в то время как женщины не отрицают его влияние на продвижение по службе.

Курсы повышения квалификации, которые каждый государственный гражданский служащий должен проходить один раз в три года, фактически проходили 66% респондентов; один раз в пять лет – 13%. Не проходили повышение квалификации вообще 9% респондентов. Только 2 человека из опрошенных (1,55%) указали, что проходят курсы повышения квалификации каждый год; 1 человек – один раз в два года. Из респондентов, выбравших вариант «другое», 2 человека ответили, что обучались на курсах повышения квалифика-

ции «по возможности»; 1 человек повышал квалификацию 4 года назад, еще один – 8 лет назад. Таким образом, утвержденные регламентные требования о повышении квалификации на практике выполняются в 85% случаев.

Результатами своей профессиональной деятельности удовлетворены 33% респондентов, среди них 24% мужчин и 35% женщин; скорее удовлетворены, чем нет – 50% респондентов (48% мужчин и 51% женщин); скорее нет, чем да – 12% респондентов (28% мужчин и 7% женщин). Совсем не удовлетворены результатами своей профессиональной деятельности 5% респондентов, среди них ни одного мужчины, но 7% женщин.

Приходится работать с населением 61% респондентов (от общего количества – 55% мужчин и 63% женщин). У 39% респондентов работа не связана с приемом граждан и взаимодействием с ними. Среди тех, кому по долгу службы необходимо работать с населением, числовой показатель выражен следующим образом: в среднем в день общение с гражданами занимает 2,5 часа (из расчета, что рабочий день составляет 8 часов), то есть около 30% рабочего времени. Этот показатель одинаков и для мужчин, и для женщин.

Часто выступают перед публикой на собраниях, конференциях и т.п. 23% респондентов, среди них 17% мужчин и 25% женщин; иногда – 40% респондентов (48% мужчин и 37% женщин); редко – 22% респондентов (21% мужчин и 23% женщин); никогда – 15% респондентов (14% мужчин и 15% женщин).

Средняя оценка престижа работы в органах государственного управления – 7,4 балла из 10. Мужчины оценивают этот показатель в 6 баллов, для женщин он выше – 7,8 балла. Крайние оценки (0 и 10 баллов) дали 31% респондентов (20% мужчин и 34% женщин). Считают, что престиж работы в органах государственного управления равен нулю, 5% респондентов (10% мужчин и 3% женщин). Самую высокую оценку – 10 баллов – дали 26% респондентов (10% мужчин и 31% женщин).

Как показало проведенное исследование, возраст респондентов не влияет на карьерный рост.

Очевидно, что региональный компонент модернизации государственного управления включает достижение главных региональных приоритетов, повышение качества оказываемых населению услуг, улучшение конкурентоспособности и эффективности деятельности государственной службы субъекта Федерации. Достижение перечисленных задач возможно в случае изменения ценностей и поведенческих характеристик госслужащих, преобразования процедур статусно-ранговой стратификации в процессе профессиональной мобильности.

Правоприменительная практика дифференциации регламентных рамок функций государственных гражданских служащих регионального уровня слабо структурирована с учетом факторов групповой и индивидуальной социальной мобильности. Разграничение вертикальных и горизонтальных параметров индивида в обществе, действительное существование человека в социуме, иерархии, ранги, доминирование и субординация, авторитет и послушание, понижение по службе рассматриваются как перемещение, слабо связанное с социальными механизмами стратификации в сфере государственной гражданской службы.

Социальная мобильность, зависящая от проницаемости границ между стратами и классами общества, обуславливает интенсивность преодоления статусных барьеров. Непроницаемость статусных границ приводит к снижению профессиональной мобильности и конкурентоспособности. Как результат, снижается качество и эффективность государственного управления на региональном уровне. Поэтому таким важным является рассмотрение вопросов управления профессиональной мобильностью государственных служащих в процессе регулирования статусных барьеров.

Библиографический список

1. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренкова. М., 1996. С. 17–26.
2. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
3. Магомедов К.У. Проблемы формирования позитивного имиджа государственной службы // Государственная служба. 2007. № 5 (49). С. 35–41.
4. Пригожин А.И. Современная социология организации. М., 1995.
5. Тихонова Н.Е. Бюрократия: часть общества или его контрагент? // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 5–12.

Zh.Yu. Tretiakova
The Federal Migration Service:
Prospects for Development

The features of the Federal Migration Service administrative and legal status are analyzed. The proposals on the improvement of regulatory and legal framework are formulated.

Key words and word-combinations: migration, law-enforcement body, powers, legal status.

Анализируются особенности административно-правового статуса Федеральной миграционной службы. Формулируются предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы.

Ключевые слова и словосочетания: миграция, правоохранительный орган, исполнительный орган, полномочия, правовой статус.

УДК 314.7:061.1 ФМС
ББК 60.73(0)я73-1+67.401.133.121

Ж.Ю. Третьякова

ФЕДЕРАЛЬНАЯ МИГРАЦИОННАЯ СЛУЖБА: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В современном мире миграционные процессы приобретают особое значение и требуют новых подходов с позиций государственного регулирования. Миграционная политика становится приоритетным направлением деятельности национальных государств.

В Российской Федерации это нашло свое выражение в принятии ряда федеральных законов и иных нормативных правовых актов, направленных на реализацию законных интересов мигрантов – иностранных граждан и лиц без гражданства, а также защиту российского общества и государства от незаконной миграции. Кроме того, в ходе ад-

министративной реформы был создан самостоятельный федеральный орган исполнительной власти – Федеральная миграционная служба (ФМС России), которая с 2004 г. осуществляет правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции.

ФМС подведомственна Министерству внутренних дел Российской Федерации, субординационная связь с которым выражается в наделении министерства рядом контрольно-координационных полномочий по отношению к федеральной службе. По сути, ФМС стала «правопреемником» упраздненных паспортно-визовой службы органов внутренних дел и Федеральной миграционной службы МВД России [1]. Тем не менее Федеральная миграционная служба обладает статусом самостоятельного федерального органа исполнительной власти.

Реализация государственных функций в сфере миграции в период становления ФМС России наглядно продемонстрировала необходимость совершенствования управленческой деятельности по организации надлежащего контроля за миграционными процессами и расширения компетенции ФМС России как центрального звена государственных органов, наделенных полномочиями в данной сфере.

Первоочередным этапом в расширении административно-правового статуса ФМС явилось наделение органа юрисдикционными полномочиями по предупреждению и пресечению незаконной миграции. Так, с 2006 г. органам ФМС России законодателем предоставлены полномочия: по рассмотрению дел об административных правонарушениях в области миграции (ст. 23. 67 КоАП РФ), по применению доставления (п. 15 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ), по составлению протоколов об административных правонарушениях (п. 15 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ) [2]. В тот же период ФМС России отнесена к числу органов, на вооружении которых находится боевое ручное стрелковое и холодное оружие, что подчеркивает правоохранный характер деятельности службы и возможность самостоятельно выполнять возложенные на нее задачи [3].

Должностным лицам органов ФМС России предоставлены законодательные гарантии их деятельности путем установления ответственности за неповиновение их законному распоряжению (требованию) (ч. 3 ст. 19.3 КоАП РФ). ФМС переданы полномочия МВД России по применению депортации к иностранным гражданам [4]. С 2008 г. ФМС включена в перечень органов исполнительной власти, уполномоченных принимать решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации [5].

Являясь одним из основных компонентов компетенции органа исполнительной власти, нормотворческая деятельность представляет собой «важнейшую правовую форму управленческих действий» [6, с. 190] и наделяет орган исполнительной власти самостоятельностью и независимостью в осуществлении предоставленных полномочий. Уже на втором этапе реформирования статуса службы в 2007 г. ФМС определены дополнительные задачи, такие, как реализация общей стратегии государственной политики в сфере миграции и совершенствование нормативно-правового регулирования [7], что стало закономерным шагом и ранее предлагалось в правовой литературе [8, с. 22]. Результатом расширения административно-правового статуса ФМС России стала

активная нормотворческая деятельность органа по принятию правовых актов, регламентирующих применение норм и оказание услуг в сфере миграции.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что предоставленные ФМС России полномочия значительно шире полномочий федеральной службы, а «статус ФМС имеет тенденцию к возрастанию его значимости и самостоятельности» [9, с. 49]. Тем не менее это не повлекло за собой изменения подведомственности службы МВД России, хотя идея выведения Федеральной миграционной службы из-под контроля МВД России поддерживалась в 2007 г. Президентом РФ В.В. Путиным, который в одном из своих выступлений отметил: «Вызывает, конечно, вопрос нахождения миграционной службы в МВД России. Мы не хотели делать это резко, и я не уверен, что сейчас это сделаем, но в целом, конечно, постановка вопроса правильная» [10].

Представляется, что в целях совершенствования управленческой деятельности с учетом происходящих политических и социально-экономических процессов правовой статус ФМС России подлежит дальнейшему реформированию в следующих направлениях:

1. На современном этапе статус ФМС, обусловленный ее задачами, функциями, полномочиями надведомственного характера, организацией деятельности, однозначно можно охарактеризовать как статус самостоятельного правоохранительного органа. Повышение правового статуса ФМС инициирует вопрос о придании ей организационно-правовой самостоятельности, как органу, осуществляющему нормативно-правовое регулирование и реализующему функции государственного контроля и надзора, а также оказания государственных услуг. Очевидно, что такой орган должен занимать «независимое» положение применительно к отраслевой системе управления и поэтому находиться в непосредственном ведении Президента РФ.

К этому уже имеются определенные предпосылки: в настоящее время ФМС занимает промежуточное положение в системе федеральных органов исполнительной власти по объему и характеру предоставленных ей полномочий, которые значительно шире полномочий федеральной службы. Ряд полномочий ФМС соответствуют полномочиям федерального министерства. Кроме того, как правило, руководство деятельностью государственных структур, для которых правоохранительная деятельность является не факультативной, а основной, осуществляет непосредственно Президент РФ.

Считаем, что эффективный контроль и надзор в сфере миграции с целью ее упорядочения и придания ей цивилизованного характера на основе четкой миграционной политики возможен лишь в результате создания органа исполнительной власти, непосредственно подчиненного Президенту РФ. ФМС должна обладать не только мобильностью и оперативностью правотворческой деятельности, но и равной по объему компетенцией с иными федеральными органами исполнительной власти, в том числе с МВД России.

2. Положение о Федеральной миграционной службе закрепляет смешанный принцип комплектования кадров органов ФМС России сотрудниками органов внутренних дел, федеральными государственными служащими и работниками. Оно устанавливает, что до принятия соответствующих федераль-

ных законов лица начальствующего состава органов внутренних дел, проходящие службу в ФМС России, состоят в кадрах органов внутренних дел Российской Федерации, имеют, как правило, специальные звания «внутренней службы» и прикомандировываются к Федеральной миграционной службе. Однако, несмотря на включение в штат ФМС сотрудников органов внутренних дел, проведение в службе реорганизационных мероприятий по созданию подразделений иммиграционного контроля и специальных учреждений, предназначенных для временного размещения иностранных граждан, не имеющих законных оснований для пребывания в Российской Федерации, ряд полномочий принудительного характера, направленных на обеспечение режима пребывания в Российской Федерации иностранных граждан, в сфере миграции (например, административное задержание, административное выдворение иностранного гражданина за пределы Российской Федерации) по-прежнему уполномочены осуществлять органы внутренних дел.

Очевидно, что для решения задач по предупреждению и пресечению незаконной миграции должностные лица ФМС как правоохранительного органа государственной власти должны быть законодательно наделены властными полномочиями, в том числе по применению мер административно-правового принуждения.

Ряд указанных полномочий должностных лиц ФМС содержатся в КоАП РФ и иных федеральных законах, другие – не имеют прямого законодательного закрепления. К последним следует отнести, например, предоставление права проверять документы у граждан при наличии установленных законом обстоятельств; предоставление права вызывать граждан и должностных лиц по делам и материалам, находящимся в производстве у сотрудников ФМС России; применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, а также другие полномочия, которые «есть часть компетенции правоохранительного органа, носящей в большей степени властный, принудительный характер» [11, с. 52]. Именно перечисленные полномочия позволяют правоохранительному органу эффективно реализовывать стоящие перед ним задачи путем незамедлительного реагирования на нарушения законности и содержатся в отдельных законодательных актах об этих органах.

На настоящем этапе, ввиду отсутствия федерального закона, закрепляющего весь комплекс полномочий ФМС, должностные лица службы осуществляют свою деятельность на основании Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» [12], хотя сотрудниками милиции не являются. В данном случае о привлечении должностных лиц органов ФМС России, состоящих в кадрах органов внутренних дел, к выполнению задач милиции должен выноситься приказ (распоряжение) руководителя органа ФМС России [13]. В этом случае на них распространяются обязанности и права, гарантии правовой и социальной защищенности, а также ответственность, предусмотренные для сотрудников милиции. Таким образом, сотрудники органов внутренних дел (а не милиции), прикомандированные к ФМС России, получают легальное право на осуществление полномочий милиции без отдельного законодательного их закрепления. В то же время у государственных гражданских служащих ФМС России указанные полномочия отсутствуют.

Подводя итог, отметим, что значимым условием обеспечения легитимной деятельности федеральной службы выступает подготовка и принятие специального федерального закона, закрепляющего принципы деятельности и систему органов ФМС России, определяющего права, обязанности, социальную защиту должностных лиц органов ФМС России наряду с другими элементами их административно-правового статуса. Указанный закон определит и правовые рамки принудительной деятельности должностных лиц органов ФМС.

За принятием данного закона следует ожидать дальнейшее логичное расширение правового статуса ФМС России. Компетенция ФМС, выполняющей ведущую и координирующую роль в сфере миграции, должна охватывать все контрольно-надзорные и правоприменительные полномочия по реализации миграционной политики Российской Федерации. Органам ФМС России должны быть переданы полномочия, осуществляемые органами внутренних дел, по применению административного задержания лиц, привлекаемых к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства, и полномочия по исполнению административного выдворения иностранного гражданина за пределы Российской Федерации. Необходимо рассмотреть вопрос о включении в перечень видов контроля, осуществляемых в пунктах пропуска через государственную границу, иммиграционный контроль, и наделить полномочиями по учету иностранных граждан, въезжающих в Российской Федерации, ФМС России [14; 15].

Предложенные изменения правового статуса ФМС, на наш взгляд, позволят оптимизировать деятельность службы, поскольку будут способствовать ее устойчивому, централизованному и оперативному функционированию.

Библиографический список

1. Вопросы Федеральной миграционной службы: Указ Президента РФ от 19 июля 2004 г. № 928 // СЗ РФ. 2004. № 30. Ст. 3150.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 11 нояб. 2009 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1; 2009. № 45. Ст. 5267.
3. Об оружии: Федер. закон от 13 дек. 2009 г. № 150-ФЗ (в ред. от 14 марта 2009 г.) // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681; 2009. № 11. Ст. 1261.
4. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федер. закон 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3616.
5. Об утверждении Положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и перечня федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать решение о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 7 апр. 2003 г. № 199 (в ред. от 12 нояб. 2008 г.) // СЗ РФ. 2003. № 15. Ст. 1369; 2008. № 46. С. 5361.
6. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. М., 2004.
7. О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам государственного управления в области миграционной политики: Указ Президента РФ от 21 марта 2007 г. № 403 // СЗ 2007. № 13. Ст. 1540.
8. Ванюшин Я.Л. Конституционное право на гражданство и роль органов Федеральной миграционной службы в его реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
9. Жданов Н.М. Федеральная миграционная служба в полицейской системе государства (вопросы становления, правового положения и направления деятельности) // Полицейское право. 2007. № 1.

10. Официальный сайт Российского информационного агентства «Новости». URL: <http://www.gian.ru> (дата обращения: 13.09.2007).

11. *Гайдов В.Б.* О некоторых полицейских полномочиях сотрудников правоохранительных органов // *Полицейское право.* 2007. № 1.

12. О милиции: Закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 (с изм. от 15 июля 2009 г.) // *Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ.* 1991. № 16. Ст. 503; *СЗ РФ.* 2009. № 31. Ст. 3997.

13. О привлечении к выполнению задач милиции лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, не являющихся сотрудниками милиции, а также стажеров во время испытательного срока: Приказ МВД России от 29 июля 2005 г. № 505 // *Бюллетень нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти.* 2005. № 32.

14. О видах контроля, осуществляемых в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 16 февр. 2008 г. № 94 // *СЗ РФ.* 2008. № 8. Ст. 750.

15. Об утверждении Правил учета в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, въезжающих на территорию Российской Федерации (в том числе лиц, ищущих убежище), следующих транзитом через территорию Российской Федерации, и взаимодействия органов пограничного контроля и органов иммиграционного контроля при его осуществлении: постановление Правительства РФ от 16 февр. 2008 г. № 77 // *СЗ РФ.* 2008. № 8. Ст. 735.

O.M. Durmanova
Financial and Legal Aspects
of Granting Certain State Powers
to Local Authorities

Urgent issues of the forming a list of spending commitments of municipalities and their implementation are examined. Special attention is paid to the problems of the legal regulation of the institution of the expenditure commitments of a municipality in the budgetary legislation of the Russian Federation.

Key words and word-combinations: the expenditure commitments of a municipality, the classification of expenditure commitments of a municipality, the order of granting certain state powers.

Рассматриваются актуальные вопросы формирования перечня расходных обязательств муниципальных образований и их реализации. Особое внимание уделено проблемам правовой регламентации института расходных обязательств муниципального образования в бюджетном законодательстве РФ.

Ключевые слова и словосочетания: расходные обязательства муниципального образования, классификация расходных обязательств муниципального образования, порядок наделения отдельными государственными полномочиями.

УДК 347.73
ББК 67.402

О.М. Дурманова

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ НАДЕЛЕНИЯ
ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ
ОТДЕЛЬНЫМИ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ
ПОЛНОМОЧИЯМИ

В условиях сложившейся в связи с мировым экономическим кризисом ситуации особое значение приобретает проблема эффективности расходования бюджетных средств. Наиболее сложно обстоят дела с исполнением местных бюджетов. В их составе значительный удельный вес составляют денежные средства, поступающие с других уровней бюджетной системы Российской Федерации, в

том числе в целях обеспечения реализации органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий.

Вопросы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями постоянно обсуждаются в юридической литературе. В частности, отмечается, что одним из оснований установления расходных обязательств Российской Федерации является выделение субвенций субъектам РФ для предоставления субвенций местным бюджетам на исполнение расходных обязательств муниципальных образований в связи с надделением органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации [1, с. 218]. В то же время в п. 2 ст. 58 Бюджетного кодекса РФ [2] предусмотрено, что передача полномочий региональных органов государственной власти осуществляется законом субъекта Федерации. Следовательно, вопрос о порядке наделения органов местного самоуправления полномочиями Российской Федерации оставлен законодателем без внимания.

В Бюджетном кодексе РФ также не определено понятие «наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями», не установлен перечень государственных полномочий, которые могут быть переданы органам местного самоуправления. Кроме того, в бюджетном законодательстве отсутствует положение о том, какой федеральный либо региональный орган государственной власти обладает полномочиями по оценке целесообразности делегирования органам местного самоуправления тех или иных государственных полномочий. Нормативное закрепление этого положения является гарантией эффективности бюджетных расходов, повышения качества оказываемых гражданам Российской Федерации государственных услуг.

Из системного анализа ст. 58, 137 и 140 Бюджетного кодекса РФ следует, что в них предусмотрена возможность передачи органам местного самоуправления государственных полномочий в зависимости от вида муниципального образования. В частности, в ст. 58 БК РФ установлено, что представительные органы муниципальных районов могут быть наделены полномочиями органов государственной власти субъектов Федерации по установлению дополнительных нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц. В ст. 140 БК РФ предусматривается возможность передачи отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления поселений. Однако эти положения не проработаны в теории бюджетного права.

Кроме того, не находятся в системной связи статьи Бюджетного кодекса РФ, в которых закреплены положения о видах государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления муниципальных районов. Об этом свидетельствует ряд примеров. Так, в ст. 58 БК РФ установлено право региональных органов государственной власти наделять органы местного самоуправления полномочиями в сфере налогообложения доходов физических лиц. В ст. 137 БК РФ – право органов государственной власти субъектов Федерации передавать органам местного самоуправления районов полномочия по расчету и предоставлению дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности по-

селений. Кроме того, закреплено право передавать полномочия субъектов РФ по расчету и предоставлению субвенций бюджетам поселений (ст. 140 БК РФ).

В связи с изложенным можно сделать вывод, что в Бюджетном кодексе РФ не систематизированы нормы, связанные с наделением органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, что препятствует их эффективному исполнению.

Практика взаимоотношений между разноуровневыми субъектами финансового права формируется достаточно продолжительное время. Однако в федеральном законодательстве до сих пор не закреплен единообразный механизм наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, хотя потребность в этом очевидна. Кроме того, нетрудно заметить и проблемы, порожденные данным обстоятельством.

В ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» установлено, что законами субъекта РФ органы местного самоуправления могут наделяться отдельными государственными полномочиями с передачей им необходимых материальных и финансовых ресурсов [3]. Вследствие такой формулировки субъекты Федерации самостоятельно определяют соответствующие механизмы. Например, Закон Пензенской области «О наделении органов местного самоуправления Пензенской области отдельными государственными полномочиями Пензенской области...» [4, с. 11] предусматривает возможность передачи местным органам власти государственных полномочий Пензенской области в сфере социальной поддержки населения, по государственной регистрации актов гражданского состояния, по опеке и попечительству и другие.

Помимо упомянутого Федерального закона [3], вопросы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями нашли отражение и в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5] (далее – Закон № 131-ФЗ). В соответствии со ст. 19 этого Закона передача государственных полномочий осуществляется только на основе федеральных законов и (или) законов субъектов Федерации. В то же время с 1 января 2008 г. действует ч. 4.1 ст. 20 упомянутого Закона, в которой предусматривается иной порядок наделения органов местного самоуправления такими полномочиями: на основе решения представительного органа муниципального образования.

В целях устранения наметившихся пробелов и коллизий, порожденных разночтениями в названных федеральных законах, представляется целесообразным дополнить ст. 19 Закона № 131-ФЗ положением о том, что наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями осуществляется на основе федеральных законов, законов субъектов Федерации, а также в соответствии с решениями представительных органов муниципальных образований в случаях, предусмотренных этим Законом. Это, на наш взгляд, не только устранил разночтения, но и будет способствовать повышению эффективности исполнения местных бюджетов.

Несовершенство механизма закрепления государственных полномочий за органами местного самоуправления во многом обусловлено отсутствием четкого разграничения расходных обязательств муниципальных образований в нормах бюджетного законодательства Российской Федерации. В ст. 15 Бюджетного кодекса РФ [2] определены две группы расходных обязательств муниципального образования:

1) обязательства, связанные с реализацией полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения;

2) обязательства, связанные с осуществлением органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий.

При формировании бюджетов органы местного самоуправления не всегда обращают внимание на различные перечни вопросов местного значения в зависимости от вида муниципального образования. В целях повышения эффективности бюджетных расходов вполне обоснованным было бы на законодательном уровне закрепить перечень расходных обязательств с учетом видов муниципальных образований:

– расходные обязательства муниципального района по решению вопросов местного значения;

– расходные обязательства городского округа по решению вопросов местного значения;

– расходные обязательства городского или сельского поселения по решению вопросов местного значения;

– расходные обязательства внутригородской территории города федерального значения по решению вопросов местного значения.

Что касается второй группы расходных обязательств, связанных с реализацией отдельных государственных полномочий органами местного самоуправления, представляется целесообразным разделить их на две подгруппы в зависимости от способа закрепления: 1) обязательства, передаваемые во исполнение прямого указания в федеральных законодательных актах; 2) обязательства, передаваемые в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Важно иметь в виду, что в п. 5 ст. 86 Бюджетного кодекса РФ установлена третья группа расходных обязательств, которая характеризуется следующими признаками:

– исполнение расходных обязательств, входящих в эту группу, связано с решением вопросов, не отнесенных к компетенции органов местного самоуправления других муниципальных образований, органов государственной власти;

– вопросы, для решения которых устанавливаются расходные обязательства, не исключены из компетенции органов местного самоуправления других муниципальных образований, органов государственной власти соответствующими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации;

– наличие собственных финансовых средств (за исключением межбюджетных трансфертов) для исполнения расходных обязательств.

В отличие от расходных обязательств, предусмотренных ст. 15 Бюджетного кодекса РФ, обязательства третьей группы не связаны с решением вопросов местного значения муниципального образования, а также с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления в установленном порядке.

В связи с этим представляется оправданным внесение в абзац 5 ст. 15 БК РФ изменения, изложив его в следующей редакции:

«В местных бюджетах в соответствии с бюджетной классификацией Российской Федерации отдельно предусматриваются средства, направляемые на исполнение следующих расходных обязательств муниципальных образований:

– возникающих в связи с осуществлением органами местного самоуправления полномочий по вопросам местного значения;

– исполняемых за счет субвенций из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации для осуществления отдельных государственных полномочий;

– связанных с решением вопросов, не отнесенных к компетенции органов местного самоуправления других муниципальных образований, органов государственной власти и не исключенных из их компетенции федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации».

Наряду с внесением изменений в акты бюджетного законодательства Российской Федерации целесообразным, по нашему мнению, принять нормативный правовой акт, в котором предусмотреть все вопросы, решение которых может быть отнесено к компетенции муниципальных образований, поскольку на данный момент единый перечень таких вопросов отсутствует, что в значительной мере осложняет формирование и исполнение местных бюджетов.

Библиографический список

1. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 19 мая 2010 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2010. № 21. Ст. 2524.
3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 8 мая 2010 г.) // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2010. № 19. Ст. 2291.
4. О наделении органов местного самоуправления Пензенской области отдельными государственными полномочиями Пензенской области и отдельными государственными полномочиями Российской Федерации, переданными для осуществления органам государственной власти Пензенской области: Закон Пенз. области от 22 дек. 2006 г. № 1176-ЗПО (в ред. от 23 окт. 2009 г. № 1814-ЗПО) // Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. 2006. № 37 (ч. 1).
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 8 мая 2010 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2010. № 19. Ст. 2291.

T.G. Golubeva
**Social Activity as a Determinant
 of a Prospective Model
 of Local Self-Government**

One of the main factors of building advanced models of local self-government is social activity, the motivation of citizens to the development of forms of direct democracy. The problems and resource potential of the implementation of the model of local government based on clearly formulated social contract between the people and municipal authorities are shown.

Key words and word-combinations:
 local self-government, social contract, social activity, direct democracy.

Одним из основных факторов реализации перспективной модели местного самоуправления является общественная активность, мотивированность граждан на развитие форм прямой демократии. Показаны проблемы и ресурсный потенциал осуществления модели местного самоуправления, основанной на однозначно сформулированном социальном контракте между населением и муниципальными властями.

Ключевые слова и словосочетания:
 местное самоуправление, социальный контракт, общественная активность, прямая демократия.

УДК 352
 ББК 66

Т.Г. Голубева

ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В процессе научного обсуждения хода муниципальной реформы на первый план специалистами выдвигаются вопросы об имеющихся результатах и возможных перспективах развития местного самоуправления в Российской Федерации. Большинство из них полагают, что сегодня сложилась система местного самоуправления, которая не соответствует официально продекларированной цели: не случилось качественного улучшения жизни населения, не повысилась эффективность муниципального управления, не произошло развитие демократических начал в местных сообществах.

На первоначальном этапе муниципальной реформы в организационном формировании муниципальных структур и их административном регулировании естественным образом ведущая роль принадлежала государству. На следующем – логичной представлялась активизация самих местных сообществ, реализующих предоставленные государством правовые и организационные возможности. Однако в действительности этого не произошло.

Патерналистская в своей основе современная модель развития местного самоуправления подверглась во время начавшегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса серьезному испытанию на прочность. Доходная часть бюджетов муниципальных образований существенно снизилась. Выяснилось, что

ресурсная база местного самоуправления, испытывавшая постоянный дефицит в докризисный период, не может обеспечить покрытие основных социальных расходов. Кроме этого, проявилось отсутствие в существующей системе местного самоуправления достаточно устойчивых механизмов саморегуляции, позволяющих ей адекватно реагировать на деструктивные воздействия. В целом, как показала практика, реформированное местное самоуправление оказалось не соответствующим предъявляемым к ней в настоящий момент требованиям. В связи с этим важно поставить проблему научного обоснования и внедрения перспективной модели местного самоуправления. Такая модель должна базироваться в теоретическом плане на уточнении современной концепции, в практическом – на синтезе существующих моделей и практик местного самоуправления. Полагаем, что в перспективе ее реализация приведет к возникновению нового качества политической организации общества, обусловленного изменением представлений людей о способах и формах территориальной организации жизни социума.

Предлагаемая (предполагаемая) нами модель местного самоуправления основывается на однозначно сформулированном социальном контракте, участниками которого являются население, муниципальные власти и региональные элиты.

Сверхзадача социального контракта заключается в повышении роли самоорганизации населения в сфере решения общественно значимых проблем, а также в стимулировании запроса граждан на повышение эффективности работы муниципальных учреждений, которые обслуживают население. Поэтому, по нашему убеждению, важнейшим фактором эффективности реализации перспективной модели местного самоуправления является общественная активность населения.

Безусловно, общество, в котором сфера принятия индивидуального решения существенно ограничена государством, не может развиваться динамично. Практики патернализма, в рамках которых гражданами осуществляется перекладывание ответственности за существующие экономические, социальные и политические проблемы на государство, сформировались еще в советское время и получили развитие в Российской Федерации. Даже произошедшая в 1990-х годах смена концептуальных основ политической системы не отразилась на реалиях функционирования местного самоуправления. Этому в немалой степени способствует главенствующая социальная установка населения муниципалитетов: нередко граждане воспринимают «муниципальных чиновников как «родителей», обязанных сделать жизнь своих детей благополучной» [1, с. 87].

Осуществляемая реформа местного самоуправления ориентирована на использование ресурса заинтересованного участия населения, в основе которого лежит свобода политического действия ответственных граждан. Через корреляцию свободы и ответственности граждан за положение дел на территории их проживания теоретические конструкты организации функционирования местного самоуправления приобретают важное политико-этическое измерение. Современное общество требует от индивидов более ответственного поведения в вопросах организации повседневности и взаимодействия с территориальным социумом. Одним из факторов реформирования местного самоуправления должно быть формирование у граждан элементов активистской (партиципаторной) политической культуры.

Данная задача является как чрезвычайно важной, так и необыкновенно сложной. По мнению А.И. Соловьева, в политической деятельности широких слоев населения проявляются культурные характеристики, в ряду которых можно назвать «гражданские ориентации (тяготение к исполнительским функциям, непопулярность контроля за властями, низкая самодостаточность существования человека в публичной сфере, пренебрежение правовыми методами регуляции совместного поведения)... приверженность к неформальным авторитетам, отчужденность от формальных институтов власти, низкий статус самоуправления и др.» [2, с. 6]. На таком в целом неблагоприятном фоне местное самоуправление, как действующая организационная структура, должно искать, инициировать, оформлять идущую снизу инициативу населения и обеспечивать баланс интересов в местном сообществе.

Однако в настоящее время интересы населения не формализованы, отсутствуют действенные механизмы их выражения. По-прежнему практически все зависит от власти разного уровня. Как следствие, общественной активности, направленной на решение местным сообществом вопросов собственного благополучия, не наблюдается. Так, по данным, приведенным в докладе Общественной палаты РФ «О состоянии гражданского общества в России» в 2007 г., активность граждан невелика: только каждый десятый участвует в деятельности, выходящей за рамки его частного бытия [3, с. 30].

Представители политической науки и юристы отмечали, что «местное самоуправление – это не только область гражданской самостоятельности и общественной активности населения, но и специфический уровень власти» [4, с. 5]. Возможно, в этом кроется причина того, что исторически государство не стремилось культивировать общественную активность даже на низовом этапе публичного управления, а местное самоуправление до сих пор воспринимается не только населением, но и, прежде всего, государственной бюрократией как органичное и неотъемлемое продолжение государственной власти на муниципальный уровень.

Уже в постсоветский период в нарушение базовых принципов местного самоуправления губернаторы, преследуя свои цели, нередко пытались отстранить руководителей органов местного самоуправления за иную политическую ориентацию или принадлежность к другой финансово-экономической группе. В результате муниципальный уровень власти оказался не в полной мере самостоятельным как в политико-управленческом, так и в бюджетно-экономическом плане.

Как отмечают исследователи, происходила подмена нормативного регулирования местного самоуправления субъективным администрированием со стороны региональной исполнительной власти. Регионы делали неоднократные попытки если не ограничить законодательно полномочия органов местного самоуправления, так хотя бы привлечь в бюджеты субъектов РФ доходы муниципальных образований, в результате чего последние оказывались лишенными финансовой базы и попадали под контроль (прежде всего экономический) со стороны первых. «Зависимость органов и должностных лиц местного самоуправления не столько от воли и мнения населения, сколько от финансового диктата исполнительной власти субъекта Федерации во многом девальвировала то, во имя чего задумывалась самостоятельность российского местного самоуправления» [5, с. 54–55].

Результатом становилась не только трансформация института местного самоуправления, но и деформация принципов, на которых оно основано.

Несмотря на многочисленные программы государственной поддержки местного самоуправления, муниципалитеты, во всяком случае значительная их часть, не имели ресурсной базы для развития, а нередко и для реализации на минимально приемлемом уровне закрепленных законодательством социальных обязательств. Конституционные принципы самостоятельности местного самоуправления привели на деле не только к отделению местного самоуправления от государства, но, к сожалению, и к отделению государства от самоуправления. «Государство фактически устранилось, в частности, от забот жилищно-коммунального хозяйства, решив, что свою роль в значительной мере выполнило, передав жилье в собственность граждан, и окончательно ее выполнит, настояв на приватизации жилищно-коммунального хозяйства» [6, с. 6]. Тем самым элиты в указанной сфере сложили с себя, как им казалось, политическую ответственность за реализацию гарантированных Конституцией страны прав граждан не только на жилище, но и на эффективную муниципальную власть.

Сложение ответственности правящей элиты за функционирование муниципального уровня власти не означало повышения роли самоорганизованности и саморегуляции местных сообществ. Кроме того, отсутствие в России традиций участия населения в управлении способствовало дальнейшей дифференциации интересов в рамках социума.

Сферы общественной жизни – явление не юридическое. Но, будучи выделенными и закрепленными в законодательстве в качестве предмета деятельности органа, данные области (сферы) общественных отношений становятся юридической категорией [7, с. 87]. Тем большее значение это приобретает тогда, когда на территории муниципальных образований формируются локальные местные сообщества: предпринимательские и финансовые круги, местные отделения политических партий, профессиональные группы, территориальные общества, социальные группы, национальные и религиозные сообщества, благотворительные организации и организации по интересам. Все они в разной степени заинтересованы в решении тех или иных вопросов местной жизни, и все они оказывают воздействие на социум, но только в своих собственных корпоративных интересах. Взаимодействие с местной властью перечисленные локальные сообщества осуществляют также исходя из них.

При таких условиях становится весьма затруднительным развитие демократических начал и системы социального представительства, реализация перспективной модели местного самоуправления. Для того чтобы стать действующими, предложенные нами институциональные изменения должны быть приняты общественным сознанием и освоены членами общества. Иначе говоря, должна состояться их политическая интериоризация.

Применительно к проблематике детерминации перспективной модели местного самоуправления, на наш взгляд, интериоризацию изменений необходимо рассматривать в двух аспектах. Во-первых, в аспекте усвоения участниками территориального сообщества новых политических ценностей, к числу которых относятся: формирование индивидуальной ответственности за состояние

территорий; неприятие коррупционных отношений и активная гражданская позиция в вопросах противодействия коррупции; неприятие политической аномии в различных формах ее проявления. Во-вторых, в плане уровня институциональных компетенций граждан, к числу которых относятся: навыки анализа механизмов функционирования политической и организационной системы местного самоуправления; навыки поиска необходимых сведений о предоставляемых структурами местного самоуправления услугах и возможности доступа к ним, в том числе и по каналам электронной коммуникации; навыки участия в общественных организациях, деятельность которых ориентирована на сферу интересов территориального социума. Перечисленное относится к компетенциям в сфере базовых демократических ценностей. На концептуальном уровне речь должна идти о мерах по повышению степени доверия к местному самоуправлению как к политическому институту.

В рамках территориальных сообществ разнообразие добровольных коллективных действий позволяет охватить множество направлений интересов граждан. Однако политическое действие ценно не само по себе, но только в том случае, если оно подразумевает высокий уровень институциональной компетенции граждан в вопросах политической социализации, политической свободы и гражданской ответственности. Иными словами, граждане часто не представляют, как пользоваться теми или иными институтами для защиты своих прав, что означает низкий уровень институциональной компетенции.

На наш взгляд, онтологической причиной аномии является утрата объединяющей нацию позитивной идеологической основы. Распространенная в последние десятилетия у представителей правящей элиты ирония в отношении появления объединяющей нацию идеологии привела к реформированию института местного самоуправления на принципах конструктивизма, отрицающих политическое начало в организации функционирования местных сообществ, что и стало препятствием на пути реформирования. Ни реальной политической проблематики, ни креативных идей о политике реформирования местного самоуправления региональные элиты не смогли предложить для обсуждения на федеральном уровне. Тем не менее в условиях преобладания общественной индифферентности именно они получили возможность корректировать ход муниципальной реформы.

На перспективы реформы и реализации местного самоуправления негативным образом влияет и такой фактор, как экстенсивная стратегия развития большинства муниципальных образований, не ориентированная на объективно существующие в стране рыночные отношения.

Отсутствие реального воздействия населения на власть и нехватка качественного менеджмента – две концептуальные проблемы большинства органов местного самоуправления современной России. При разработке рыночно ориентированной стратегии управления деятельностью муниципальных структур требуется анализ закономерностей функционирования территориального социума, спроса на рынке муниципальных услуг, уровня благосостояния населения.

Рыночно ориентированная стратегия управления деятельностью муниципальных учреждений предполагает использование инструментов регулируемой конкуренции действующих на территории акторов.

По данным опроса ВЦИОМ [8], в 2009 г. около 55% россиян заявили, что никогда не хотели и сейчас не хотят открывать бизнес. В 2008 г. подобной точки зрения придерживались всего 44% респондентов. По данным цитируемого опроса, количество тех, кто хотел открыть бизнес всегда и хочет теперь, также сократилось с 26 до 19%. В то же время незначительно увеличилось число респондентов, ответивших, что у них уже есть свой бизнес (4% – в 2008 г. и 5% – в 2009-м). Указанное означает низкую прослойку самодельного населения в структуре территориального социума, что не способствует заявленной реформаторами местного самоуправления линии на повышение ресурсной базы муниципалитетов.

Изменение структуры властных отношений потребует новых учреждений, но также и новых категорий общественной жизни, новых политических ролей и нового отношения к учету общественного мнения в процессе реализации муниципальной политики. Необходимо признать, что ввиду масштабов страны и различия политических систем в регионах – внедрение перспективной модели не может осуществляться параллельно.

Главная проблема формирования конструктивно и активно действующих организаций и движений – непоследовательность трансформационных процессов социального характера, что создает невысокий уровень социальных ожиданий россиян. Нехватка ресурсов не позволяет общественным организациям и движениям выступать вместе с государством в решении социальных проблем.

Дальнейшая институционализация гражданских инициатив, выстраивание правовых отношений общественных организаций с государством являются важным шагом для «подкрепления» политических процессов организованными формами «низовой демократии», обучения граждан первичным навыкам гражданской активности. В целях совершенствования механизма российских политических процессов на муниципальном уровне требуется решить следующие проблемы:

- создать систему «сдержек и противовесов» в отношениях между различными политическими акторами местного самоуправления;
- внедрить механизм реализации общественного контроля над исполнительной властью, в том числе в вопросах противодействия коррупционным практикам;
- добиться формирования профессиональных, ориентированных на инновационное развитие муниципальных элит;
- обеспечить условия для сознательной политической деятельности активной части населения.

В процессе реализации реформы институт местного самоуправления стал невосприимчив к иницилируемым «снизу» политическим инновациям. В ходе трансформации института местного самоуправления в условиях проводимой в стране реформы муниципальная власть стала более зависимой от региональных и федеральных структур, взяв курс на тотальную бюрократизацию.

Созданная система местного самоуправления в рамках сформированной в России «вертикали власти» утратила стимулы к саморазвитию, поощрению инициативы населения, уменьшению уровня коррупции и расширению воспроизводящихся социальных и политических ресурсов.

Настроения и ожидания населения применительно к возможности возникновения новой политической ситуации должны основываться на соответствующей ресурсной базе. Центральными факторами массовой политической мобилизации должны стать простота требований и позитивная вера граждан в возможные перемены жизни местного сообщества. На наш взгляд, именно общественная активность населения является важнейшим фактором эффективности реализации перспективной модели местного самоуправления.

Библиографический список

1. Безрукавников А.И. Роль местного самоуправления в процессе строительства гражданского общества // Местное самоуправление в России: сб. статей. М., 2003.
2. Соловьев А.И. Цивилизация versus политика: российские иллюстрации // Власть. 2008. № 8.
3. Головина Е. Былинки по полям // Профиль. 2007. № 4.
4. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М., 1997.
5. Марченко О.В. Метод муниципально-правового регулирования общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
6. Васильев В.И. Государственная власть и местное самоуправление: продолжение спора // Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в Российской Федерации. М., 2004.
7. Фадеев В.И. Муниципальное право России. М., 1994.
8. Кризис и предпринимательский дух россиян // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): пресс-выпуск. 2009. № 1270.

Igor Palush Territorial Self-Government as a Constitutionalism Principle

The phenomenon of local territorial self-government as a principle of constitutionalism which expresses the democratic and legal state is considered. The institution of regional government is regarded as an inherent part of public administration in the Slovak Republic.

Key words and word-combinations: constitutionalism, decentralization of authority, territorial self-government, the local community.

Рассматривается феномен местного территориального самоуправления как принцип конституционализма, выражающий демократический и правовой характер государства. Институт регионального самоуправления представлен как составная, неотъемлемая часть государственного управления в Словацкой Республике.

Ключевые слова и словосочетания: конституционализм, децентрализация властных полномочий, территориальное самоуправление, местное сообщество.

УДК 342.55
ББК 67.400.7

Игор Палуш

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ПРИНЦИП КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Функциональное назначение каждой демократической конституции определяется ее содержанием. В его основу должны быть положены принципы, в соответствии с которыми ведется строительство государства и возможное изменение которых рассматривалось бы не как обновление, а как ревизия конституции. В связи с этим обратимся к принципам современного (читай – демо-

кратического) конституционализма, которые воспроизводятся в Конституции Словацкой Республики и играют важную роль в практической деятельности органов государственной власти, а также органов самоуправления.

Принципы конституционализма являются главенствующими факторами конституционного демократического управления. В практической же плоскости они находят свое конкретное выражение в том или ином конституционном институте. Например, принцип демократии и принцип территориального самоуправления проявляются в институте свободных выборов посредством всеобщего, прямого и тайного голосования или в виде депутатских мандатов своих представителей [1, с. 66].

В ряду принципов конституционализма особое, незаменимое место принадлежит территориальному самоуправлению. Территориальное самоуправление как принцип конституционализма – проблема, имеющая международное звучание. Оно является важным фактором децентрализации государственной власти и строительства правового государства, лежит в основе демократических процессов в европейских странах, включая и Россию.

Применительно к Словакии территориальное самоуправление является неотъемлемой составной частью демократического, правового государства и полностью соответствует проверенному временем выводу, что краеугольным камнем свободного государства является свободная коммуна (поселение), что и нашло свое отражение в Конституции Словацкой Республики.

Конституция Словацкой Республики заложила принцип разделения властных полномочий и закрепила конституционную триаду субъектов государственной власти: гражданин – коммуна (самоуправляемый край) – государство [2, с. 648]. В основе конституционной концепции территориального самоуправления как формы государственной власти лежат два критерия: отдельно взятый гражданин – активный субъект, принимающий непосредственное участие в решении всех вопросов, носящих общественный характер; территориальный самоуправляемый субъект – общность людей, имеющих в рамках Конституции и законов право решать свои вопросы прямо или посредством избранных ими представителей [1, с. 508]. Государство часть своих полномочий передает местным органам власти, но в то же время оставляет за собой право осуществлять надзорные и контрольные функции за деятельностью коммуны и самоуправляемого края в целях соблюдения Конституции и законности. Эта особенность дает основание утверждать, что территориальное самоуправление на местном или региональном уровне является основой демократического устройства и составной частью государственной власти.

Для понимания сути территориального самоуправления как принципа словацкого конституционализма необходимо исходить из комплекса определяющих черт:

- территориальное самоуправление как форма деятельности государственной власти в местных условиях;
- коммуна и самоуправляемый край (область) как территориально самоуправляемые субъекты;
- коммуны и самоуправляемый край как субъекты права;
- судебная защита территориального самоуправления.

Территориальное самоуправление в Словакии рассматривается как форма деятельности государственного управления в местных условиях, как особый вид общественной деятельности при решении управленческих и организационных задач в целях реализации проблем, стоящих перед обществом и обусловленных общественными интересами. Характерной чертой органов территориального самоуправления является стремление решать задачи по удовлетворению запросов населения собственными силами без прямого вмешательства государства.

Подобная деятельность специфична. Она не вписывается в традиционные формы управления, в сложившуюся практику регулирования общественных отношений органами государственной власти. Самоуправление предполагает, что решение возникающих в ходе реализации общественных процессов проблем осуществляется методами саморегулирования [3, с. 320–323]. Это обуславливает применение особого стиля руководства, когда к управлению причастны не только сотрудники властных структур, но и собственно население территориального самоуправляемого субъекта. Иначе говоря, жители коммуны (поселения) или самоуправляемого края не являются лишь объектом управления, ради которого и созданы органы территориального самоуправления, но за ними признается право выступать в роли самостоятельных субъектов управления, которые принимают непосредственное участие в деятельности территориальных самоуправляемых институтов всех типов.

Система территориального самоуправления возникла в ходе глубоких общественных перемен, которые произошли в бывшей Чехословакии в конце 1980-х годов. Правовой основой современного территориального самоуправления стал закон, в котором было четко определено, что основной единицей местного самоуправления является коммуна (поселение) (Закон № 369 / 1990) и закон о самоуправлении высших территориальных структур, каковыми признавались самоуправляемые края (области) (Закон № 302 / 2001).

Коммуны и самоуправляемые области в соответствии с Конституцией Республики являются самостоятельными территориально самоуправляемыми единицами с четко определенной территорией и известным количеством проживающего на ней населения. Проявлением самостоятельности коммуны и самоуправляемого края выступает право иметь собственные символы – герб, флаг, печать, а иногда и гимн.

Территория коммуны может состоять из территорий отдельных деревень (поселений), имеющих собственные названия. Закон о территориальном устройстве Республики предусматривает механизм, позволяющий, при необходимости, осуществлять изменения территориальных границ. Коммуна может быть создана, ликвидирована, разделена на части или объединена с иной коммуной решением правительства. Однако в таком случае требуется согласие граждан, проживающих в коммунах, и соответствующее решение районных органов власти. При этом проведение местного референдума обязательно.

Территория самоуправляемого края тождественна территории края как административно-территориальной единицы Словацкой Республики. Территориальные границы самоуправляемого края можно изменить лишь после принятия соответствующего закона.

К жителям коммуны, самоуправляемого края относятся все, кто постоянно проживает на этих территориях, включая иностранных граждан. Их правовой статус подразумевает наличие прав и обязанностей по отношению к коммуне, самоуправляемому краю и их органам. Жителям предоставлено право избирать органы управления коммуны или края, быть избранным в эти органы, участвовать в голосовании по выносимым на референдум вопросам жизни коммуны и самоуправляемого края, вносить предложения, обращаться с жалобами и иными просьбами в органы управления коммуны или самоуправляемого края, а также право использовать принадлежащее им имущество, предназначенное для общественных целей. Закон о территориальном устройстве одновременно возлагает на граждан обязанность охранять имущество коммуны, поддерживать в поселениях порядок, своевременно платить местные налоги и сборы, способствовать охране окружающей среды, ее улучшению.

Система территориального самоуправления в Словацкой Республике имеет свои корни в так называемой «смешанной модели», в рамках которой коммуна или самоуправляемый край кроме собственных полномочий используют и полномочия, переданные (делегированные) им органами государственной власти. Деятельность территориальных самоуправляемых институтов предполагает самостоятельное принятие решений по реализации задач, которые имеют отношение к сфере деятельности этих институтов, а также их собственности. Однако это возможно лишь в том случае, если решение этих задач не возложено на государство или иное юридическое или физическое лицо соответствующим законом правительства.

Главной задачей коммуны или самоуправляемого края в процессе самоуправления является работа о всестороннем развитии своих территорий, удовлетворение запросов населения. Полномочия территориальных самоуправляемых институтов и их органов определяется законом с учетом международных договоров и соглашений. Они затрагивают такие сферы деятельности, как экономическая, политическая, социальная, правовая, экологическая и прогностическая [1, с. 516].

Переданные в соответствии с Конституцией полномочия дают право коммуна и самоуправляемому краю решать задачи, относящиеся к местным органам государственной власти. Этот процесс регулируется особо, с учетом объема и сложности стоящих перед этими органами задач, их финансирования, контроля. Коммуне и самоуправляемому краю передаются права и обязанности органов государственного управления, реализация которых на местном уровне будет более рациональной и эффективной. В данном случае необходимые финансовые и иные материальные средства выделяет государство. За ним же, в лице правительства, остается право управления и контроля за ходом реализации переданных полномочий.

При рассмотрении территориального самоуправления как принципа конституционализма важно четко определить статус коммуны и самоуправляемого края в качестве субъектов права. С правовой точки зрения они могут выступать как юридические лица публичного права или как юридические лица частного права. На практике в каждом конкретном случае правовой статус и ком-

муны, и самоуправляемого края определить более сложно, чем кажется на первый взгляд. Причина – специфические особенности, связанные с деятельностью органов местного самоуправления, которым передана часть полномочий государственного управления [3, с. 510].

Различие юридического статуса коммуны и самоуправляемого края оказывается решающим прежде всего с точки зрения конституционно-правового режима, который регулирует их деятельность. Это значит, что коммуна и самоуправляемый край, вступая в правовые отношения в качестве носителей местного самоуправления или как исполнители задач, относящихся к местным органам государственного управления, являются субъектом публичного права и их правовое положение определяется нормами публичного права. Если же коммуна и самоуправляемый край в правовых отношениях выступают в качестве иных, подобных себе, юридических лиц, то их деятельность будет регулироваться нормами частного права.

Коммуна и самоуправляемый край как субъекты публичного права являются особыми общественно-правовыми корпорациями, объединяющими население на территориальной основе и имеющими в соответствии с Конституцией и законами полное право принимать участие в реализации задач общественно-государственного характера. Если речь идет о коммуне и самоуправляемом крае как исполнителях задач, переданных им органами государственного управления, то они обладают такими же правами, как и иные государственные органы, то есть в соответствии с Конституцией (ст. 2, § 2) могут действовать только в тех рамках, которые определены законом. В таком случае они располагают властными полномочиями и в соответствии с законом могут принимать решения, касающиеся предполагаемых обстоятельств, и влиять на права и обязанности субъекта, защищающие интересы иных субъектов права. Иначе говоря, они, выступая в качестве носителей публичной власти, имеют право в рамках своего территориального округа возлагать на физические и юридические лица обязанности в форме приказов и запретов.

Коммуна и самоуправляемый край в процессе реализации функций, относящихся к самоуправлению, могут выступать как юридические лица частного права (заключать соглашения о торговле, предоставлять кредиты, создавать торговые объединения). В этом случае коммуна и самоуправляемый край находятся на одинаковых позициях, как и другие участники частноправовых отношений, и не имеют права принимать односторонние решения, приказывать. Их поведение регулируется Конституцией Республики, в соответствии с которой каждый может делать то, что не запрещено законом, и никого нельзя заставить совершать то, что противоречит закону. Вместе с тем следует подчеркнуть, что территориально самоуправляемые субъекты должны и в сфере частноправовых отношений соблюдать правила, установленные законом (закон, в частности, может определить четко обозначенные специфические правила правовых действий коммуны и самоуправляемого края в процессе предпринимательской деятельности, управления имуществом (собственностью)) [4, с. 19].

Как правило, процесс самоуправления осуществляется в населенном пункте посредством деятельности муниципального представительного органа и старо-

сты, а в самоуправляемом крае – регионального представительного органа и его председателя. Все органы местного самоуправления избираются сроком на четыре года. В состав представительства входят депутаты, количество которых определяется законом: на уровне населенного пункта – от трех до 41 депутата, на уровне региона – один депутат от 12–15 тыс. жителей самоуправляемого края. Представительства, как коллективные органы, проводят свои заседания один раз в два месяца. Решение об их проведении принимают: в населенном пункте – староста, в самоуправляемом крае – председатель представительного органа. Эти же лица ведут заседания, подписывают принятые постановления, причем названные чиновники имеют право приостановить действие того или иного решения, принятого представительством. Процедура подобного действия определена законом.

В соответствии с Конституцией староста коммуны и председатель самоуправляемого края рассматриваются как официальные представители избранных органов. По закону о муниципалитетах староста является представителем коммуны и ее высшим должностным лицом. Он же представляет интересы государственного органа в имущественно-правовых делах коммуны и трудовых, юридических отношениях работников коммуны. Что касается административных отношений, староста выполняет роль администратора исполнительного органа. Председатель самоуправляемого края выполняет функции официального органа в вопросах имущественно-правового характера, трудовых и иных отношений.

По Конституции органы территориального самоуправления имеют право проводить местные и региональные референдумы, а на уровне отдельных поселений – общие собрания всех жителей населенного пункта. Тем самым жители территориальных самоуправляемых субъектов реализуют свое право на участие в самоуправлении. Региональные и местные референдумы представляют собой акции, в ходе которых жители коммуны и самоуправляемого края прямо участвуют в управлении общественными делами.

Закон признает обязательным референдум в случае, если речь идет об отзыве старосты населенного пункта, председателя самоуправляемого края, которые надлежащим образом не выполняют свои обязанности и нарушают правовой порядок. Референдум обязателен, если за его проведение высказалось не менее 30% жителей, имеющих право голоса и проживающих на территории коммуны или самоуправляемого края. Референдум обязателен всегда, если речь идет о слиянии деревень или иных населенных пунктов, их разделении или их ликвидации, изменении названий. Решение о проведении референдума принимает соответствующее представительство, которое, в свою очередь, может назначить референдум в случае, если оно посчитает необходимым вынести на его рассмотрение вопросы, относящиеся непосредственно к реализации местного самоуправления на местах. Наиболее часто местные референдумы проводятся на уровне населенных пунктов. Проведение референдума на уровне края – исключение. Его юридическое оформление носит слишком общий характер, а на практике способствует возникновению целого ряда проблем, связанных с реализацией его итогов [5, с. 277].

Сходы (собрания) жителей населенного пункта как форма прямой демократии используются главным образом в малых и средних поселениях. Их эффективность налицо, если они хорошо подготовлены, но подобное слишком редко встречается, что вызывает сожаление.

Позиция территориального самоуправления как принципа конституционализма подкрепляется судебной защитой (ст. 127а Конституции Словацкой Республики). Этим положением Конституции подтверждается правомочие Конституционного суда рассматривать жалобы органов самоуправления в отношении антиконституционных действий или незаконного вмешательства в дела территориального самоуправления. Именно Конституционный суд, а никакой иной, обеспечивает защиту органов самоуправления, когда речь идет о защите прав на их самоуправление (так называемая коммунальная жалоба).

С одной стороны, коммунальная жалоба способствует расширению сферы процессуальных действий Конституционного суда за счет рассмотрения антиконституционных, незаконных решений или иных вмешательств государственных органов. С другой стороны, она дает возможность поставить вопрос о решениях и принимаемых мерах, с помощью которых вмешательство в дела местного самоуправления коммуны и самоуправляемого края осуществляется антиконституционными, противозаконными методами. Подачу жалобы можно мотивировать желанием защитить как конституционность, так и законность.

Конституционный суд в одном из своих решений заключил, что «в соответствии со статьей 127а Конституции Словацкой Республики жалобщик может подать жалобу, осуждающую антиконституционное и незаконное решение или иное антиконституционное, незаконное вмешательство в дела органа публичной власти, но при условии, если это не будет противоречить нормативному правовому акту». Подать жалобу в Конституционный суд имеют право законные правовые субъекты: в коммуне – староста и коммунальное представительство; на уровне высшего территориального объединения (края) – председатель и представительство самоуправляемого края. Следует, однако, подчеркнуть, что в содержании статьи 127а Конституции содержится принцип субсидиарности, в соответствии с которым Конституционный суд может рассматривать поданную жалобу лишь в том случае, если ее не рассматривает другой суд.

Если Конституционный суд удовлетворит просьбу законного субъекта коммуны или самоуправляемого края защищать их право на самоуправление, то в своем решении суд разъяснит, в чем состоит неконституционность и незаконность решения или вмешательства в дела органов территориального самоуправления; назовет конституционный закон или иной закон, которые были нарушены, и, кроме того, укажет также решение и вмешательство, в результате которых нарушение стало возможным; отменит неправильное решение; запретит повторять неправильные действия, нарушающие права, если эти действия проявились в ином вмешательстве; примет решение вернуться к тому состоянию, которое было до нарушений, если это возможно.

Так называемая коммунальная жалоба есть особый вид конституционной жалобы. При ее рассмотрении действуют правила, которыми руководствуются

при рассмотрении жалобы физических и юридических лиц, если они убеждены, что их конституционные права были нарушены. На практике институт коммунальной жалобы используется редко. Одна из причин состоит в том, что вопросы, поднимаемые в коммунальной жалобе, нередко очень сложны и их рассмотрение требует высокого профессионализма. Кроме того, нельзя не учитывать финансовую сторону вопроса: для коммуны и самоуправляемого края подача коммунальной жалобы обойдется не дешево. Именно поэтому жалобщики, обращающиеся в Конституционный суд, чаще всего предстают как юридические лица, подающие классическую жалобу. Здесь, однако, можно предположить, что подобное явление носит временный характер и конституционный институт коммунальной жалобы найдет в будущем более широкое применение.

Сегодня очевидно, что территориальное самоуправление утвердилось как значительный и незаменимый принцип словацкого конституционализма. В настоящее время, к сожалению, проблеме территориального местного самоуправления уделяется повышенное внимание преимущественно лишь в период подготовки и проведения выборов. Научные разработки этой темы крайне ограничены, их качество оставляет желать лучшего. Как представляется, для правовых наук и ученых рассмотрение проблем местного самоуправления как важнейшего принципа конституционализма должно стать предметом особого внимания.

Библиографический список

1. *Palus J., Somorova L.* Statne pravo Slovenska Republiky. Kosice, 2008.
2. *Kuklis P.* O princípe subsidiarity vo verejnej sprave: Pravny obzor, 8b. [S.L.]. 2003. С. 6.
3. *Jesenko M.* Ustavne vychodiska uzemnej samospravy – súčasny stav a perspektivy // 15 rokov Ustavy Slovenskej Republiky: zborník z príspevkov z medzinarodnej konferencie. Kosice, 2008.
4. *Palus J. a kol.* Samosprava obec. Kosice, 2009. S. 19–20.
5. *Krunkova A.* Vyhody a nedostatky miestneho referenda v Slovenskej Republike // Teoria a prax verejnej spravy. Kosice, 2009. S. 277–281.

Перевод В.М. Полякова

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

S.G. Sergeev
**Political Nature and Organizational
Forms of Extraconstitutional Political
Institutions in the Russian Federation:
Problems and Trends**

The problem of establishment and functioning of politically significant institutions in the Russian Federation that are not provided by the Constitution of Russia is raised. The reasons of their occurrence and prospects of development regarding the evolution of the political regime are analyzed.

Key words and word-combinations: extraconstitutional political institutions, public management, competence, political regime.

Поднимается проблема учреждения и функционирования в Российской Федерации политически значимых институтов, не предусмотренных Конституцией России. Анализируются причины их возникновения и перспективы развития в связи с эволюцией политического режима.

Ключевые слова и словосочетания: внеконституционные политические институты, государственное управление, полномочия, политический режим.

УДК 321:342.4
ББК 66.03:67.400

С.Г. Сергеев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ВНЕКОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В 1993 г. на всероссийском референдуме была принята демократическая по своему содержанию Конституция Российской Федерации. Как справедливо отмечено, «каждый народ наделен «властью принимать конституцию». Эта власть, поддерживаемая традициями прошлого и верой в будущее, обычно в соответствии с положениями статей конституции формирует институциональную основу государства» [1, с. 35].

Принятым всенародным голосованием Основным Законом РФ учреждены органы публичной власти, установлена система государственного управления на федеральном и региональном уровнях. Полномочия госу-

дарственных органов в России абсолютно определены, что подтверждено общенациональным органом конституционного контроля: в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ [2] каждый государственный орган может принимать только те решения и осуществлять только те действия, которые определены его компетенцией, зафиксированной в действующей Конституции.

Данное положение не подвергалось ревизии в течение 1990-х годов. Однако с утверждением в 2000 г. В.В. Путина на посту главы Российского государства в политической системе страны стали происходить очевидные трансформации. Формально нормы действующей Конституции не отменялись и не изменялись, но роль и значение, а также реальное политическое влияние публичных институтов стали иными. Здесь уместно привести слова К. Коукера: «Институты необходимо менять или перестраивать. Новые институты, в свою очередь, создают новые ценности» [3, с. 40]. Критики В.В. Путина трактуют произошедшие изменения как антидемократические по своему характеру.

Действующая российская Конституция относится к так называемым «широким», то есть вполне подробным по своему содержанию учреждающим актам. Политические и управленческие институты, предусматриваемые ею, многочисленны и разнообразны. Одни из них описаны в Конституции достаточно полно, другие – лишь упоминаются без какого-либо уточнения. Одни – наделены обширными властными полномочиями, а о политическом «весе» и административных возможностях других Основной Закон не дает ни малейшего представления.

В годы президентского правления Б.Н. Ельцина высшая российская власть вполне обходилась тем набором политических институтов, который был предусмотрен действующей Конституцией страны. Можно сказать, что «ельцинский» политический режим испытывал «институциональную достаточность». Политическое управление страной при всех его издержках и несовершенстве осуществлялось посредством властных и невластных институтов, в той или иной степени зафиксированных в Основном Законе страны.

В отличие от «ельцинского», начавший свое формирование в 2000 г. «путинский» политический режим сразу проявил «институциональную недостаточность». Такой вывод напрашивается исходя из анализа российской политической практики соответствующего периода.

По инициативе В.В. Путина стал не только изменяться политический формат существовавших конституционных институтов (способ их формирования, значимость в системе принятия и реализации политических решений, ответственность, особенности взаимодействия с другими институтами). Самым заметным шагом стало учреждение публичных политических институтов, не предусмотренных Конституцией России. На них новый глава государства возложил целый ряд разнообразных управленческих задач, хотя и не облеченный формальными властными полномочиями. При этом необходимо подчеркнуть, что конституционными полномочиями учреждать подобного рода институты ни Президент РФ, ни какой-либо иное должностное лицо или государственный орган не наделены. Следует заметить, что подобную практику, хотя и в суще-

ственно меньшем масштабе, продолжил и преемник В.В. Путина на президентском посту – Д.А. Медведев.

Вновь учреждаемые публично-политические структуры (далее приведены примеры только тех институтов, которые образованы на общегосударственном (федеральном) уровне; вместе с тем в территориальных образованиях Российской Федерации (федеральных округах, субъектах Федерации, муниципалитетах) созданы региональные аналоги) возникли в трех институциональных формах: орган (Государственный совет Российской Федерации – в 2000 г., Совет законодателей – в 2002 г., Общественная палата Российской Федерации – в 2005 г.); должностное лицо (Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка – в 2009 г.); территориально-административное образование (федеральные округа – в 2000 и 2010 гг.). Решения о создании каждого из институтов формально были приняты: главой государства (Государственный совет, Уполномоченный по правам ребенка, федеральные округа); Федеральным Собранием – парламентом Российской Федерации (Общественная палата); Советом Федерации – «верхней» палатой Федерального Собрания (Совет законодателей). Соответственно, правовое регулирование указанных структур осуществляется нормативно-правовыми актами различных видов: федеральным законом (Общественная палата); постановлением Совета Федерации (Совет законодателей); указом Президента (Государственный совет, Уполномоченный по правам ребенка, федеральные округа).

Таким образом, можно констатировать институциональную, структурную и функциональную разнородность рассматриваемых образований. Формальные правовые решения об их учреждении принимались различными государственными органами. Разнятся и юридическая основа их деятельности. Политически, административно и организационно вновь созданные институты взаимно не связаны и не образуют какой-либо единой системы или подсистемы в государственном управлении Российской Федерации. Тем не менее рассматриваемые структуры достаточно сходны в качественном отношении, что позволяет анализировать их совокупность как отдельное, специфическое явление в политической системе страны.

Данные институты не предусмотрены действующим Основным Законом РФ, не регулируются им и, таким образом, формально-юридически находятся вне рамок Конституции. В то же время они вполне «вписываются» в российское конституционное поле и не противоречат конституционной идеологии. Существенной их характеристикой, формальным образом демонстрирующей их природу, является самостоятельный организационный характер – юридически они действуют как обособленные структуры (за исключением Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка).

Отдельного внимания заслуживают причины и предпосылки возникновения и развития таковых институтов. Представляется, что причины их образования будут индивидуальны в каждом конкретном случае. Предпосылки же, выражающие политическую природу, – универсальны.

Природа внеконституционных политических институтов раскрывается через анализ эволюции характера и задач российского политического режима в

1990–2000-х годах. «Ельцинский» политический режим не нуждался в искусственном создании «институционального прикрытия» в целях придания ему видимости демократического характера. «Путинский» же политический режим, перед которым стояли совершенно иные внешне- и внутривнутриполитические задачи (возрождение международной субъектности страны и централизация государственного управления), не представлял себе их выполнения без усиления авторитарного начала. Таким образом, у главы государства появилась настоятельная потребность ужесточить политический режим, сохранив при этом демократический фасад российской политической системы.

Образование внеконституционных политических институтов, не облеченных формальными властными полномочиями, но внешне вполне демократических, стало универсальным технологическим подходом в решении стоявших перед Президентом задач.

Причины учреждения каждого из внеконституционных политических институтов нужно искать в каждом конкретном случае – свои.

1. Федеральные округа. Конституция России не предусматривает иного территориального деления страны, кроме как на субъекты Федерации – республики, края, области, города федерального значения, автономную область, автономные округа. Тем не менее в мае 2000 г. Президент РФ В.В. Путин своим указом назначил полномочных представителей Президента Российской Федерации во вновь образованных федеральных округах.

Отметим, что в конституционных полномочиях главы государства не предусмотрено его право или обязанность вводить деление страны на федеральные округа. Вместе с тем Основной Закон РФ предоставляет право Президенту назначать своих полномочных представителей без уточнения – куда и для чего. Таким образом, глава государства реализовал конституционное полномочие по назначению своего представителя во внеконституционное образование – федеральный округ, конституционных прав на создание которого у него не имелось.

Большинство российских политологов единодушно в оценке этого шага главы государства. Они небезосновательно полагают, что В.В. Путиным был учрежден новый уровень государственного управления / власти [4, с. 47], ставший своеобразным «буфером» между субъектами Федерации и федеральным центром. Тем самым решалась задача «равноудаленности» руководителей российских регионов, снижалось их политическое влияние и усиливалось управленческое воздействие федерального центра на процессы, происходящие в субъектах Федерации.

2. Государственный совет Российской Федерации. Этот совещательный орган был учрежден в сентябре 2000 г. Его созданию предшествовало изменение порядка формирования «верхней» палаты российского парламента – Совета Федерации. В результате этого действия, инициированного Президентом РФ В.В. Путиным, членами Совета Федерации перестали быть руководители региональных законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Федерации. Однако очень быстро стало ясно, что даже в централизованном федеративном государстве, которое строилось В.В. Путиным, невозможно обойтись без института, координирующего на федеральном (общена-

циональном) уровне развитие российских регионов. Выход был найден в образовании Государственного совета.

В этот совещательный орган в качестве членов (по должности) вошли руководители исполнительной ветви власти каждого субъекта Федерации. Возглавил Государственный совет на правах его председателя Президент Российской Федерации.

Внешне, казалось бы, сохранялись каналы участия региональных лидеров в федеральной политике, как это было в период их членства в Совете Федерации. Но на самом деле их юридический статус и вследствие этого политические возможности влиять на федеральную политику существенно понизились.

Дело в том, что, будучи членами Совета Федерации, руководители российских регионов в то же самое время являлись федеральными парламентариями и обладали конституционными властными полномочиями. Они могли непосредственно воздействовать на процесс принятия федеральных законов. Те же самые региональные лидеры, но в статусе членов Государственного совета никакими властными полномочиями на общенациональном уровне уже не обладали. Глава государства мог прислушиваться, а мог и не прислушиваться к их мнению. Юридически значимых рычагов влияния на Президента РФ руководители субъектов Федерации были лишены: «Реорганизовав Совет Федерации, федеральный центр по существу лишил региональных лидеров организационной структуры для оказания коллективного давления на федеральную власть» [5, с. 202].

Таким образом, верной представляется оценка Государственного совета как органа, призванного обеспечивать контроль за главами регионов [6, с. 12].

3. *Совет законодателей*. В своей идее данный орган повторяет Государственный совет. Основа его состава формируется из руководителей региональных парламентов. После того как удаленные из Совета Федерации главы исполнительной ветви власти российских регионов получили некую морально-политическую «компенсацию» в форме членства в Государственном совете, логично было предложить председателям законодательных органов государственной власти субъектов Федерации подобное же решение. Оно состоялось через два года – в 2002 г. Формальная инициатива исходила от председателя «верхней» палаты Федерального Собрания, который и возглавил вновь созданный совещательный орган российских парламентариев.

Так же как и их коллеги – руководители исполнительной ветви власти российских регионов, председатели законодательных органов государственной власти субъектов Федерации были лишены каких-либо властных полномочий на общенациональном уровне и отстранялись от непосредственного участия в принятии федеральных законов.

Обобщая тематику Государственного совета и Совета законодателей, заметим, что Государственный совет зримо воплощает собой «вертикаль исполнительной власти», тогда как Совет законодателей не менее наглядно показывает «вертикаль законодательной власти» в Российской Федерации. Политическая централизация власти «путинским» политическим режимом виделась преимущественно в «вертикализации» управленческих отношений. Причиной образования рассмотренных совещательных органов стало стремление федерального

центра сохранить, но переформатировать управленческую связь с региональными властями в условиях лишения их руководителей юридически значимых возможностей влиять на принятие общенациональных политических решений.

4. *Общественная палата Российской Федерации*. Формально заявленной главой государства причиной образования в российской политической системе данного совещательного органа считается стремление способствовать развитию гражданского общества в стране. У такой трактовки обнаружилось немало критиков. Так, по едкому замечанию Д.О. Рогозина, Общественной палате было «поручено озвучивать от имени «гражданского общества» волю кремлевской бюрократии» [7, с. 23]. Несомненно, стоит учитывать, что инициатива была выдвинута после целого ряда действий главы государства во второй половине 2004 г., которые вряд ли можно назвать демократическими. Сомнения в искренности намерений порождает и процедура формирования Общественной палаты. Как показала практика, членами Общественной палаты в подавляющем большинстве становятся только те граждане, которые показательно лояльны действующей российской власти.

Подлинной причиной возникновения Общественной палаты стала заинтересованность правящей элиты в образовании управляемого и политически ангажированного института, который являлся бы зримым свидетельством прогресса в направлении формирования гражданского общества, но при этом не обладал никаким реальным политическим весом вне связи с российской властью.

5. *Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка*. Возникновению этого института способствовала целая серия скандалов, получивших широкий общественный резонанс. В их центре находились проблемы прав ребенка. Причиной учреждения должности Уполномоченного по правам ребенка стала очевидная нерешенность государственными структурами (в том числе правоохранительными и судебными органами) вопросов защиты интересов детей в Российской Федерации. Эта тема стала стремительно превращаться в политически значимую. В итоге российская власть приняла рутинное бюрократическое решение: для ликвидации обострившейся проблемы, если ее нельзя «замолчать», необходимо создать соответствующий орган.

Как уже было замечено, в отличие от прочих внеконституционных образований, должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка не имеет самостоятельного организационного характера и по этому параметру, казалось бы, не подпадает под формализованные нами признаки внеконституционного политического института. Однако его внеконституционная природа реализуется иным юридическим образом – через выход учредителя за рамки конституционных полномочий, поскольку в действующем Основном Законе РФ предусмотрено право главы государства назначать своих полномочных представителей, но не уполномоченных.

Созданные в минувшее десятилетие внеконституционные институты стали удобным средством решения тактических задач политического управления. Они, очевидно, ситуативны в политическом отношении и свидетельствуют о текущей нерешаемости ряда публично-управленческих задач только лишь силами политических институтов, предусмотренных Основным Законом страны. Кро-

ме того, они в значительной степени снимают политическую ответственность с конституционных властных политических институтов, действуя «параллельно» последним и «обслуживая» их. В этом и состоит их сущностное предназначение и системная по своей значимости причина появления.

Сегодня очевидно, что трансформация российского политического режима из его «ельцинского» в «путинский» вариант привела к формированию «управляемой демократии». Пресловутая «управляемость» в ее институциональном срезе была достигнута не только путем политического реформирования конституционных институтов, но и во многом за счет учреждения внешне вполне демократично выглядящих внеконституционных структур. Логично предположить, что неизбежные в дальнейшем изменения политического режима самым непосредственным образом отразятся на судьбе внеконституционных институтов.

В связи с изложенным представляется возможным определить три вероятных тренда:

1) в случае принципиального сохранения режима «управляемой демократии» следует ожидать постепенного единичного появления новых внеконституционных институтов – по мере того, как власть будет в силу различных причин нуждаться в структурах «политического прикрытия»;

2) если российский политический режим окончательно оформится как авторитарный, то характеристика отдельных политических институтов как «конституционных» или «внеконституционных» потеряет всякий смысл; верховная власть будет порождать, преобразовывать и ликвидировать управленческие структуры исходя только лишь из своей собственной логики и безо всякой оглядки на иных участников политической жизни;

3) эволюция политического режима в демократический неизбежно поставит на повестку дня вопрос об институциональном дизайне конституционного строя; как следствие, внеконституционные институты будут либо ликвидированы как не соответствующие Основному Закону РФ, либо внедрены в ткань Конституции – именно такие юридические решения в полной мере будут соответствовать характеристикам правового демократического государства.

Вряд ли Российская Федерация оригинальна в своей практике формирования внеконституционных институтов. Реальные потребности политического управления не могут быть в полной мере предусмотрены конституцией любого государства. Однако в оценке рассматриваемого феномена нужно исходить не из формального позитивистского анализа, а из качественных характеристик образуемых структур. При этом следует иметь в виду, что текущие условия «в корне меняют взаимодействие различных политических акторов и формируют новые модели отношений и функционирования институциональных структур, что соответственно требует их детального изучения, анализа их неформальной и формальной структур, рассмотрения возможностей их правового регулирования» [8, с. 104].

При таком подходе особое значение приобретает мнение экспертного политологического сообщества, и не только российского. Возможно, что сопоставление национальной эмпирики, имеющейся в современных государствах, поможет более полно раскрыть предпосылки и причины появления внекон-

ституционных институтов, их сущность и предназначение, а также выявить особенности их жизненного цикла.

Библиографический список

1. *Накасонэ Я., Мураками Я., Сато С., Нисибэ С.* После «холодной войны»: (совместное исследование) / пер. с япон. В.Н. Бунина, Б.В. Пospelова, С.В. Бунина. М., 1993.
2. По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 года № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР»: постановление Конституционного Суда РФ от 14 янв. 1992 г. № 1-П-У // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 6. Ст. 247.
3. *Коужер К.* Сумерки Запада. М., 2000.
4. *Попонов Д.В.* Проблемы оптимизации системы регионального элитобразования в современной России. Саратов, 2006.
5. *Фарушкин М.Х.* Региональные политические элиты: смена ролей // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации: сб. статей / отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понделков, А.М. Старостин. Ростов н/Д, 2004.
6. *Кузнецов И.И.* Государственный совет в системе власти Российской Федерации 2000–2004 годов // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2004. № 7.
7. *Рогозин Д.О.* Враг народа. М., 2008.
8. *Сергеева Е.В.* Особенности формально-правового анализа политических институтов в современной политологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 4.

E.V. Gerasimova
Sociological Reflection
of the Interaction between
the Authority and the Population:
Conflict as a Resource of Solving
Social-Political Issues

Lines of the sociological reflection of the conflict between authority and the population are considered and the features for its classification are offered. Approaches to the assessment of the substantial and dynamic sides the conflict between the authority and the population are presented.

Key words and word-combinations: the interaction, the conflict between the authority and the population, the sorted features, the reflection.

Рассмотрены линии социологической рефлексии конфликта власти и населения и предлагаются признаки для его классификации. Представлены подходы к оценке содержательных и динамических сторон конфликта власти и населения.

Ключевые слова и словосочетания: взаимодействие, конфликт власти и общества, классификационные признаки, рефлексия.

УДК 316.48
ББК 60.52

Е.В. Герасимова

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: КОНФЛИКТ КАК РЕСУРС РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Конфликты в общественно-политической жизни зачастую становятся узловыми точками, запускающими инновационные процессы. Политические конфликты, перевороты, революции на протяжении всей истории человечества служат переходом от одной стабильности к другой. Достаточно

вспомнить конфликты в Смутное время в России начала XVII в. (1598–1613); в СССР в начале XX в. (1917–1921), в 1980–1990-е годы – события, представляющие переход от одной стабильности через конфликт к другой [1, с. 243]. Вместе с тем взаимодействие власти и общества в общем ходе генерирования конфликтов еще не получило должного научного осмысления, что свидетельствует о необходимости научной рефлексии содержательных и динамических сторон конфликта власти и общества.

Большое значение эта тема приобретает в условиях текущего социально-экономического процесса. Глобальный кризис, охвативший политику, экономику, социокультурную сферу всех без исключения стран, поставил государственную власть в ситуацию особой ответственности перед населением и за принимаемые решения, и за их последствия, которые оказались весьма сложными и разнообразными.

В России, как и в других странах, произошло значительное падение производства, что привело к резкому росту безработицы. Президент РФ Д. Медведев на встрече 14 апреля 2009 г. в Институте современного развития отметил, что безработица достигла цифр, которые ожидалась лишь в конце года: 2,2 млн зарегистрированных безработных при реальной безработице в 8,5% [2, с. 4]. Рост безработицы привел к обеднению значительной части населения России, вследствие чего, например, ипотека стала непосильной для 110 тыс. россиян.

Продолжающийся кризис понизил рейтинги доверия к представителям власти. Так, с начала 2009 г. по конец апреля рейтинг доверия к Д. Медведеву снизился с 56 до 50%, а рейтинг недоверия вырос с 13 до 16%; на 10% упало доверие к возглавляемой В.В. Путиным партии «Единая Россия» (хотя личный рейтинг партийного лидера сохранился).

Снижение доверия к власти сопровождается ростом социального недовольства. Несмотря на общее снижение активности населения практически во всех сферах жизни, массовость протеста населения увеличилась, что обусловлено все возрастающими кризисными явлениями в экономике. Только за июль 2009 г. в подобных акциях приняло участие около 15 тыс. человек, выступления охватили 42 региона России [3, с. 473–474].

Очевидно, что по причине разворачивающегося кризиса отношения власти и общества стали приобретать выраженный конфликтный характер и нуждаются в научной рефлексии. Конфликты в условиях системного кризиса фокусируют внимание власти на основных социально-политических проблемах, тем самым становятся фактором социально-политической динамики и активного самоопределения действующих социально-политических субъектов. В этом смысле конфликтное взаимодействие власти и общества может рассматриваться в качестве ресурса для решения социально-политических проблем.

Наиболее сильными интерпретативными моделями конфликта располагает социальная теория. Концепт «конфликт власти и общества» в современной социологии представлен как сложносоставное явление, включающее в себя переплетение моноконфликтов (социальных, политических, экономических и др.) [4, с. 98].

В исследовании конфликта власти и общества доминирующим является нормативно-ценностный подход (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс). Он базируется на том, что ценности выступают критерием оценки реальных явлений, определяют смысл, стратегию целенаправленной деятельности и тем самым регулируют социальные взаимодействия [5, с. 13–14]. В рамках данного подхода конфликт власти и общества может рассматриваться как *противоречие* целей, ценностей и интересов субъектов.

Однако для проведения эмпирического исследования возможности нормативно-ценностного подхода явно недостаточны, так как конфликт власти и общества детерминирован не только ценностными характеристиками субъектов конфликта, но и характеристиками взаимодействия противоборствующих сторон. Как полагает Э. Гидденс, пока противоположность интересов не осознана, конфликт еще не наступает [6, с. 13]. Здесь конфликт выступает, прежде всего, как осознанное, *осмысленное противоречие* несовпадающих или противостоящих друг другу интересов сторон, готовых предпринять или уже предпринявших определенные действия, основанные на противостоянии.

В связи с этим особый интерес представляет субъектно-деятельностный подход, который позволяет осуществить анализ содержания конфликтного взаимодействия. Согласно данному подходу, субъект выступает таковым потому, что его связь с окружением является необходимой для существования. В этом контексте конфликт власти и населения представляет собой *способ взаимодействия*, в основе которого лежит противоположность интересов.

Конфликт власти и населения связан в большей степени с особенностями осуществления взаимодействий «снизу – вверх» и «сверху – вниз». По мнению Е.В. Осетровой, такие контакты относительно редки и возникают по необходимости: 1) когда у власти есть потребность в населении как соучастнике коммуникативной и социальной деятельности во время предвыборных кампаний либо в период формирования политического имиджа (публичного имени); 2) когда у населения возникает необходимость в контакте с властью, причиной чему является законодательный конфликт или социальная нужда – в общем, некая объективная вынужденность [7, с. 62–65]. Со свойством необходимости коррелирует другая составляющая рассматриваемого контакта – он всегда инициативен; только инициатива эта каждый раз однонаправлена: от власти к народу либо от общества к власти. Общение в заданных координатах оценочно окрашено: если инициатива исходит от федеральной власти, контакт желателен и оценивается субъектами в большинстве случаев положительно; если же взаимодействие происходит по инициативе населения, то контакт с местной властью нежелателен или, по крайней мере, напряжен и часто осмысливается отрицательно.

Несмотря на все преимущества субъектно-деятельностного подхода в исследовании конфликта, он не позволяет раскрыть механизм формирования интересов, целей, лежащих в основе конфликтного взаимодействия. Новый взгляд на конфликт дает новая институциональная парадигма, связывающая воедино действия акторов и социальные структуры. Неинституциональный подход внес значительный вклад в понимание роли неформальных норм и

практик, оказывающих влияние на управленческие отношения, а также субъектов, обладающих разным социальным ресурсом для утверждения выгодных им норм и правил (Дж.М. Ходжсон, Э. Гидденс). Представители нового институционализма (П. Бурдьё, Н. Флигстайн) сделали вывод, что конфликты между акторами, занимающими различные позиции на отдельных полях, их переходы на «смежные» поля и, как следствие, изменение их позиций служат основным источником перемен в обществе [4, с. 98]. Представляется, что институциональная модель анализа конфликта является плодотворной для исследования конфликтного взаимодействия власти и общества в условиях политической модернизации и включает следующие классификационные компоненты: *акторы, действие, интересы, ресурсы*. Охарактеризуем каждый из этих компонентов в контексте анализа конфликтного взаимодействия власти и общества.

Классификация *акторов* позволяет выделить статусно-ролевые характеристики акторов и уровень организации конфликтующих акторов, который является показателем систематичности и последовательности их действий в процессе конфликтного взаимодействия. *Конфликтующие акторы* (политические партии – общественные объединения – политические элиты – социальные группы) непосредственно противодействуют другим акторам (государственным / муниципальным структурам, государственным / муниципальным предприятиям или учреждениям). *Акторы-посредники* (СМИ, социально ориентированные некоммерческие организации, апелляционные инстанции в судах общей юрисдикции и др.) не принимают прямого участия в конфликте, но оказывают определенное влияние на его возникновение и развитие (например, суды при разрешении большинства конфликтов путем разбирательств предотвращают обострение социально-политических конфликтов до насильственных форм). В целях снижения нагрузки на судебную систему Российской Федерации Президент России Д. Медведев инициировал развитие практик альтернативных способов урегулирования конфликтов при участии независимых лиц медиаторов. В связи с этим подготовлены законопроекты федеральных законов «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника» и «О примирительной процедуре (медиации)».

Находящийся в распоряжении акторов *ресурсный потенциал* – важный показатель перспективности и результативности любого конфликта. На сегодняшний день преобладает корпоративно-клиентальный способ взаимодействия между обществом и государством. Он позволяет только организованным, обладающим определенными ресурсами группам в той или иной степени реализовывать свои интересы.

Несомненно, ресурсный потенциал напрямую влияет на *интересы акторов*. Недостаток тех или иных ресурсов заставляет акторов пересматривать свои интересы. В связи с этим целесообразно более подробно проанализировать классификацию интересов. Так, в одной из своих книг голландский судья-медиатор М. Пель подразделяет интересы на три группы: материальные и технические; психологические [8, с. 376]. Рассмотрим конфликтные интересы власти и общества согласно предложенной типологии.

Материальные и технические интересы:

Конфликты по поводу стоящих перед властью целей и задач. Как правило, к этой группе относятся конфликты, связанные с реализацией социальных реформ, к которым зачастую настороженно относится население. В качестве примера приведем волну митингов против закона о монетизации льгот, прокатившуюся по России в 2005 г. Виновными в принятии непопулярного и непродуманного в своей реализации закона народ считал в 10% случаев – местные власти, в 20% – парламент, в 30% – президента, в 40% случаев – Правительство РФ [9, с. 100].

Конфликты по поводу повышения своего статуса или ресурса. В этом плане недовольство населения отражает неприятие сложившихся моделей социальных неравенств, резкое несоответствие статуса уровню социальных притязаний. Особую роль играет ощущение несправедливости распределения собственности и доходов. Примером проявления такого рода конфликта могут служить протестные акции, прокатившиеся по стране в 2006 г. в связи с жилищными проблемами (выступления обманутых дольщиков, против сноса жилья).

Психологические интересы:

Конфликты по поводу реализации интересов жизнеобеспечения. В последнее время «болевыми точками» многих россиян стали регулярные и непосильные многим семьям корректировки на тарифы оплаты коммунальных услуг. Следствием становятся протестные акции с лозунгами «Повышение цен – удавка на шее народа!» (массово прошли в разных городах России в 2007 г.).

Конфликты по поводу реализации информационных интересов. Существует представление, что увеличение объема информации прямо пропорционально расширению знаний жителей и росту их гражданской активности. В результате на прямой контакт с населением выходит любой представитель власти, решивший, что «уже пора это сделать». Приверженность в политике «информирования» населения как однонаправленного воздействия не может не вызвать протестных движений.

Конфликты, связанные с активностью, самореализацией, самоутверждением. Как правило, подобные конфликты происходят на межличностном уровне в повседневной практике взаимодействия госслужащего и гражданина.

Имеющиеся в науке классификации интересов позволяют спрогнозировать характер действий конфликтующих сторон, который является одним из основных условий, влияющих на эскалацию конфликта. В этом смысле действия акторов можно определить по разным основаниям.

По линии характера действий:

Реалистический конфликт направлен на достижение определенного конкретного результата. Он может быть заменен альтернативными моделями взаимодействия при условии, что альтернативы более адекватны для достижения поставленной цели. Отсутствие реалистических конфликтов, имеющих в своей основе конкретный предмет, а не объект, означает, что социум лишен поля реальных адаптационных конфликтов.

Нереалистический конфликт власти и населения возникает в ситуациях отсутствия ясной локализованности его предмета. Таковым оказывается сам

конфликт как процесс и способ преодоления фрустраций, как способ разрешить тревожащую ситуацию. По мере накопления протестных настроений в подмененных конфликтных проявлениях каждый новый конфликт будет протекать острее.

По линии насильственности действий:

Насильственный конфликт (революция, бунт, драка, самоубийство, террористические акты, физическая агрессия). В последнее время подобные действия проявляются в форме массовых акций «управляемой охлократии». Свидетельством этому выступают «революция роз» в Грузии, украинская «оранжевая революция», события в Киргизии, Узбекистане. Подобные акции господства толпы и хаоса наблюдались в Париже, Будапеште, других европейских городах.

Ненасильственные активные (демонстрация, забастовка, стачка, пикет, митинги) *и пассивные* (пассивное участие в политических выборах, сплетни, обращение к посреднику) *действия*. Впервые пассивные действия наблюдались в годы перестройки, тогда в голосовании проявили пассивность более половины населения в шести городах – Архангельске, Северодвинске, Котласе, Коряжме, Мирном, Новодвинске [1, с. 243].

В ходе конфликтологической экспертизы необходимо подробно проанализировать действия акторов, поскольку они отражают перспективы управления конфликтом на конкретном этапе его развития. Как отмечают исследователи, на стадии эскалации конфликта вероятность его управления составляет менее 5%, а на этапе предконфликта – 95% [10, с. 13].

Итак, анализируя конфликтное взаимодействие власти и общества в русле новой институциональной парадигмы, мы непременно сталкиваемся с принципом развития. А поскольку при развитии невозможно рождение новых форм, норм и правил, то конфликт власти и общества можно интерпретировать как способ взаимодействия, посредством которого участники конфликта (более организованные акторы) преобразуют и совершенствуют отношения своей жизнедеятельности, создавая нормы, правила, процедуры, направленные на решение социально-политических проблем.

Библиографический список

1. Лукин Ю.Ф. Конфликтология: управление конфликтами: учебник для высш. учеб. завед. М., 2007.
2. Мишина Е. Трудовая порука // Московский Комсомолец. 2009. 27 апр.
3. Топалов М.Н. Системный кризис и конфликт в современном российском обществе в 2008–2009 годах // Конфликтология для XXI века: наука – образование – практика: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург: в 2 т. СПб., 2009. Т. 1.
4. Никовская Л.И. Политическая конфликтность современного общества / отв. ред. Л.И. Никовская. М., 2007.
5. Пирогова Ю.С. Динамика ценностных ориентаций населения региона на современном этапе трансформации общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2004.
6. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. 2-е изд. М., 2005.
7. Осетрова Е.В. Поле властной коммуникации: способы взаимодействия субъектов // Вестник Красноярского государственного университета: гуманитарные науки. 2002. № 2.

8. Пель М. Приглашение к медиации. М., 2009.
9. Ильченко А.А. Политическая коммуникация как источник конфликта // Конфликтология для XXI века: наука – образование – практика: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург: в 2 т. СПб., 2009. Т. 2.
10. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. М., 2004.

S.A. Shilina
**The Language Evolution
of a Subject of Management
as a Sociological Topic in Linguistics**

The necessity of a developed, open, free running communication in a management system based on public-power relations is substantiated. The ways to optimize the interaction in this sphere of relations are proposed.

Key words and word-combinations: power, subject of power, sociolinguistic analysis, communication code.

Обосновывается необходимость развитой, открытой, свободно работающей коммуникации в основанной на публично-властных отношениях системе управления. Предлагаются пути оптимизации взаимодействия в данной сфере взаимоотношений.

Ключевые слова и словосочетания: власть, субъект власти, социолингвистический анализ, коммуникативный код.

УДК 301:33
ББК 60.8

С.А. Шилина

**ЯЗЫКОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
СУБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ
КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ТЕМА В ЛИНГВИСТИКЕ**

Актуальность проблемы языковой эволюции субъекта управления в социологической науке принято связывать с социальными функциями языка. Исследование функций языка в речевой управленческой деятельности субъектов, относящихся к разным «группам сознания» и различным аксиологическим ориентациям, выявляет «разночтения» в понимании коммуникативных сообщений со стороны субъекта и объекта управления. В крайних формах это проявляется, с одной стороны, в коммуникативных барьерах, препятствующих управленческим контактам, а с другой – приводит к формированию автономных социокультурных пространств. Языковая среда этих пространств детерминирует развитие субкультуры социально-языковых коллективов, обуславливает языковую эволюцию субъекта управления.

Изучение трудов современных отечественных и зарубежных авторов по данной проблематике показало, что позициям исследователей в оценке описанных явлений и таких дефиниций, как «коммуникация», «языковая эволюция», присущи лингвистическая и социологическая составляющие. Таким

образом, проблема эволюции языкового взаимодействия включает как лингвистические, так и социологические аспекты, которые формируют социальную идентичность в процессе речевой и трудовой деятельности, «имеющей целью коммуникацию между членами данного (объединяемого языковым признаком) коллектива» [1, с. 57].

Однако, по определению Е.Д. Поливанова, основной вопрос о влиянии социальных факторов на язык «далеко не выяснен даже теми, кто совершенно безапелляционно настаивает на социальном объяснении всякого языкового развития» [1, с. 225]. Попытки синтезировать социологическую и естественноисторическую мотивировку социальных явлений в контексте языковой эволюции приводят нас не только к теориям фонетической и морфологической эволюции языка, но и к выдвигению собственной гипотезы языковой эволюции субъекта управления, в основе которой находятся социальные идентификационные факторы. Таким образом, теоретический анализ языковой эволюции субъекта управления с целью эффективного использования языка в теории и практике управления обусловил актуальность идентификации субъектов управленческого взаимодействия.

Исследование социально-языковых коллективов и речевой деятельности различных субъектов управления позволяет применить методику социолингвистического анализа к процессу социокультурной коммуникации, которая отнюдь не означает возможности ее сведения к обмену речью [2]. Это подтверждает, что выдвинутая нами гипотеза дает основание для моделирования информационно-коммуникативной идентификации субъектов управления.

В качестве примера такого моделирования представим конструирование и интерпретацию текстов-сообщений посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ.

Прежде всего, определим значение текстов-посланий как код социокультурной коммуникации (текстовая деятельность), не сводимой к речевому поведению, к использованию тех или иных языковых средств в линейно (последовательно) организованном речевом потоке. Иначе говоря, послания являются «текстами» лишь в чисто лингвистическом смысле слова. Текст посланий может быть представлен как коммуникативно-познавательная единица, а текстовая деятельность как процесс социокультурной идентификации, содержащий идею опредмечивания в знаковом общении специфической потребности социальных субъектов в диалоге и партнерстве, а значит, наличия нравственной установки и навыков идентификации субъекта управления с проблемной жизненной ситуацией объектов управления.

Лишь на базе такой идентификации возможен смысловой контакт, когда благодаря адекватному истолкованию коммуникативных замыслов при обмене действиями порождения и интерпретации текстов-сообщений возникает «эффект диалога», к которому стремятся в процессе языковой эволюции. Например, в Послании В.В. Путина находим следующие слова: «Новый Жилищный кодекс возложил полную ответственность за содержание жилых домов на собственников. Однако в условиях хронического недофинансирования жилищного фонда в прежние десятилетия эта нагрузка для подавляющего большинства

новых собственников, для **наших с вами** (здесь и далее выделено нами. – С.Ш.) граждан, ставших собственниками после приватизации квартир, оказалась абсолютно неподъемной. **Судите сами:** из 3 млрд кв. метров жилого фонда России более половины нуждается в ремонте» [3, с. 16].

Данный фрагмент текста запечатлевает «образ» коммуникативно-познавательных намерений автора, а значит, и программу по их осмыслению. Текст как иерархическая коммуникативная единица, при порождении которой кристаллизуется внутренняя потребность субъекта в реализации коммуникативно-познавательного намерения, и является собственно текстом-сообщением, возникающим как равнодействующая по меньшей мере трех факторов:

1) проблемной жизненной ситуации субъекта (стечения значимых для индивида жизненных обстоятельств, воспринимаемых им в виде «проблемного синдрома», требующего разрешения с помощью тех или иных средств);

2) его намерений (мотива как внутреннего побуждения в сочетании с искомым результатом спонтанного или отрефлексированного проявления активности);

3) избранной автором социолингвистической «технологии» коммуникации, то есть набора приемов воплощения своего коммуникативно-познавательного замысла (использование номинаций и способов их введения в информативную систему связей).

Значение посланий многополярно по своему замыслу и семантической структуре. Так, «эффект диалога» как смыслового контакта субъекта и объекта управления, основанного на способности и стремлении индивидов к адекватному истолкованию коммуникативных намерений партнеров по общению, является ключевым для социально-коммуникативного процесса.

Обратимся для подтверждения данной интенции к тексту Послания Б.Н. Ельцина: «Однако одной из серьезнейших ошибок было другое – мы убедили людей в том, что процесс преобразований пройдет легко и быстро. И в результате сформировали избыточные ожидания от самих реформ. В итоге – разочарование и то, что принято называть «синдромом поражения». Но дискредитация слов, которыми обозначаются сами преобразования, еще не есть дискредитация реформ» [4, с. 3]. В этом высказывании автор стремится разъяснить смысл управленческих действий, приведших к негативным последствиям, причем вину частично «перекладывает на плечи адресатов», что демонстрирует эволюцию языкового воздействия от прямого высказывания к использованию слов и выражений, вуалирующих истинный смысл.

Еще один постепенно проявляющийся эффект идентификации субъекта и объектов управления с помощью письменного послания можно обозначить, используя такое понятие Ива Барреля, как «потенциализация» коммуникативного воздействия. Текстовое фиксирование смысла придает закалку чему-то, однажды сформулированному, даже в том случае, если оно отвергается или не находит использования, тогда как в устной коммуникации практически переживается лишь то, что способно быстро войти в процесс коммуникации, письменность может откладывать вынесение решения о принятии / отклонении, социально диверсифицировать, а также удерживать то, что не представляется

убедительным. Письменное сообщение просто принимает форму чисто мыслительной возможности, причем остается вполне вероятным, что позднее целевая аудитория вновь обратится к этой проблеме, а когда придет ее время, люди пересмотрят и переоценят ее.

В той мере, в какой коммуникация производит и признает подобные потенциализации, в целом «модализируется» ее семантика. Реальность начинает рассматриваться в перспективе ее возможности и частично представляется как необходимость, частично – как случайностная реализация, частично – как чистая возможность реализации управленческих действий.

С точки зрения социальной значимости эффекта потенциализации послания создают единство стиля, а значит, социальное оправдание получают цели коммуникации, направленные на людей различного социального положения, причем сенсорное восприятие смысла зависит от различных форм социального опыта. Скажем, из стремления к диалогу приходится исключать акт языкового мышления как творческого символа, долженствующего выразить известное внеязыковое представление: этот символ – «речение» (по терминологии русских синтаксистов) оказывается уже готовым и определен социально существующей системой языка [1, с. 59]. Анализ посланий, фрагменты которых приведены ранее, подтверждает этот тезис.

Особый прием идентификации – парцеллированные языковые конструкции в Послании Федеральному Собранию РФ Президента Д.А. Медведева: «Справедливость, понимаемая как политическое равноправие, как честность судов, ответственность руководителей. **Реализуемая как социальные гарантии, требующая преодоления бедности и коррупции. Добиваемая достойного места для каждого человека в обществе и для всей российской нации – в системе международных отношений**» [5, с. 2]. Убежденность в необходимости провозглашаемых постулатов передается благодаря заключению важного, с точки зрения адресанта, высказывания в парцеллированный сегмент. И еще пример: «Свободное развитие людей и их социальная защита – всегда будут приоритетом государственной политики. **Будут нашей главной заботой. Будут целью развития нашего общества**» [5, с. 19]. Здесь также парцелляция помогает передать заинтересованность Президента Российской Федерации в реализации того, о чем говорится в Послании, тем самым осуществляется воздействие на адресата с целью формирования положительного отношения к политике Президента.

У современного общества, общества с полностью развитыми символически генерализированными медиа, отсутствует супермедиа, способный привести все коммуникации к одному, лежащему в их основе единству. Не в форме морали и не в форме обретшей конкретность разумной нравственности проявляет себя единство общества, но – если вести речь о коммуникативных медиа – в неслучайном характере сочетания языковых структур. В методологическом плане это означает то, что мы должны отыскать основания для сравнения различных медиа и с их помощью проэкзгаменовывать социальные связи, посредством которых современное общество реализует языковую коммуникативную организацию.

Мы не предполагаем, что в силу какой-либо логической или теоретической необходимости все характерные черты языка должны быть в равной степени реализованы во всех медиа. Теория остается открытой для эволюционных отличий. Но как раз в силу этого она ограничивает пределы исследовательского интереса, если окажется установленным, что определенные медиа не реализовали или реализовали в меньшей степени структурные признаки эволюции языкового кода [6, с. 202].

Чем строже выстраиваются коды, тем заметнее они расходятся с принятыми в обществе оценками аксиологических ориентиров.

Конечной целью анализа служит выявление социальных норм, детерминирующих речевое поведение субъекта властных отношений и идентификации властвующего субъекта с объектами управления в повседневной социальности. Функциональное использование комбинации знаков, сама артикуляция, то есть произнесение знаков, осуществляется вне зависимости от семантики произнесенного. Это отражает взаимодействие, осуществляемое посредством кода коммуникации, объясняет содержание знаков, представляет истину, делающую окружающее ясным и понятным благодаря дифференциации. Ее достигают лишь немногие медиа, и она наступает тогда, когда одного отрицания оказывается достаточным для переkreщивания границы и преобразования значения в его противоположность. Внутри кода переход к противоположному значению облегчен, причем это никак не влияет на значения другого кода. Значения кодов не конвертируемы друг в друга. Богатство невозможно превратить в любовь, а власть – в истину, как и наоборот.

В обоих случаях позитивное значение дублируется, вследствие чего собственностью в виде денег можно расплачиваться, а можно не расплачиваться; власть может быть применена как правомочно, так и противоправно. При этом, разумеется, и то и другое было бы невозможным при полном отсутствии денег или власти. Проблема различия между богатым и бедным, если оно не служит стимулом для труда, препоручается политике. Важно держать в поле зрения эти вторичные кодирования, понимаемые как расширения возможностей коммуникации, ведь они не могут интерпретироваться как прикладные формы логики, но вместе с тем являются необходимыми условиями современной рациональности и обособления соответствующего медиакода [6, с. 210].

Итак, для решения целого ряда конкретных практических задач управления важность приобретает вопрос о языке власти, но не в смысле «власти» языка (что вытекает из теории лингвистической относительности Сепира – Уорфа), а в частности, о логике объективации и реализации власти и как социального института и как важнейшего коммуникативного средства. Механизм селекции и идентификации социально индуктивных смыслов управления порождается и реализуется в коммуникации соционормативными элементами речевого взаимодействия, и выбор языкового кода (например, стилистических параметров текста или конкретного этнического языка) оказывается коммуникативно значимым – эффективным. Именно эти социальные функции языка детерминируют языковую эволюцию субъекта управления в социально-языковом коллективе в процессе репрезентации и реализации коммуникативных задач.

Библиографический список

1. *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
2. *Швейцер А.Д.* Социолнгвистика // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
3. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Рос. газ.: федер. вып. 2007. 27 апр.
4. Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: Россия на рубеже эпох. 1999 год. URL: <http://www.intelros.ru/>
5. Полный текст Послания Д. Медведева Федеральному Собранию // Финмаркет. 2008. 5 нояб.
6. *Луман Н.* Медиа-коммуникации / пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М., 2005.

Е.А. Markov
The Future of the Russian Mass Media:
Development Forecast

The paper outlines the trends of the Russian mass media development. The problems of the modernization of mass media are considered. The necessity of government regulation of information processes in the context of the country's development strategy is based.

Key words and word-combinations: development trends, government regulation, government information policy, mass media.

Обозначены тенденции развития российских средств массовой информации. Рассмотрены проблемы модернизации масс-медиа. Обосновывается необходимость государственного регулирования информационных процессов в контексте стратегии государственного развития.

Ключевые слова и словосочетания: тенденции развития, государственное регулирование, государственная информационная политика, средства массовой информации.

УДК 070.1
 ББК 76.0

Е.А. Марков

**БУДУЩЕЕ
 РОССИЙСКИХ СРЕДСТВ
 МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:
 ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ**

Средства массовой информации – сложный, состоящий из множества органов и элементов институт политической системы общества, предназначенный для информирования населения о происходящих событиях и явлениях. Но ограничиться обозначением одной этой функцией СМИ было бы неправильным, поскольку на самом деле спектр задач, выполняемых масс-медиа, значительно шире. Они могут самостоятельно производить политическую информацию, влиять на политические процессы, формировать общественное мнение, способствовать политическому просвещению широких слоев населения.

Властные структуры любыми путями стремятся контролировать средства массовой информации. Тот, кто контролирует информацию, не только может решающим образом влиять на коллективное сознание, но и способен в определенной мере направлять

поведение масс. Современные средства массовой коммуникации создали для органов власти и социального управления принципиально новые возможности, которые позволяют им при минимальных материальных затратах добиться максимального воздействия на людей с целью обеспечения их «добровольной» подчиняемости.

Судя по всему, развитие российской прессы будет определяться реализацией установленных целей развития самой России, ведь именно от стратегии развития страны и зависит роль прессы как общественного института.

К сожалению, приходится констатировать, что у нашей страны до сих пор нет научно разработанной стратегии социально-экономического развития, подкрепленной механизмами ее реализации. Не определены и цели развития России, а именно: куда мы идем, какое государство строим, какую экономику и какое общество хотим оставить нашим потомкам? Как отметил член-корреспондент РАН С.Ю. Глазьев, у России в сложившихся условиях могут быть две стратегии экономической политики, определяющие альтернативные траектории будущего развития страны: одна – дальнейшее использование нашей страны как сырьевого придатка наиболее развитых стран; другая исходит из национальных интересов и основывается на восстановлении и развитии отечественного научно-производственного потенциала и подъема народного благосостояния [1, с. 35–47]. В зависимости от того, какая из этих стратегий будет реализована, возможны два сценария будущего развития страны, определяющих также будущее всех ее граждан, институтов государства и общества.

Собственно, альтернативы в выборе пути нет, потому что в случае реализации политической элитой сценария развития России как сырьевого придатка развитых стран может появиться еще одна серьезная угроза – угроза раскола населения на две группы: говоря условно, на патриотов и соглашателей. Первые не захотят мириться с такой ролью России, вторые будут навязывать реализацию такого сценария. Раскол может вполне реально положить начало глобальной нестабильности в стране.

Значит, путь один – развитие России на основе восстановления и модернизации экономики и повышения уровня народного благосостояния. В условиях развития России как сильного и самостоятельного государства будет значительно возрастать значение государственного регулирования информационных процессов (информационной политики).

Возможности информационной сферы должны быть в наиболее полной мере использованы государством при определении стратегии дальнейшего развития страны и ее реализации. В решении этой глобальной задачи, от которой зависит будущее нации, важнейшая роль принадлежит такому общественному институту, как средства массовой информации. Речь идет не о подчинении (подавлении) государством права свободной деятельности СМИ, а об использовании ресурса масс-медиа государством для достижения кардинальной общественной цели. Это вполне объяснимо, поскольку, во-первых, СМИ являются важным коммуникационным каналом между властью и обществом и одновременно источником информации, а во-вторых, СМИ вновь должны будут стать средством идеологического воздействия на общественное сознание. В

связи с этим необходимо предусмотреть и возможные пути развития российской системы средств массовой информации.

Сценариев (путей) развития отечественной прессы не два и не три, а гораздо больше. На деятельность СМИ оказывают влияние множество условий, факторов, замешенных как на политических, экономических и культурных процессах, которые происходят в нашей стране, так и на общемировых тенденциях. Кроме того, нельзя не учитывать имеющийся исторический опыт развития российской прессы и диалектику ее взаимодействия с властью и обществом.

Тенденция первая. Исторический опыт показывает, что со времен Петра I деятельность журналистов (издателей) в значительной мере контролировалась государством. Именно государство способствовало эволюции печатного дела, выдавало разрешения на печатание книг и выпуск периодических изданий, принимало меры по просвещению населения, открывая школы и другие учебные заведения. В СССР именно государство, предоставляя сфере книгоиздания и периодической печати различные дотации и другие виды поддержки, оплачивая в значительной степени затраты в этой области, воспитало, благодаря всеобщей грамотности, у широких слоев населения привычку выписывать и читать газеты, книги, журналы.

Государственное влияние на деятельность прессы сохраняется и до сих пор. Во-первых, государство остается крупнейшим собственником производственных мощностей, системы СМИ, частотного ресурса. По оценкам некоторых экспертов, уже к началу 2000 г. государство контролировало 70% всех электронных СМИ, 80% – региональной и 20% центральной прессы [2, с. 85]. Во-вторых, оно не стремится выпускать из своих рук рычаги влияния на прессу, выраженные в системе материальной поддержки, в предоставлении информации «оправдывающим доверие» власти СМИ, в законодательных ограничениях в их деятельности (к примеру, в условиях борьбы с терроризмом). Более того, зависимость российской прессы (в значительной мере от власти, затем – от бизнеса, партий) стала сущностью (необходимым условием) ее деятельности [3]. Пользуясь именно таким образом установленными отношениями со СМИ, власть взамен как управляла потоками информации, проходящими через прессу, так и продолжает ими управлять.

Но если в царские и советские времена пресса действовала в условиях полной зависимости от власти (в лице цензурных органов или идеологических служб), то в наше время зависимость прессы от власти является не столь однозначной, а более сложной, многослойной и подчас незаметной, но все равно устойчивой. Одним словом, традиция осуществляемого властью контроля за СМИ дает основания предположить, что и в будущем деятельность отечественных СМИ будет в немалой степени зависеть от государства.

Тенденция вторая. Исходя из сценариев будущего развития России, основанных на использовании двух имеющихся стратегий проведения экономической политики, можно спрогнозировать два пути развития отечественной прессы.

Первый: СМИ действуют в условиях продолжающейся «...деградации научно-производственного и интеллектуального потенциалов страны, ее оконча-

тельного превращения в сырьевую периферию мирового рынка с дезинтегрированной и контролируемой извне экономикой, деморализованным населением и распавшимся на антагонистические группы обществом» [1, с. 35]. У прессы при этих обстоятельствах могут быть три роли: 1) молчаливого наблюдателя, занимающего нейтральную позицию; 2) в виде используемого властью и бизнес-структурами, совместно расхищающими природные богатства всего народа, коварного средства информационного манипулирования и воздействия на население; 3) в трудной, но общественно значимой и по-настоящему полезной для граждан роли выразителя народных интересов. Не исключено, что при следовании именно такому сценарию будет вновь востребована и деятельность неформальной (незарегистрированной органами власти) прессы.

Второй: пресса действует в условиях «...быстрого восстановления научно-производственного потенциала и его развития на основе активизации конкурентных преимуществ российской экономики... путем широкого внедрения современных технологий, сочетая быстрый рост производства, инвестиций, оплаты труда и качества жизни населения» [1, с. 35]. Если будет выбран именно этот сценарий развития страны, то и СМИ испытают на себе положительное воздействие от свершающихся достижений.

Во-первых, успехи в экономике и, как следствие, повышение уровня жизни населения могут стать основой для укрепления доверия общества к власти. Соответственно, окрепнет и авторитет тех СМИ, учредителями которых являются государственные и муниципальные организации.

Во-вторых, в условиях укрепляющейся стабильности прессе будут позволены властью большая самостоятельность и свобода деятельности.

В-третьих, бизнес-структуры отпустят имеющиеся у них СМИ в «свободное плавание», не желая содержать столь затратные активы в условиях, когда нет необходимости отстаивать с помощью СМИ свои интересы.

В-четвертых, средства массовой информации начнут с большим вниманием относиться к своей репутации, что вызовет востребованное развитие «качественной» и увядание (закат) «желтой» прессы.

В-пятых, возрастет роль общественных институтов в информационной сфере и сфере деятельности СМИ. Общество получит от власти право контролировать деятельность прессы в части содержания и качества информационного продукта. Такое право контроля могут взять на себя наблюдательные советы, а сами СМИ, стремясь установить доверительные и гармоничные отношения с обществом, изменят ориентиры редакционной политики и станут уделять повышенное внимание соблюдению правил профессиональной журналистской этики.

В-шестых, разбуженная имеющимися достижениями созидательная энергия общества сама станет источником развития производства, науки, образования, искусства и других сфер человеческой деятельности. СМИ получат новые технологии, редакционные коллективы найдут новые формы работы (вспомним Марка Твена и его знаменитое выражение, что нет плохих жанров, кроме скучных).

Подтверждением того, что перечисленное является не фантазиями автора, не имеющими под собой реальных оснований, а прогнозом возможного раз-

вития общественных процессов, могут служить исторические аналогии с событиями первой половины XX в. в СССР. Огромные творческие силы были разбужены всеобщим социальным подъемом в 1920-е и 1930-е годы в строившейся, как тогда казалось, новое справедливое общество стране. Сколько имен, сколько нового тогда дала миру Россия в науке, литературе, живописи, театре, кино, литературе, журналистике, архитектуре, организации производства.

Можно не сомневаться, что нечто подобное произойдет в ближайшем будущем, если руководство страны изберет путь развития, нацеленный на отстаивание национальных интересов, совпадающих с ментальными интересами народа. Так может быть, но пока Россия стоит перед выбором стратегии своего развития, тем более что необходимость решения этой задачи сегодня обусловлена поразившим глобальную мировую экономику кризисом, проявления которого затронули и российское хозяйство.

Как указывают в своих выступлениях руководители Российской Федерации, мы должны выйти из этого кризиса технологически обновленной страной. Значит, проблема выбора стратегии развития обостряется, а не снимается с повестки дня. Но сделать выбор не просто, потому что на процесс формирования решения влияет множество факторов, начиная от субъективных (общественная воля политической элиты и интересы населения) [4] и заканчивая внешними – устремлениями государств, желающими установить несколько иной мировой порядок использования имеющихся ресурсов.

В настоящее время в средствах массовой информации, в Интернете описывается немало различных сценариев будущего России. Пожалуй, большинство из них являются пессимистичными, если не сказать, даже трагическими. Они сводятся в основном к тому, что произойдет расчленение России по причине интереса других стран к нашим сырьевым богатствам и борьбы за их использование. Распад России прогнозируется и на основе реализации сепаратистско-этнических сценариев, целью которых является создание на Кавказе, а также в Поволжье и на Урале целого ряда новых исламских республик.

Что противопоставляет таким сценариям официальная российская пресса? Оптимистических сценариев будущего развития России практически нет. Такое положение не может не отразиться на состоянии общественного сознания страны, которое в результате постоянной и массовой обработки способно впасть (и признаки такого явления уже наблюдаются социологами) в состояние социальной апатии и уныния. По данным Института сравнительных социальных исследований, две трети граждан России никогда и ни в каких формах коллективной общественной деятельности участия не принимали [5]. Население в этом случае начинает обращаться к использованию алкоголя, наркотиков и даже суициду как средствам ухода от действительности.

Итак, вернемся к нашему главному утверждению, что развитие российской прессы будет определяться выработкой и реализацией целей развития самой России. Время от времени в российском общественном сознании вспыхивают споры о том, какой должна быть главная национальная идея, которая бы не только устроила, но и сплотила расколотившее российское общество. Но такая идея не может быть сформулирована и озвучена по заказу, она должна вырваться

в недрах общественного сознания. А вот необходимость выработки стратегии развития России, отвечающей национальным интересам, назрела уже давно. Решению этой проблемы могли бы помочь средства массовой информации. Правда, в настоящее время российские СМИ являются выразителями интересов властной элиты, олигархов, медиа-магнатов. Эффективность же общественной жизни в большой степени зависит от того, позволяет ли информация, которую транслируют на общество СМИ, составить полное и объективное представление о том, что происходит в сфере публичной жизни.

Отсутствие возможности озвучивания в средствах массовой информации разнообразных точек зрения подрывает возможности по проведению обсуждения и дискуссий, исследования новых элементов в общественной жизни, суммирования умственных усилий общественности. Для того чтобы повысить эффективность публичной сферы, необходимо изменить конфигурацию информационного пространства и выстроить такую, которая бы способствовала максимальному обобщению всех существующих общественных практик.

Одним из путей изменения информационного климата является изменение деятельности СМИ под влиянием институтов гражданского общества. Путь этот может быть только эволюционным, трансформирующимся постепенно на основе использования разных общественных практик: лоббирования властвующей элиты, социального творчества, развития институтов гражданского общества, массового отказа от использования информации, предоставляемой печатной прессой и СМИ, занимающимися манипулированием общественно-го сознания. Общественность должна обрести свое лицо, заявить о себе, сконструировать себя и восстановить свое значение инициатора идей, на которые реагирует центр принятия политических решений.

Наладить успешно действующее информационно-коммуникативное взаимодействие с обществом при непосредственном участии СМИ может лишь государство, прибегнув к «искусству управления межгрупповыми отношениями в обществе на основе использования коммуникации и информации», что составляет суть государственной информационной политики. Ведь сущность власти в конце концов – это «...способность субъекта оказать воздействие на объект. Если субъект не обладает данной способностью, он не обладает властью. Способность воздействовать на объект – обязательный элемент власти, одно из ее определенных свойств» [6, с. 97].

Проблемы, существующие в информационном взаимодействии власти и общества, не разрешаются сами собой, но их можно и должно предусмотреть и устранить, если органы власти будут проводить научно разработанную и последовательную эффективную информационную политику.

Должно ли государство регулировать информационные процессы и проводить свою информационную политику? На этот счет существуют разные точки зрения. Представители одной из них утверждают, что средства массовой информации в демократическом обществе должны быть аполитичными и деидеологизированными. Но с этим утверждением невозможно согласиться, поскольку СМИ сами по себе являются источниками информации в обществе и в то же время коммуникационным каналом между органами власти и населе-

нием. Значит, СМИ не могут быть вне политики. Представители другой точки зрения занимают противоположную позицию, отводя СМИ роль «четвертой» ветви власти, которая не может стоять отдельно от политики. На наш взгляд, не стоит отдавать предпочтение какой-то одной точке зрения. Укажем только, что СМИ в любом случае обязаны выполнять свое главное предназначение – нести информацию обществу.

В идеале государство должно быть заинтересовано, чтобы средства массовой информации вели свою деятельность на благо государства и в интересах всего общества, соблюдая при этом действующее законодательство. Сами СМИ не могут быть абсолютно независимыми от своего государства, от своего гражданского общества, от отстаивания и реализации национальных интересов своей страны, от выполнения положений Конституции, которая гарантирует защиту прав и свобод граждан. Значит, государство должно регулировать информационные процессы и проводить свою информационную политику.

Вместе с тем участвовать в выработке принципов информационной политики обязаны не только органы власти, но и политические партии, политические лидеры, профессиональные организации и союзы, общественные объединения и научные учреждения.

Государственная информационная политика должна иметь основной своей целью создание правовых, политических, экономических, морально-этических, социально-психологических и других условий для обеспечения диалога государства и гражданского общества. Именно в этих условиях и может быть выработана и принята обществом стратегия развития России, отвечающая национальным интересам и совпадающая с ценностями духовной культуры нации, народа. «Творимые самим народом ценности должны органично входить в общественный идеал (как цель) и идеологию будущего (как средство), в чем убеждает и послевоенный опыт Японии и Германии, а также современного Китая» [7, с. 9–10].

Информационная политика, использующая все направления и соединения коммуникативных связей, призвана содержать в себе такие ресурсы и возможности, которые могли бы разрешить противоречия между ожиданиями правящей элиты и неверием, недоверием к ней большинства населения.

Библиографический список

1. Глазьев С.Ю. Перспективы российской экономики в условиях глобальной конкуренции // Экономические и социальные перемены в регионе. Вологда, 2007. № 37.
2. Фоссато Ф. Медиаландшафт, 1991–2003 // Отечественные записки. 2003. № 4.
3. Обермайер Г. Паралич российских медиа // Отечественные записки. 2003. № 6.
4. Коротич В. Быть соизмеримым со временем... // Пресса в обществе (1959–2000): Оценки журналистов и социологов. Документы. М., 2000.
5. Римский В.Л. Политическая и общественная активность российских граждан: преемственность и новые качества // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития / под общ. ред. А.М. Никулина. М., 2007.
6. Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. 2000. № 1.
7. Попов В.Д. Алгоритм формирования образа будущего России (тез. докл.) // Материалы методологического семинара / РАГС при Президенте РФ. М., 2010.

V.V. Mosina
The Reasons for Ethnic Tension
and Ethno-National Conflicts
of Contemporary Russian Society

The reasons for ethnic tension and ethno-national conflicts of contemporary Russian society are analyzed. Special attention is paid to the analysis of political, socio-economic and ethno-cultural factors of the development of ethno-national conflicts.

Key words and word-combinations: ethno-national conflict, ethnic tensions, ethnic politics, migration.

Анализируются причины межэтнической напряженности и этнонациональных конфликтов в современном российском обществе. Особое внимание уделяется анализу политических, социально-экономических и этнокультурных факторов возникновения и развития этнонациональных конфликтов.

Ключевые слова и словосочетания: этнонациональный конфликт, межэтническая напряженность, этническая политика, миграция.

УДК 316.482.5(470+571)
ББК 60.56(2Рос)

В.В. Мосина

ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Распад Советского Союза привел к образованию множества зон межэтнического напряжения, которое при определенном стечении обстоятельств вполне может проявиться в форме открытых столкновений. В настоящее время специалисты насчитывают свыше двухсот таких зон, основная часть которых приходится на территорию России [1, с. 228]. В связи с этим одной из первоочередных задач для Российского государства и общества является решение проблемы стабилизации этнонациональных отношений и предотвращение возможных конфликтов в этой сфере. Предпринимать решительные шаги в столь серьезном направлении следует, по нашему мнению, лишь на основе всестороннего исследования феномена этнонационального конфликта.

Возникновение подобного рода конфликтов напрямую связано с уровнем негативно-го влияния этнического фактора на стабильность общественной жизни того или иного этноконтактного региона. Выявление и исследование первопричин напряженности в межэтнических отношениях позволяют находить наиболее рациональные способы урегулирования и, вполне возможно, предотвращения этнонациональных конфликтов. Чрезвычайно актуальным поэтому становится

научное обоснование решения проблемы прогнозирования этнонациональных конфликтов.

По многим основаниям Россия в целом представляет собой «зону повышенного этнического риска» [2, с. 56]. Данные наблюдений, проводимых Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) под руководством В.А. Тишкова, свидетельствуют о том, что за последние годы напряженность этнонациональных конфликтов в России существенно не изменилась [3, с. 78].

На неблагоприятное развитие межэтнического взаимодействия в стране прямо или опосредованно оказывают влияние несколько факторов разного порядка. Так, по результатам различных исследований, среди источников возникновения и обострения этнонациональных конфликтов в России выделяют следующие факторы, которые условно можно разделить на три группы. Первая группа – политические факторы, связанные с государством, властью и политикой [3, с. 78], деятельностью национальных элит, стремящихся реализовать свои интересы по поводу власти и ресурсов [4, с. 557]. К этой же группе можно отнести и исторические факторы – прошлые отношения народов, войны, былые отношения господства-подчинения, насильственные депортации [2, с. 57]. Вторую группу составляют социально-экономические факторы, связанные с напряженностью в таких областях, как демография и миграция [5, с. 60], экономика и социальная сфера, общественные контакты и СМИ. Третью группу составляют этнокультурные факторы: культурно-языковые, подразумевающие недостаточное, с точки зрения этнического меньшинства, использование его языка и культуры в общественной жизни; культурные, выражающиеся в особенностях бытового поведения и вплоть до специфики политической культуры; религиозные, проявляющиеся в религиозных различиях, а также в разном уровне современной религиозности населения [6, с. 262–263].

Исторические факторы, по нашему мнению, сегодня не лежат в основе этнонациональных конфликтов на территории России, а скорее являются мощным объяснительным и мобилизационным ресурсом для соперничающих этнических групп. Причем если для большинства населения и представителей власти события прошлого не более чем исторический или даже социокультурный артефакт, то для многих представителей этнических общностей – это реальная политика угнетения, политика, приведшая к массовым вынужденным миграциям, к изменению этнодемографической структуры территорий.

Среди основных исторических причин, обуславливающих межэтническую напряженность в российском обществе, сохраняются недостатки национальной политики советского периода. Искусственно созданная иерархическая четырехуровневая структура СССР (союзная республика, автономная республика, автономная область или автономный округ) и проведение границ носили во многом волюнтаристско-конъюнктурный характер, а провозглашенное конституционное право народов на самоопределение и право союзной республики на свободный выход из Союза – декларативный характер. Кроме того, несовершенство системы проявилось и в том, что мононациональные образо-

вания создавались, как правило, на территориях с исторически смешанным типом расселения этногрупп. Таким образом, в известной мере были сформированы предпосылки достаточно многих этнонациональных конфликтов и напряженности, сохраняющиеся и до настоящего времени.

В условиях современной России состояние межэтнических отношений напрямую зависит от множества политических факторов. Особая роль принадлежит этнической политике государства, главная цель которой – обеспечение прав и потребностей граждан, связанных с их принадлежностью к той или иной этнической группе, а также сохранение имеющегося этнокультурного многообразия страны.

В настоящее время существует немало проблем в сфере этнической политики, способствующих повышению этнического риска. Так, достаточно часто напряженность этнонациональных отношений объясняется отсутствием качественной законодательной базы в области регулирования межэтнических отношений и отношений между государством и гражданами разных национальностей, несоответствием регионального законодательства федеральной Конституции и законам.

Целый ряд недостатков фиксируется и в национально-культурной политике. В частности, имеет место дискриминационная политика, направленная на сохранение и развитие культурного наследия одних этнических групп и безразличная к сохранению национальной культуры других. Зачастую создаются приоритеты для развития языка одного этноса в ущерб развитию и распространению языков других этносов. Нередким проявлением несовершенства национально-культурной политики является политическая и правовая незащищенность малочисленных народов и национальных групп, в особенности северных народов, находящихся в наиболее неблагоприятных условиях давления на их самобытные культуры со стороны техногенной цивилизации.

Уровень этнического риска также во многом обусловлен действием социально-экономических факторов, влияние которых простирается на всю совокупность общественных отношений и как ее часть – на межэтнические взаимоотношения.

В результате глубоких экономических и социальных преобразований российского общества современная социальная структура сильно дифференцирована. Появились новые социальные группы. Так, открыто заявила о себе буржуазия (спекулятивно-финансовая, промышленная), создающая собственные политические организации, кардинально изменяющая отношения собственности. Формируются новые группы маргинального типа – промежуточные, опосредующие, более поляризованные и контрастные (например, мигранты). В целом в России происходит своеобразная «декомпозиция» социальной структуры [3, с. 63], которой присуще все возрастающее расхождение характера труда, размеров доходов, уровня образования и престижа. Такое положение чревато множеством конфликтов, которые разворачиваются вокруг распределения кредитов, механизмов приватизации, налогового законодательства, правил регистрации.

Современные социальные процессы в России характеризуются явной дезинтеграцией сложившихся социальных структур и связей, утратой прежней и поиском новой социальной идентичности на разных уровнях, переходом от интеграции и дифференциации одного типа к другому. В России формируется общество с новым соотношением этносов, классов и социальных групп, которому присущи значительные различия в доходах, статусе и культуре.

Ныне каждая этническая группа на центральном и региональном уровнях пытается реализовать свои социальные, экономические и политические интересы, организуя лоббистское давление на исполнительную и законодательную власть. Однако отсутствие явно выраженной идеологии, низкая общая и политическая культура, отсутствие качественной законодательной базы приводят к расширению конфликтного пространства России.

Одним из наиболее существенных отнесенных нами к группе социально-экономических факторов, влияющих на рост межэтнической напряженности и уровень этнического риска, является миграция. Она, как правило, создает негативные тенденции в развитии межэтнических отношений, поскольку часто вызывает конкуренцию этнических общностей в областях занятости, проживания и общения. Так, по оценкам экспертов, в настоящее время на российских рынках труда присутствует до пяти миллионов трудовых мигрантов, в большинстве своем являющихся представителями титульных этносов государств СНГ [5, с. 31].

Возрастающее этнокультурное разнообразие общества – результат миграционных процессов – усиливает ксенофобские настроения большинства населения России, которые проецируются на мигрантов, представителей нетрадиционных для данной местности меньшинств. Особенно отрицательно россияне относятся к выходцам из стран Закавказья и северокавказских республик, государств Средней и Юго-Восточной Азии, а также цыганам.

Политику ограничения иммиграции поддерживают большинство россиян. К примеру, согласно опросу Фонда общественного мнения 62% респондентов считают нужным ограничить въезд «представителей некоторых национальностей» в свой регион или населенный пункт и только 25% опрошенных высказываются против этого. Одобрили бы депортацию «иностранцев» 52% опрошенных, не одобрили бы – 31%. Не более четверти россиян настроены толерантно к мигрантам [5, с. 31].

Антииммигрантские настроения являются постоянным фактором общественной жизни. Они насаждаются СМИ, распространяются и преувеличиваются рядом публичных политиков, поддерживаются отдельными представителями научной и творческой интеллигенции. С другой стороны, на фоне неблагоприятных экономических условий, сокращения возможностей в удовлетворении элементарных потребностей мигранты чаще всего лишаются своих прошлых статусных характеристик. В любом случае у большинства приезжих формируется, как правило, негативное, а иногда и враждебное отношение к новой среде.

Этнонациональные конфликты и межэтническая напряженность в современном российском обществе имеют дело не столько с этничностью, сколько

с культурой, причем культура выступает универсальным способом объяснения, за которым скрываются опасения за свою конкурентоспособность. Проблема этнокультурной самобытности занимает одно из центральных мест в идеологии национальных движений и в практике мобилизации этнических различий. Даже в конфликтных ситуациях, когда по разные стороны оказываются представители разных народов, к лозунгу о сохранении культурной самобытности прибегают обе стороны. Этническому меньшинству, обосновывающему свои права и претензии апелляцией к «культурной самобытности», это помогает бороться с дискриминацией. Обращение доминирующего этноса к культуре объясняется стремлением сохранить свою гегемонию, однако представляется как оборона от «экспансии» меньшинств.

Самым достоверным отражением этнокультурного многообразия является язык. Однако в эпоху всеобщей универсализации и глобализации языковое многообразие стало рассматриваться в качестве препятствия развития рынка и коммуникации. На долю этнических языков остается лишь повседневное общение в пределах этнических территорий. Такая ситуация вызывает чувство неполноценности собственных языков и ведет к размыванию самобытной культуры и этнических традиций.

Религия и верования являются столь же значимой культурной характеристикой людей, как и этничность. На основе религиозных различий формируются этнические идентичности людей. В России население имеет сложный этно-религиозный состав: большинство верующих россиян считают себя православными христианами, несколько миллионов исповедует ислам, имеются последователи других христианских церквей, буддизма, иудаизма. Все это делает сохранение стабильности этнонациональной ситуации достаточно трудной задачей. В современном мире межрелигиозная нетерпимость представляется анахронизмом, но это не значит, что она исчезла. На основе религиозного воспитания в современном российском обществе очень часто формируются личности и группы, которые демонстрируют нетерпимость и фанатическую приверженность религиозным лозунгам.

Но не сами этнические и религиозные различия служат причиной напряженности и насилия, а целый ряд факторов материального, социального, политического и идеологического характера. И по мере развития конфликта его причины, а тем более лозунги существенно меняются. В определенных условиях религия выходит на передний план общественной жизни, она используется для политической мобилизации в целях соперничества этногрупп за власть и ресурсы.

Таким образом, в современных условиях возникновение и развитие межэтнической напряженности и этнонациональных конфликтов может быть вызвано разнообразными причинами: во-первых, это недостатки этнической политики государства, как в прошлом, так и в настоящем; во-вторых, качественное ухудшение социально-экономического положения населения; в-третьих, этнические миграции; в-четвертых, культурно-языковая ущемленность этносов. Но чаще всего кризисное состояние этнонациональных отношений обусловлено совокупностью перечисленных причин.

Библиографический список

1. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. Е.И. Степанова. М., 1999.
2. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.
3. Дмитриев А.В. Миграция: конфликтогенное измерение. М., 2007.
4. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М., 2003.
5. Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии: ежегодный доклад, 2006 / под ред. В.А. Тишкова, Е.И. Филипповой. М., 2007.
6. Садохин А.П. Этнология. М., 2006.

R.Z. Bliznyak
“Electoral Process” vs “Selective Process”:
the Issue of Concepts Optimization

The specific character of the categories “electoral process”, “selective process” and “election campaign” perception in jurisprudence and political science is analyzed. The peculiarities of the term “electoral” in Russian and foreign scientific traditions are marked out. The author’s definition to the concept of “electoral process” is given.

Key words and word-combinations: electoral process, selective process, election campaign.

Анализируется специфика восприятия категорий «электоральный процесс», «избирательный процесс» и «избирательная кампания» в юридической науке и политологии. Выделяются особенности понимания термина «электоральный» в российской и зарубежной научных традициях. Дается авторское определение понятию «электоральный процесс».

Ключевые слова и словосочетания: электоральный процесс, избирательный процесс, избирательная кампания.

УДК 342.843
 ББК 67.400.8

Р.З. Близняк

**«ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ
 ПРОЦЕСС» VS
 «ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ
 ПРОЦЕСС»:
 К ВОПРОСУ
 ОБ ОПТИМИЗАЦИИ
 ПОНЯТИЙ**

В современных политических системах выборам отведена ведущая роль. Выборы как процесс и институт неоднократно становились предметом и объектом научного осмысления. Однако сам процесс выборов в общественных науках трактуется по-разному и, например, в политологии, остается дефинированно-неопределенным. Смежные понятия нагружаются аналогичными значениями. Так, взаимозаменяемыми полагаются термины: «электоральное», «избирательное» и «выборное» «законодательство» / «кампания». Часто употребляемый специалистами термин «электоральный процесс» используется ими в качестве синонима тому же «избирательному» [1, с. 14–15], «выборам» [2, с. 145–146], а иногда в него вкладывают самостоятельный смысл [3; 4]. В итоге смыс-

ловая чехарда вызывает путаницу и недопонимание авторами друг друга. В связи с этим представляется необходимым уточнить базовую терминологию данной области политического знания, в частности дать определение собственно «электорального процесса».

Влияние выборов на жизнь современного общества чрезвычайно разнообразно и проявляется в ряде важнейших функций [5, с. 4–14]. Принципиально выборы можно определить как реальный механизм репродукции народо-властия. Однако «выборы» как исследовательская категория не раскрывают структуры процесса формирования органов власти и управления в целом, его действующих акторов, отношений, возникающих между ними. В связи с этим более конкретным и удобным для научного анализа представляется понятие «избирательный процесс», под которым прежде всего следует понимать регулируемую социальными и юридическими нормами деятельность по подготовке и проведению выборов в органы государственной власти и местного самоуправления [6, с. 36]. В данной формулировке акцент делается на совокупности отношений между субъектами.

Однако избирательный процесс – это не только деятельность как таковая, но и обеспечение условий ее проведения, а также определенная последовательность этапов, поэтому избирательный процесс возможно трактовать как «технологическую инфраструктуру и форму реализации конституционных принципов организации периодических свободных выборов и обеспечения избирательных прав человека и гражданина в рамках предусмотренной законом последовательности совершения комплекса избирательных действий и избирательных процедур» [7, с. 255–256].

Избирательный процесс, по мнению юристов, должен обеспечивать законный ход выборов и объективные результаты голосования, гарантировать гражданам реализацию их прав на осуществление власти и формировать ее легитимные органы [8, с. 5]. Степенью достижения означенных целей и будет характеризоваться эффективность того или иного избирательного процесса.

Субъектами избирательного процесса действующее законодательство признает, во-первых, государственные и муниципальные органы (в том числе избирательные комиссии) и их должностных лиц, которые наделены правом издавать законы и другие нормативные акты, определяющие порядок подготовки и проведения выборов. Субъектами, в соответствии с действующим избирательным законодательством, также считаются общественные объединения и группы граждан, которые обеспечивают требуемые условия и средства, необходимые для реализации законодательства о выборах. Из них отдельную подгруппу составляют голосующие и баллотирующиеся на выборах граждане России, их доверенные лица, другие участники избирательного процесса, обладающие правом выдвижения и поддержки кандидатов (например, политические партии, общественные объединения, группы избирателей), а также наблюдатели. Наконец, третью группу составляют контролирующие инстанции – органы прокуратуры, которые осуществляют надзор за соблюдением законодательства, и суды, разбирающие соответствующие нарушения.

Политологи несколько иначе оценивают смысл избирательного процесса. Юридический компонент для них становится важным настолько, насколько приобретает политическую значимость: например, принятие Конституции, другого законодательного акта само по себе расценивается как явление политическое. Избирательное право (в значении «законодательство»), выполняя функцию регулятора событий, интересует политологов как в части проработанности норм и установлений, так и с точки зрения выполнения требований законодательства участниками избирательного процесса и ожидаемых политических последствий.

Акценты оценивания действий участников выборов в ходе избирательного процесса меняются, поэтому избирательная система – это не столько «пакет правил и процедур, определяющих условия успеха соревнующихся партий и кандидатов, способ преобразования голосов в мандаты» [9, с. 44], но система общественных отношений, связанных с выборами органов публичной власти. В таком срезе понимания избирательной системы она регулируется не только нормами избирательного права; в ее состав входят отношения, регулируемые корпоративными нормами (уставами политических общественных объединений и др.), а также обычаями и традициями данного общества. Таким образом, «избирательный процесс» – это интегральная категория, при помощи которой дается общая характеристика всего комплекса разворачивающихся в стране *политических* (курсив наш. – Р.Б.) событий, связанных с выборами» [10, с. 552].

Политологи с разной степенью успешности и полноты пытаются решить вопрос о временных границах и стадиях избирательного процесса. Причина, как кажется, кроется в неразрешенности проблемы соотношения понятий «избирательный процесс» и «избирательная кампания», особенно в вопросе их стадийного (хронологического) совпадения / несовпадения.

Нередко в средствах массовой информации, выступлениях политиков, научных публикациях происходит отождествление терминов «избирательный процесс» и «избирательная кампания». Сведение «избирательного процесса» к «избирательной кампании» научно некорректно. С точки зрения стадийной, избирательная кампания – это *необходимый и наиболее яркий, запоминающийся элемент* любого избирательного процесса.

Если избирательный процесс детерминируется и ассоциируется с неким абстрактным безличным законодательным установлением, а также осуществляется вне зависимости от умонастроений электората и степени готовности его потенциальных субъектов, то избирательная кампания в данном случае есть его прямая противоположность. Во-первых, она, как правило, персонифицирована, что уже придает ей субъективный характер. Все участники кампании, являясь своего рода «творцами истории», стремятся подойти к ее началу «во всеоружии». Присутствующий здесь элемент игры, а следовательно, интриги привлекает к ней особый интерес. Наконец, сам электорат в разных формах принимает более или менее активное участие в состязании кандидатов на протяжении всего периода кампании; его вклад не ограничивается только рамками заключительной стадии – голосованием. Все это приводит к тому,

что степень узнаваемости и понимания сути термина «избирательная кампания» гораздо выше, чем термина «избирательный процесс».

Следует отличать «избирательную кампанию» от кампаний «выборной», «предвыборной» и «агитационной». Так, в соответствии с действующим законодательством избирательная кампания начинается с момента выдвижения кандидата и заканчивается с подсчетом голосов избирателей и установлением результатов выборов, тем самым полностью включая в себя такой вид деятельности, как собственно агитационная кампания. Термин «выборная кампания», или просто «выборы», более адекватен для обозначения избирательной кампании в широком смысле как совокупности мероприятий, предпринятых для обеспечения избирательного процесса в стране. Предвыборная кампания, очевидно, включает предпринимаемые предусмотрительными кандидатами действия, направленные на их избрание задолго до официального старта избирательной кампании. Такие подготовительные мероприятия могут носить обеспечивающий характер и не предполагать непосредственного воздействия на массового избирателя. В отличие от избирательной, сроки предвыборной кампании не связаны с датой выборов, и она может вестись практически непрерывно, превращаясь на момент выборов в избирательную.

Указанное различие носит далеко не просто формальный характер. Безусловно, методы ведения предвыборных кампаний весьма сходны с методами кампаний избирательных, однако их отличает определенная специфика, поскольку действия кандидата (партии) во время предвыборной кампании не регламентируются избирательным законодательством; агитация избирателей во время предвыборной кампании проводится задолго до дня голосования; психологическое восприятие действий кандидата во время предвыборной кампании также разнится с восприятием его поведения во время кампании избирательной [11, с. 336–340].

Анализ англоязычных источников позволяет более четко определить, насколько правомерно различие в русском языке понятий «электорального» и «избирательного» процессов и насколько то и другое соответствует собственно англоязычному определению «electoral».

Прежде всего, не возникает особых разногласий в понимании таких терминов, как «election campaign» («выборная кампания») – «усилия кандидатов и партий, направленные на завоевание голосов избирателей в течение нескольких недель перед выборами» [12, с. 186] и «voting» («голосование») – «действие, посредством которого голосующий отдает предпочтение кому-либо из соревнующихся политиков или кандидатов» [12, с. 631]. Следует отметить, что в приведенном, а также ряде других изданий отсутствует термин «electoral process» [13–15] (исключение было обнаружено в статье Joel Krieger «Elections and Voting Behavior», где говорится о том, что электоральные процессы имеют место тогда, когда правительства вынуждены искать поддержку граждан, создавая формальные каналы для их участия и оппозиционирования [16, с. 261–263]), зато практически везде есть аннотации на «electoral system» (или «voting system» [17, с. 485]). Под последней понимается «совокупность методов, применяемых при переводе голосов, отданных за кандидатов в ходе выборов, в количе-

ство мест или же для определения победителя» [18, с. 101]. Кроме того, «электоральная система» представляет собой совокупность «обычаев, законов, методов и институтов, используемых при выборе представителей в политическую систему» [19, с. 138]. К «электоральной системе» примыкает понятие «electoral laws» («законы»), то есть избирательное право [20, с. 32].

Таким образом, англоязычный термин «electoral» наиболее близок российскому «избирательный». И тем не менее английский исследователь Р.С. Кац в ходе изучения и описания «электоральной системы» пришел к выводу, что правильнее было бы выделять два значения этого явления:

1) в узком значении такие термины, как «выборы», «электоральный закон» и «электоральная система», относятся к тому, что происходит во время и сразу после «дня голосования», то есть означают немногим более чем механизмы отбора и подсчета голосов и объявление победителей [21, с. 107–108];

2) обращаясь к широкому пониманию и признавая некоторую расплывчатость собственных определений, Р.С. Кац утверждает, что при анализе предвыборной ситуации нельзя ограничиваться изучением лишь аспектов избирательного права, электоральной формулы и технологической инфраструктуры; чтобы иметь более или менее полное представление о происходящем, необходимо учитывать и другие, оказывающие серьезное влияние на выборы факторы [21, с. 110–111].

Таким образом, расширенное толкование термина «электоральная система» позволяет не просто констатировать происходящее в ходе выборов и фиксировать полученные результаты. Анализ работы различных подсистем «электоральной системы» дает возможность: а) выявлять глубинные основания тех или иных политических действий и действительные механизмы принятия решений, предпринимаемых участниками электорального процесса; б) обнаруживать факторы, определяющие мотивацию поведения избирателей, интересы и цели избираемых, а также стоящих за ними; в конечном итоге в) оценивать результаты выборов и прогнозировать тенденции развития ситуации в стратегической перспективе.

Развивая мысль исследователя, можно предположить, что указанные подсистемы воздействуют на выборы не только в течение избирательного процесса и выборной кампании, но и много раньше. Именно в это время происходит вызревание структурных предпосылок для совершения тех или иных политических действий. Межвыборный период очень важен для принятия элитами и массами соответствующих решений, поэтому именно его и предполагается обозначить как «электоральный процесс».

Если относительно его процессуальных характеристик не возникает серьезных сомнений, то «электоральность» требует пояснений. Во-первых, термин «избирательный процесс» и без того перегружен значениями смежного порядка (нормативно-правовое и два политологических понимания), что уже вызывает известную долю путаницы. Добавление еще одного вряд ли будет способствовать научной точности.

Во-вторых, разница в сроках. Говоря об избирательном процессе, и юристы и политологи так или иначе имеют в виду временной промежуток, нижней

границей которого является назначение выборов, верхней – подведение их итогов. Электоральный же процесс – это период между выборами; он включает избирательный процесс, но не ограничивается им.

В-третьих, избирательный и электоральный процессы стержневым основанием своим имеют выборы. Разница заключается в оценке деятельности участников процесса. В первом случае она анализируется прежде всего с точки зрения соблюдения (или изменения) избирательного законодательства, во втором – с точки зрения изменения поведения избирателей. Другими словами, меняются акценты в освещении выборов.

Наконец, четвертый момент. Безусловно, избирательная кампания, являясь совокупностью действий, предпринимаемых кандидатами для обеспечения победы на выборах, задачей своей имеет воздействие на поведение избирателей (в необходимой степени), поэтому избирательный процесс есть составная часть процесса электорального. Тогда имеет смысл говорить и о том, что электоральный процесс включает в себя любые действия, имеющие отношение к выборам (а не только направленные на избирателей). Впрочем, в межвыборный период всякое политическое мероприятие, относящееся к выборам, будет иметь электоральный подтекст (другой вопрос, насколько оно значимо).

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить следующие положения.

1. В понимании представителей различных отраслей научного знания сути и смыслов единиц терминологического аппарата, применяемых в исследовании электорально-выборных отношений, существуют серьезные расхождения. Юристы и политологи по-разному трактуют не только понятие «электоральный процесс» и его производные, но даже такие базовые категории, как «избирательный процесс» и «избирательная кампания». Если первые в целом руководствуются «буквой закона» и избирательный процесс, по их мнению, должен обеспечивать законный ход выборов и объективные результаты голосования, гарантировать гражданам реализацию их прав на осуществление власти и формировать ее легитимные органы, то для вторых юридический компонент становится важным ровно настолько, насколько приобретает политическую значимость. Следовательно, избирательный процесс есть интегральная категория, при помощи которой дается общая характеристика всего комплекса разворачивающихся в стране политических событий, связанных с выборами.

2. В отечественной политической науке наряду с непосредственным словарным переводом термина «electoral» – «избирательное» употребляется термин «электоральное». Как это часто случается, иностранные слова, попадая в русский язык, где имеются их переводные аналоги, приживаются, наделяясь отличными смысловыми оттенками. Несмотря на дефиницированную неопределенность данного термина (разные авторы трактуют его по-разному), а может быть, именно поэтому «электоральное» в российском варианте включает в себя более широкую сферу охвата политического, нежели российское «избирательное».

3. На основании проведенного анализа представляется возможным дать определение термина «электоральный процесс». *Электоральный процесс включает в себя всю совокупность отношений, событий, явлений и процессов,*

возникающих при взаимодействии электоральных акторов по поводу выборов как в предвыборный, так и в избирательный период. При этом электоральными акторами возможно полагать практически действующих субъектов, способных оказывать воздействие на поведение избирателей. Кроме того, можно говорить не только о совокупности действий отдельных акторов, но и о системных взаимодействиях. Совокупность взаимодействий политической системы (ее подсистем) с гражданами, исполняющими роль избирателей, по поводу выборов, предпринимаемых непосредственно перед выборами (избирательный процесс) и в межвыборный период, называется электоральным процессом.

Библиографический список

1. Трошина Н.В. Фактор имиджа в российском электоральном процессе: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2001.
2. Пищулин Н.П. Политическое лидерство и электоральный процесс // Политические исследования. 1998. № 5.
3. Ильин М.В. Моделирование (Структура и динамика российского электорального пространства («круглый стол»)) // Политические исследования. 2000. № 2.
4. Бунин И.М. Россия за полгода до выборов: расклад политических сил // Политика. 1999. № 2.
5. Янковский И.Р. Выборы и демократия: подходы современной политической науки. М., 1999.
6. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1995. Т. 2.
7. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 1999.
8. Веденеев Ю.А., Лысенко В.И. Избирательный процесс в Российской Федерации: политико-правовые и технологические аспекты // Государство и право. 1997. № 8.
9. Янковский И.Р. На пути к реальному народовластию: избирательные технологии в России XX века. М., 1999.
10. Соловьев А.И. Политология. Политическая теория. Политические технологии. М., 2001.
11. Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. М., 2000.
12. The Blackwell Encyclopaedia of Political Institutions. Oxford; N.Y., 1991.
13. Evans G., Newnham J. The Dictionary of World Politics. A Reference Guide to Concepts, Ideas and Institutions. N.Y., 1990.
14. Encyclopedia of Government and Politics. L.; N.Y., 1992.
15. Roberts J., Edwards A. A New Dictionary of Political Analysis. N.Y., 1991.
16. Krieger J. Elections and Voting Behavior // The Oxford Companion to Politics of the World. N.Y.; Oxford, 1993.
17. Robertson D. A Dictionary of Modern Politics. L., 1993.
18. Robertson D. The Penguin Dictionary of Politics. L., 1986.
19. Lexicon of Terms and Concepts in Public Administration, Public Policy and Political Science. Kyiv, 1994.
20. Rae D.W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1967.
21. Katz R.S. Democracy and Elections. N.Y.; Oxford, 1997.

G.N. Chekachkova
The Influence of International Human Rights Standards on the Russian Legal System

The inclusion of the generally recognized principles and norms of international law in the legal system of the Russian Federation is researched. Particular attention is paid to individual rights applied in court proceedings.

Key words and word-combinations: individual rights, the Constitution of the Russian Federation, norms of international law.

Исследуется включение в правовую систему Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права. Особое внимание уделено правам личности, реализуемым в судопроизводстве.

Ключевые слова и словосочетания: права личности, Конституция Российской Федерации, нормы международного права.

УДК 341.231.145
ББК 67.Х67

Г.Н. Чекачкова

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА НА РОССИЙСКУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ

Проблема формирования подлинно демократического и социально ориентированного государства, в котором непременно должны быть закреплены и реализованы права личности, исторически находилась в центре внимания передовой общественно-политической и правовой мысли. Заметные практические подвижки в указанном направлении стали происходить с середины XX в.: права человека признаются наивысшей ценностью в правовых системах многих государств, принимается Устав ООН (1945 г.), на основе которого термин «естественные права» получает новую формулировку – «права человека». Таким образом было закреплено международное юридическое понимание рассматриваемого феномена, фундамент которого заложен в Международном билле о правах человека, включающем четыре важных документа: Всеобщую деклара-

цию прав человека 1948 г., два международных пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., о гражданских и политических правах 1960 г., а также протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах. В Международном билле о правах человека представлена основа концепции прав человека, на которой сегодня базируются конституции большинства стран. Принятие Всеобщей декларации прав человека 1948 г. означало, что открылся новый этап в истории человечества: признание прав человека ценностью мировой цивилизации.

Проблема прав и свобод человека и гражданина сложна и многопланова. Она имеет международные, политические, социальные, экономические, юридические и другие аспекты. Трудно представить современный мир, многообразие государств, имеющих различные политические, социальные, экономические и культурные системы без тесных связей между ними во всех областях общественной жизни, и особенно в сфере обеспечения прав и свобод человека. В настоящий период формируется широкое движение за новую идеологию прав личности, все более осознаваемую и принимаемую в цивилизованном мире. Так, 5 мая 1998 г. вступила в силу Европейская конвенция о защите прав и основных свобод, которая считается общим достоянием европейских государств, включая Россию. Ее положения стали частью отечественной правовой системы, а решения Европейского суда по правам человека приобрели обязательную силу.

В настоящее время совокупность международно-правовых актов, содержащих общепризнанные принципы и нормы о правах человека, в российской правовой системе образуют международные договоры, заключенные Российской Федерацией или СССР, но ставшие обязательными для России в силу правила правопреемственности, ратифицированные и официально опубликованные, взаимообусловленные универсальные и региональные. Наиболее значимыми среди них являются: Устав ООН (1946 г.); Всеобщая декларация прав человека (1948 г.); Декларация об основных принципах международного права (1970 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (1976 г.); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.); Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.); Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.). В данных документах содержатся стандарты закрепления и соблюдения основных прав и свобод человека.

В Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Это положение не только уходит корнями в область международного права, но и создает соответствующую гарантию, придавая российским юридическим нормам особый статус.

Некоторые специалисты критикуют включение в правовую систему страны общепризнанных принципов и норм международного права на том основании, что они якобы предназначены для регулирования только межгосударст-

венных отношений [1, с. 18]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на практике это означает обязательство всех органов государства, включая правоохранительные, руководствоваться юридическими положениями, признанными на международном уровне. Такое понимание подтверждает и Конституционный Суд РФ [2].

В юридической науке, со ссылкой на авторитетное мнение членов Европейской комиссии за демократию через право при Совете Европы, указывается на отсутствие всеми разделяемого определения общепризнанных принципов и норм международного права. Под ними небезосновательно предлагается понимать те, которые имеют императивную силу, юридически обязательную для всех государств [3, с. 4–6]. Учеными высказываются аргументы в пользу того, чтобы названные принципы и нормы опирались на содержащийся в ст. 38 Статуса Международного суда перечень источников общего международного права, где наряду с договорными конвенциями выделяется «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы», а к общим принципам права относятся «признанные цивилизованными нациями» [4, с. 117–118].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ (п. 5) говорится о реализации общепризнанных принципов и норм международного права, «закрепленных в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах)» [5]. Таким образом, проблема защиты прав и свобод личности перестает быть исключительно внутренним делом того или иного государства, а неограниченный подход к содержащим рассматриваемые принципы и нормы документам позволяет давать их самую широкую трактовку, что представляется на деле трудно осуществимым для требующих дополнительной регуляции договоров и большинства документов декларативного, рекомендательного свойства. В свою очередь, не вызывает сомнений, что подлежат применению общепризнанные принципы и нормы, содержащиеся в фундаментальных соглашениях о правах человека.

Права человека, как категория уже международного права, теперь имеют значение международных стандартов и должны оказывать соответствующее воздействие как на законодательный процесс, так и на правоприменительную практику [6, с. 3]. Включение европейских стандартов прав человека в российскую правовую систему существенно повышает меру ответственности всех субъектов, задействованных в правозащитных механизмах, в том числе и органов правосудия. Судебные решения и приговоры все чаще ссылаются на нормы международного законодательства, трансплантированные в российские источники права.

Сфера отправления правосудия представляет собой ту область, где реализация прав личности приобретает наиболее яркую выраженность. Европейская система защиты прав человека, гражданина построена по принципу дополнителности международно-правовых гарантий. Это означает, что основу правозащитного механизма составляют нормы внутригосударственного права, а об-

щевропейское международное право выступает вспомогательным, дополнительным уровнем гарантий, который является минимальным образцом для национального законодательства.

Если проанализировать нормы Конституции и процессуального законодательства Российской Федерации, то можно обнаружить, что многие из них, касающиеся основных прав и свобод человека и гражданина, аналогичны международным нормам. Однако сравнительно с «международным» «национальный» перечень прав человека и гражданина является далеко не исчерпывающим, и не все международные нормы о правах человека, затрагиваемых в процессе судопроизводства, в настоящее время закреплены тем или иным образом в российском процессуальном праве.

Исходя из анализа теоретических положений и имеющейся практики современного отечественного судопроизводства, полагаем, что внутригосударственный механизм применения общепризнанных принципов и норм о правах человека в российском судопроизводстве формировался в три этапа: в самом начале общепризнанные принципы и нормы о правах человека были трансформированы в нормы Конституции РФ; затем конституционные нормы в большей или меньшей степени конкретизировались в отраслевом законодательстве; юридически обязательные для Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы о правах человека стали прямо применяться в юридической практике, в том числе в национальном судопроизводстве.

Конституция РФ включила общепризнанные принципы и нормы международного права в правовую систему страны, но при этом не определила их соотношение с иными нормами национальной правовой системы. В результате возникла некоторая неопределенность, которая не была устранена и основанная на Конституции РФ законодательством. Законы в большинстве случаев ограничиваются воспроизведением конституционной формулы о международных договорах, игнорируя конституционную же норму о принципах и нормах международного права. С указанным обстоятельством связана необходимость дальнейшего обсуждения содержания ст. 15 Конституции РФ.

До тех пор пока в Конституции России или в специальном федеральном законе не будет закреплён исчерпывающий перечень «общепризнанных принципов международного права» и не появится дефинитивная юридическая норма о содержании каждого из них, трудно рассчитывать на практическую реализацию ст. 15 Конституции РФ. Непосредственным регулятором внутригосударственных общественных отношений эти принципы вряд ли станут без четкого определения их сущности и условий применения. Для правильного применения общепризнанных принципов и норм самое существенное значение имеет внутригосударственное законодательство, которое, как указал Конституционный Суд РФ, должно их учитывать.

Необходимо подчеркнуть, что в иерархии правовых норм Конституция России (ст. 18) поставила на высший уровень нормы о правах и свободах человека и гражданина, которые признаются и гарантируются «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией». Права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, со-

держание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Казалось бы, с полным основанием можно говорить о примате общепризнанных норм о правах человека в правовой системе России. В то же время деятельность в этой сфере законодательной власти демонстрирует примеры несоблюдения упомянутых конституционных положений. Так, Федеральный закон «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» [7] во главу угла ставит защиту прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на это, при определении в ст. 6 Закона правовых основ деятельности внутренних войск нормы международного права вообще не упомянуты.

Через уважение прав человека утверждается верховная ценность личности в отдельных государствах и в мире в целом. В рамках отдельных стран их соблюдение служит необходимым условием здорового социального и экономического развития, общественного порядка и всеобщего благополучия в демократическом государстве.

Перед современной отечественной юридической наукой ставятся конкретные задачи: развивать исследования по проблемам становления и утверждения принципов демократического, правового государства в России, по укреплению роли юридических механизмов в российском судопроизводстве, обеспечению защиты прав личности на уровне международных стандартов. На настоящем этапе развития правовой системы Российской Федерации представляется актуальным сформулировать минимальные стандарты обеспечения прав и свобод человека и гражданина с учетом общепризнанных принципов и норм международного права в области прав человека, на основе фундаментальных положений Конституции РФ.

Россия является участником многих международных соглашений в области прав человека, которые стали элементами национальной правовой системы. Это означает, что Российская Федерация сознательно берет на себя обязательства по обеспечению и защите прав человека, в том числе в сфере отправления правосудия. На наш взгляд, задача Российского государства в сфере защиты прав человека состоит в том, чтобы гармонизировать правовое поле индивида, сделать его сопоставимым со стандартами, которые устанавливаются на мировом уровне.

Библиографический список

1. Усенко Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права в российской Конституции // Московский журнал международного права. 1995. № 2.
2. По делу о проверке Конституционного Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и прилегающих к ней регионов Се-

верного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

3. Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия // Государство и право. 1996. № 2.

4. Даниленко Г.М. Применение международного права по внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. 1995. № 11.

5. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 окт. 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

6. Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (проблемные вопросы науки и практики). Оренбург, 1996.

7. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации: Федер. закон от 6 февр. 1997 г. № 27-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 6. Ст. 711; 2009. № 48. Ст. 5717.

E.V. Chetverikov
Laws of the Saratov Region
on the Accounting Office:
Comparative Analysis

The comparative analysis of two laws of the Saratov Region on the Accounting Office is carried out. Particular attention is paid to the competence of this body.

Key words and word-combinations: the Accounting Office, the law, competence.

Проводится сравнительный анализ двух законов Саратовской области о Счетной палате. Особое внимание уделяется компетенции данного органа.

Ключевые слова и словосочетания: Счетная палата, закон, компетенция.

УДК 342
ББК 67.400.1.329

Е.В. Четвериков

ЗАКОНЫ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ О СЧЕТНОЙ ПАЛАТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Саратовская область вошла в пятерку субъектов Федерации, которые первыми создали на своей территории орган внешнего финансового контроля – региональную Счетную палату. Она была образована в 1995 г., вскоре после создания Счетной палаты Российской Федерации, и получила статус постоянно действующего органа государственного финансового контроля. Палата выполняет контрольно-ревизионную и экспертно-аналитическую функции, обеспечивает единую систему контроля за исполнением бюджета области, бюджетов областных внебюджетных фондов.

Счетная палата Саратовской области образуется Саратовской областной Думой и подотчетна ей. Первые годы она действовала на основании Временного положения [1]

в форме структурного подразделения Саратовской областной Думы. В июле 1997 г. был принят Закон Саратовской области «О Счетной палате Саратовской области» [2], согласно которому Палата получила статус самостоятельного, независимого органа областного государственного финансового контроля, действующего на основе принципов законности, объективности, независимости и гласности. Счетная палата наделялась правами юридического лица, финансирование ее деятельности стало осуществляться из средств областного бюджета. В июле 2008 г. был принят новый Закон «О Счетной палате Саратовской области» [3], в котором были учтены все внесенные в предыдущий Закон изменения, а также уточнены отдельные вопросы деятельности Палаты.

Таким образом, за сравнительно короткий срок в Саратовской области была сформирована и неоднократно преобразована правовая база, регулирующая институт регионального государственного финансового контроля. В связи с этим представляется важным провести сравнительный анализ двух законов о Счетной палате Саратовской области в целях определения изменений, произошедших в структуре, правовом статусе и компетенции органа, а также сформулировать обоснованные предположения о том, как эти изменения повлияют на качество деятельности региональной Счетной палаты.

Закон Саратовской области «О Счетной палате Саратовской области» 1997 г. состоял из трех глав и одиннадцати статей. Закон Саратовской области «О Счетной палате Саратовской области» 2008 г. не поделен на главы и состоит из тринадцати статей.

Оба Закона определяют Счетную палату Саратовской области как орган государственного финансового контроля. Однако в Законе 2008 г. используется формулировка, аналогичная применяемой в Федеральном законе «О Счетной палате Российской Федерации» [4]: Палата является постоянно действующим органом. Региональный Закон 1997 г. этого не предусматривал.

Счетная палата Саратовской области по законам 1997 и 2008 гг. является юридическим лицом, имеет гербовую печать, официальный бланк со своим наименованием и другие атрибуты юридического лица. Деятельность Счетной палаты в соответствии с упомянутыми законами не может быть приостановлена в связи с досрочным прекращением полномочий областной Думы. Таким образом, можно сделать вывод, что организация деятельности Палаты не претерпела каких-либо существенных изменений.

Основными принципами функционирования Счетной палаты, заявленными в обоих областных законах, выступают законность, объективность, независимость и гласность.

Принцип законности призван обеспечивать соблюдение органами финансового контроля действующего законодательства, что является гарантией реализации иных принципов деятельности контрольно-счетных органов.

Принцип объективности не позволяет использовать политические оценки при анализе и экспертизе решений, принимаемых органом власти субъекта РФ по финансово-бюджетным вопросам. При этом контрольно-счетный орган, проводя мероприятия в рамках отведенных ему контрольных полномочий, может использовать только материалы, официально предоставленные ему или

же опубликованные в официальных изданиях. В целях обеспечения своей объективности контрольно-счетный орган может привлекать для проведения контрольных мероприятий независимые экспертные организации и отдельных экспертов. Должностные лица контрольно-счетных органов несут персональную ответственность за достоверность и объективность результатов контрольных мероприятий, представляемых в государственные органы и предаваемых гласности.

Контрольные органы могут выполнять возложенные на них задачи объективно и эффективно только в том случае, когда они независимы от проверяемых ими организаций и защищены от постороннего влияния. Хотя органы финансового контроля не могут быть абсолютно независимы, так как являются частью государства, тем не менее они должны иметь функциональную и организационную независимость, необходимую для выполнения возложенных на них задач. Именно в целях, определенных законодательством субъектов РФ, контрольно-счетные органы обладают организационной и функциональной независимостью. Они подотчетны только представительным органам власти субъектов РФ и не подчиняются ни исполнительной власти Российской Федерации и субъектов РФ, ни Счетной палате РФ [5, с. 29].

Контрольно-счетный орган ежегодно представляет для публикации в средствах массовой информации отчет о контрольной деятельности за прошлый год. Кроме того, он публикует в них материалы, связанные с законностью, рациональностью и эффективностью использования средств бюджетов и внебюджетных фондов органами государственной власти, предприятиями и организациями; материалы по другим вопросам [6, с. 41]. В этом непосредственно реализуется принцип гласности.

Одним из первых и основных отличий «нового» (2008 г.) регионального Закона состоит в том, что в ч. 8 ст. 1 этого акта предусмотрен контроль областной Думы за использованием Счетной палатой средств областного бюджета, выделенных на обеспечение ее деятельности. Решение о проведении проверки использования Счетной палатой средств областного бюджета и о форме проведения указанной проверки принимается областной Думой по инициативе совета областной Думы, фракции или не менее одной трети от установленного числа депутатов областной Думы. На наш взгляд, это противоречит одному из основных принципов: нарушается финансовая независимость контрольного органа, что может негативно сказаться на объективности деятельности Счетной палаты.

Закон Саратовской области «О Счетной палате Саратовской области» 2008 г. изменил количество задач, стоящих перед органом. Если в Законе 1997 г. их было семь, то в Законе 2008 г. только две: 1) контроль за исполнением областного бюджета и бюджета Территориального фонда обязательного медицинского страхования Саратовской области; 2) осуществление экспертно-аналитической деятельности, направленной на совершенствование бюджетного законодательства области.

Вместе с тем направления деятельности Счетной палаты, которые были отражены в Законе 1997 г. как задачи, в Законе 2008 г. определены как полномочия в целях реализации задач, возложенных на Счетную палату. Так, прове-

дение контроля за поступлением в областной бюджет средств, полученных от распоряжения государственным имуществом области и управления объектами государственной собственности области, организация и проведение внешней проверки отчетов об исполнении областного бюджета и другие основополагающие направления деятельности Счетной палаты Саратовской области перестали считаться ее задачами.

Задача – это то, что требуется сделать, в то время как полномочие – право, официально предоставленное кому-либо на совершение чего-либо. В Законе «О Счетной палате Саратовской области» 2008 г. были сняты пять из семи задач, обязательных для осуществления деятельности контрольно-счетного органа, они переведены в категорию возможных направлений функционирования данного органа. На наш взгляд, данное изменение не может положительно сказаться на качестве работы контрольного органа.

Помимо количества задач, стоящих перед Счетной палатой Саратовской области, уменьшился и их объем. Например, если в ч. 1 ст. 2 Закона Саратовской области «О Счетной палате Саратовской области» 1997 г. указано, что контроль осуществляется за бюджетами внебюджетных фондов (Пенсионный фонд Российской Федерации по Саратовской области, Саратовское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации, Территориальный фонд обязательного медицинского страхования Саратовской области), то в Законе 2008 г. упоминается только контроль за бюджетом Территориального фонда обязательного медицинского страхования Саратовской области. Трудно сказать, чем руководствовались региональные депутаты, выводя из-под контроля Счетной палаты два из трех бюджетов внебюджетных фондов. Весьма сомнительно, что это позитивно отразится на результатах деятельности этих внебюджетных фондов.

В Законах Саратовской области «О Счетной палате Саратовской области» 1997 и 2008 г. крайне мало внимания уделено эффективности использования бюджетных средств. В Законе 1997 г. некоторые задачи предполагали контроль за эффективностью использования государственных средств, например оценку обоснованности доходных и расходных статей проектов областного бюджета и бюджетов внебюджетных фондов. В Законе 2008 г. упоминается лишь об осуществлении экспертно-аналитической деятельности, направленной на совершенствование бюджетного законодательства области.

В наиболее полный перечень возможных сфер контроля эффективности использования государственных средств включены: бюджетные средства, внебюджетные фонды, государственная собственность, кредитные ресурсы и заемные средства; налоговые и другие льготы [7, с. 23]. Закон 1997 г. затрагивает только две из этих сфер (бюджетные средства, внебюджетные фонды). В Законе 2008 г. нет ни одной сферы контроля эффективности использования государственных средств.

На наш взгляд, в текст Закона 2008 г. необходимо не только вернуть положения о контроле за эффективностью использования средств областного бюджета и внебюджетных фондов, который был предусмотрен в Законе 1997 г., но и установить его над остальными тремя сферами.

В ст. 6 Закона Саратовской области «О Счетной палате Саратовской области» 2008 г. раскрыт порядок и сроки проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, которых нет в Законе 1997 г. Так, например, указано, что контрольные мероприятия должны проводиться в срок не более сорока пяти дней. С разрешения председателя Счетной палаты этот срок может быть продлен на тридцать суток.

В действующем (2008 г.) Законе появился такой вид актов реагирования Счетной палаты, как представление. Представление Счетной палаты направляется в орган государственной власти области, орган управления Территориальным фондом, орган местного самоуправления, в ведении которого находится объект контрольного мероприятия, и (или) в финансовый орган области. Оно содержит предложения Счетной палаты по устранению причин и условий выявленных нарушений и недостатков, совершенствованию нормативных правовых актов, привлечению виновных лиц к ответственности, взысканию убытков. Однако представление не является обязательным для исполнения, и потому эффективность его весьма сомнительна.

Сравнительный анализ двух законов Саратовской области «О Счетной палате Саратовской области» показывает, что каждый из них имеет свои плюсы и минусы.

Новый Закон, несмотря на то что он конкретизировал порядок и сроки деятельности Счетной палаты, расширил аппарат инспекторов Счетной палаты и частично ослабил давление со стороны исполнительной ветви власти на деятельность контрольного органа. Тем не менее он все же не принес ощутимого улучшения в деятельности региональной Счетной палаты.

На наш взгляд, необходимо было увеличивать, а не уменьшать количество задач, стоящих перед Счетной палатой.

Целесообразно установить и детально прописать порядок использования государственного имущества области, предоставления государственных средств кредитным и иным организациям.

Важным моментом является восстановление контрольных полномочий Счетной палаты над всеми бюджетами внебюджетных фондов, а не только над бюджетом Территориального фонда обязательного медицинского страхования Саратовской области.

Главным же упущением, на наш взгляд, является то, что ни в Законе 1997 г., ни в Законе 2008 г. не были отражены, в достаточной степени принципиальные направления деятельности Счетной палаты, которые, по нашему мнению, являются основными задачами любого органа финансового контроля. Первое направление предполагает, что сфера полномочий счетного органа должна охватывать все принадлежащее субъекту РФ государственное имущество (бюджетные средства, средства внебюджетных фондов, государственную собственность, кредитные ресурсы и заемные средства, налоговые и другие льготы). Второе направление реализуется путем установления четких и прозрачных методов проведения контрольных мероприятий. Без нормативного закрепления этих базовых задач деятельность счетных органов не будет достаточно эффективной.

Библиографический список

1. Временное положение «О Счетной палате Саратовской области»: постановление Саратовской областной Думы от 23 мая 1995 г. № 13-163 // Земля Саратовская. 1995. № 17-204.
2. О Счетной палате Саратовской области: Закон Саратовской области от 28 июля 1997 г. № 49-ЗСО (в ред. от 28 нояб. 2007 г.) // Саратовские вести. 1997. № 30. Ст. 117.
3. О Счетной палате Саратовской области: Закон Саратовской области от 30 июля 2008 г. № 216-ЗСО (в ред. от 12 окт. 2008 г.) // Собрание законодательства Саратовской области. 2008. № 14. Ст. 241.
4. О Счетной палате Российской Федерации: Федер. закон от 11 янв. 1995 г. № 4-ФЗ (в ред. от 9 февр. 2009 г.) // СЗ РФ. 2006. № 128. Ст. 167.
5. Жуков В.А. Великая отечественная ревизия // Финансовый контроль. 2008. № 3.
6. Жуков В.А. Проблемы, которые мы решаем // Финансовый контроль в зарубежных странах. 2008. № 5.
7. Чернявский В.С. Государственный финансовый контроль – проблемы эффективности // Право и политика. 2007. № 6.

O.Yu. Goryachenko
The Individual Legal Act
of Management
and the Individual Tax-Legal Act:
General and Particular

Formal features of individual legal act of management and individual tax-legal act in the comparative context are analyzed. The author's definition of the individual tax-legal act is formulated.

Key words and word-combinations: individual legal act of management, individual tax-legal act, body of taxation, legal norm.

В сравнительном контексте анализируются формальные признаки индивидуального правового акта управления и индивидуального налогово-правового акта. Формулируется авторское определение индивидуального налогово-правового акта.

Ключевые слова и словосочетания: индивидуальный правовой акт управления, индивидуальный налогово-правовой акт, налоговый орган, правовая норма.

УДК 347.73
ББК 67.402.23-32

О.Ю. Горяченко

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПРАВОВОЙ АКТ УПРАВЛЕНИЯ
И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
НАЛОГОВО-ПРАВОВОЙ АКТ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

Все функции по исчислению и уплате налогов, осуществлению налогового контроля и привлечению к налоговой ответственности регламентированы законом [1, с. 56]. Уровень законности деятельности налоговых органов выражается в содержании и сущности действий и решений, которые исходят от самих налоговых органов и их должностных лиц. Соответствующие действия и решения должны облекаться в письменную форму. Имеется в виду процессуальный документ – индивидуальный налоговый правовой акт, выступающий итогом деятельности по применению норм налогового права [2, с. 12; 3, с. 16].

В настоящее время понятие «индивидуальный налоговый правовой акт» не урегулировано налоговым законодательством, но в юридической науке достаточно подробно разработана тематика индивидуального правового акта управления [4, с. 14; 5, с. 89]. В связи с этими обстоятельствами, по нашему мнению, представляется важным и необходимым проанализировать правовые характеристики индивидуального налогового правового акта в сравнении с индивидуальным правовым актом управления [6, с. 46].

Индивидуальные правовые акты управления являются правовой формой публичного управления – управленческих, внутриорганизационных и административно-юрисдикционных отношений [7, с. 56]. Индивидуальный правовой акт распространяет свое действие на конкретных субъектов права, которые находятся в соответствующей сфере правового регулирования, например: назначение органом социального обеспечения пенсии конкретному лицу, решение суда о принудительном возвращении долга обязанным лицом. Этот акт рассчитан на однократное применение, относится персонально к определенным лицам и прекращает свое действие с реализацией конкретного права или обязанности [8, с. 23; 9, с. 12].

Индивидуальные правовые акты являются и необходимым средством реализации общих предписаний правовых норм, содержащихся в нормативно-правовых актах. Они имеют обязательный государственный характер, их осуществление обеспечивается компетентными органами государства, такими, как суд или исполнительные органы власти [10, с. 8]. Однако источниками права данные правовые акты не являются, поскольку норм права не содержат. Их предписания относятся к персонифицированным лицам и конкретным жизненным ситуациям [11, с. 43].

Индивидуальные налогово-правовые акты оформляют отношения иного рода, а именно властно-имущественные, налоговые правоотношения. Названные акты могут выступать юридическими фактами, влекущими возникновение, изменение или прекращение имущественных налоговых правоотношений. Они носят властный характер. Принятие многих индивидуальных налогово-правовых актов влечет ограничение прав налогоплательщиков, привлечение их к налоговой ответственности [12, с. 12].

В то же время единых нормативно закрепленных требований к индивидуальным налогово-правовым актам Налоговый кодекс РФ не содержит. Процедура принятия индивидуальных налогово-правовых актов должным образом не урегулирована. В настоящее время эта область регулируется как Налоговым кодексом РФ, так и подзаконными актами. Например, индивидуальным налогово-правовым актом является налоговое уведомление (п. 3 ст. 363 НК РФ), направляемое налоговым органом налогоплательщику, – требование об уплате налога (ст. 69 НК РФ). Следовательно, индивидуальный налогово-правовой акт не является в полном смысле слова индивидуальным правовым актом управления [13, с. 8].

Считаем, что по своему значению индивидуальные правовые акты управления и индивидуальные налогово-правовые акты следует относить к актам, исследуемым в рамках административно-правовой науки. Индивидуальные пра-

новые акты управления возникают в связи с исполнительно-распорядительной деятельностью органов исполнительной власти, а индивидуальные налогово-правовые акты могут возникать и в деятельности судебной власти. Кроме того, индивидуальные правовые акты управления принимаются в сфере действия административного права, тогда как индивидуальные налогово-правовые акты – в сфере налогового права и вызывают налоговые правоотношения, которые обладают властно-имущественным характером.

Имеются и общие черты у индивидуальных налогово-правовых актов и индивидуальных правовых актов управления. Например, органы государственной исполнительной власти, действующие в сфере государственного управления финансами, принимают и индивидуальные налогово-правовые акты, и индивидуальные правовые акты управления [14, с. 16].

Для наиболее точного определения соотношения индивидуальных налогово-правовых актов с индивидуальными правовыми актами управления необходимо отталкиваться от того, что индивидуальные правовые акты управления понимаются в узком и широком значении.

В широком значении индивидуальные правовые акты управления включают большую часть индивидуальных налогово-правовых актов, так как их характеризует ряд одинаковых признаков:

- индивидуальные налогово-правовые акты, как и индивидуальные правовые акты управления, принимаются при осуществлении государственной публичной власти, выступают правовой формой исполнительно-распорядительной деятельности;

- и тот и другой вид актов являются властным волеизъявлением, содержат односторонние государственно-властные, обязательные к исполнению индивидуальные предписания;

- индивидуальные налогово-правовые акты, как и индивидуальные правовые акты управления, вызывают юридические последствия, выражающиеся в возникновении, изменении или прекращении конкретных правоотношений;

- оба вида актов принимаются уполномоченными органами и должностными лицами исполнительной власти [15, с. 41].

В узком значении индивидуальные правовые акты управления обладают совокупностью специальных признаков. Именно в этом случае становится заметным их различие с индивидуальными налогово-правовыми актами.

Специальными признаками индивидуальных правовых актов управления, как считает И.В. Дементьев, является то, что таковые:

- принимаются органами исполнительной власти в процессе осуществления исполнительно-распорядительной деятельности;

- регулируют управленческие отношения;

- адресованы конкретным линейно или функционально подчиненным субъектам публичного управления;

- носят подзаконный характер;

- оформляются в письменной и / или устной форме;

- принимаются в ходе административного процесса;

- влекут юридические последствия [16, с. 8].

Индивидуальные налогово-правовые акты обладают специфическими признаками, которые отличают их от индивидуальных правовых актов управления и обусловлены особенностями предмета финансового права. В соответствии с этим индивидуальный налогово-правовой акт:

- выражает волю принявшего его субъекта;
- принимается уполномоченными органами государственной исполнительной и судебной власти по вопросам финансовой деятельности;
- регулирует конкретные (единичные) имущественные налоговые отношения посредством применения налогово-правовых норм;
- адресуется конкретным функционально подчиненным субъектам налогового права – налогоплательщику, налоговому агенту, банку;
- выражает индивидуальное предписание;
- носит подзаконный характер, то есть принимается исключительно на основе закона – Налогового кодекса РФ, который предусматривает закрытую систему этих актов;
- оформляется только в письменной форме и поэтому является документом;
- принимается в ходе налогового процесса, регламентированного нормами Налогового кодекса РФ;
- влечет юридические последствия – возникновение, изменение или прекращение конкретного имущественного налогового правоотношения;
- может быть недоговорным и договорным, то есть заключаться на основе волесогласования;
- обладает условной обязательностью, неокончательным характером;
- отражает специфику компетенции налоговых органов.

Указанное позволяет сделать вывод, что индивидуальный налогово-правовой акт – это правовой акт-документ, принятый уполномоченным государственным органом, осуществляющим функции в сфере налогообложения или судом в пределах предоставленной им законом компетенции, адресованный конкретным субъектам налогового права – налогоплательщику, налоговому агенту, банку и влекущий возникновение, изменение или прекращение имущественного (обязательственного) налогового правоотношения, выражающий волю принявших его лиц, принятый в ходе налогового процесса с соблюдением специальной формы и соответствующий требованиям закона.

Правоотношения, возникающие в ходе принятия индивидуальных налогово-правовых актов, правовые требования к процедуре, срокам принятия, содержанию и форме этих актов должны регулироваться финансовым, а не административным правом. Но в настоящее время эти вопросы не урегулированы налоговым законодательством. Помочь в реализации данного вопроса и его совершенствованию должна финансово-правовая наука, самостоятельной категорией которой являются индивидуальные налогово-правовые акты.

Библиографический список

1. *Стариков Ю.Н.* Курс общего административного права: в 3 т. М., 2002. С. 56–78.
2. *Титова М.В.* Налоговые льготы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 12–17.
3. *Новикова А.И.* Налоговая статистика и прогнозирование // *Налоговый вестник.* 2009. № 11. С. 16–19.

4. Дементьев И.В. Налоговое право. М., 2006. С. 14–18.
5. Российская юридическая энциклопедия / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2009. С. 89–94.
6. Кустова М.В., Ногина О.А., Шевелева Н.А. Налоговое право России: учебник. Изд. 3-е, перераб. М., 2008. С. 46–47.
7. Гончаренко Л.И., Грунина Д.К., Мельникова Н.П. Основы налогообложения. М., 2008.
8. Грачева Е.Ю., Соколова Э.Д. Финансовое право: учебник. М., 2008. С. 23–34.
9. Верстова М.Е. К вопросу о месте налогового права в системе права // Законодательство и экономика. 2007. № 8. С. 12–14.
10. Ильин А.В. Современное российское законодательство о налогах и сборах // Финансы. 2009. № 7. С. 8–10.
11. Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный): учеб. пособие / сост. С.Д. Шаталов. Изд. 2-е, доп. М., 2008. С. 43–53.
12. Красноперова О.А. «Налоговый процесс» на федеральном уровне // Гражданин и право. 2008. № 1. С. 12–14.
13. Орлов М.Ю. Особенности норм налогового права // Финансовое право. 2007. № 2. С. 8–12.
14. Пансков В.Г. Российская система налогообложения: проблемы развития. М., 2009. С. 16–19.
15. Постатейный комментарий: Налоговый кодекс РФ, часть первая / под ред. В.И. Слома. Изд. 2-е. М., 2009. С. 41–47.
16. Сорокин А. О местных сборах и налоге на имущество // Экономика и жизнь. 2009. № 2. С. 8–10.

S.A. Rvachyov
The Problem of Determining
the Category of “Corporate Disputes”

The category of “corporate disputes” is studied in the legal context. The semantic and practical meaning of this category is revealed.

Key words and word-combinations: corporate disputes, corporate conflicts, legal definition.

В правовом контексте исследуется категория «корпоративные споры». Выявляется семантико-практический смысл данной категории.

Ключевые слова и словосочетания: корпоративные споры, корпоративные конфликты, легальное определение.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410

С.А. Рвачёв

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КАТЕГОРИИ
«КОРПОРАТИВНЫЕ СПОРЫ»

Корпоративные споры являются одним из самых распространенных видов экономических споров. Они ведутся по вопросам управления акционерным обществом, осуществления хозяйственной деятельности, внешней экономической деятельности. Чаще всего корпоративные споры возникают на почве конфликтов из-за имущества либо по поводу имущества. Типичными являются также случаи корпоративных споров, связанных с нарушением прав акционеров.

Корпоративные споры охватывают боль-

шой пласт дел, рассматриваемых арбитражными судами в Российской Федерации как единственной инстанцией, которой они подведомственны. Отнесение этого массива к подведомственности арбитражных судов стало возможным вследствие вступления в силу последних серьезных изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ [1] от 21 октября 2009 г.

Изменения, внесенные в АПК РФ, не один раз уже за короткий срок, описывались в аналитических и научных статьях, обсуждались учеными и практикующими юристами. В специализированной литературе отражено различное отношение к этим изменениям, и, конечно же, находится место критике. Однако большинство авторов сходятся в одном: принятие Федерального закона от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] явилось несомненным достижением в российском арбитражном процессуальном праве.

Благодаря данному акту появилась закреплённая в АПК РФ категория «корпоративные споры». Она уже давно используется наряду с категорией «корпоративные конфликты» для обозначения общего для них круга споров, которые нашли свое отражение в АПК РФ. Тем не менее не стоит отождествлять данные категории, так как конституирующие их понятия имеют различающееся значение. *Конфликт* означает столкновение сторон, мнений, сил [2, с. 104], а *спор* – разногласие, разрешаемое судом [3, с. 275]. Значит, конфликт – это некая стадия на пути к спору. Таким образом, семантическое различие внешне, казалось бы, одинаковых понятий помогает выявить их более глубокие связи и практическое значение для изучения категории «корпоративные споры».

Следует четко понимать и значение понятия «корпоративный», которое используется на практике для обозначения всего того, что связано непосредственно с предприятиями. *Корпоративный* – узкогрупповой, замкнутый пределами корпорации [3, с. 349]. Такое понимание корпоративности связывает данное понятие с тем, что касается непосредственно внутренней деятельности организации, ее внешней деятельности, которая имеет серьезное влияние на внутреннюю. К внутренней деятельности организации в данном случае можно отнести все внутренние связи и действия структур организации, ее членов и учредителей, а под внешней, имеющей отражение на внутренней, – крупные сделки, слияния, поглощения.

Таким образом, учитывая значения понятий «спор» и «корпоративный» и их смысловые связи, можно определить категорию «корпоративные споры» как значительные разногласия, возникающие внутри предприятия, с участием акционеров (пайщиков), руководства компании и самого предприятия по поводу деятельности предприятия, которые разрешаются судом. Такое обозначение корпоративных споров может не только служить развитию теоретических знаний о данной категории, но и иметь практическое применение.

В литературе указывается на неудачность данного термина для АПК РФ. Так, многие ученые относят его к словосочетаниям, удобным для более краткого обозначения определенной категории дел, к таким, например, как «налоговые дела», «антимонопольные дела», «банкротные дела». Такие словосочетания, несмотря на свое удобство, не являются легально признанными терминами. Они

не имеют четко выраженной, однозначной и не вызывающей споров не только законодательной, но и доктринальной дефиниции и, по сути, являются обычными словосочетаниями, привычными в бытовом общении [4, с. 10].

Учеными устанавливаются и другие негативные последствия введения термина «корпоративные споры». К ним относят невозможность определения того, какие из перечисленных споров являются корпоративными. Отсюда – невозможность однозначного толкования норм закона в правоприменительной практике, а следовательно, невозможность со всей определенностью установить подведомственность арбитражному суду того или иного дела, что будет препятствовать реальному осуществлению права на судебную защиту [5, с. 12].

Такие замечания представляются обоснованными по следующей причине. Введение в законодательство термина при отсутствии его определения и четких критериев, позволяющих установить содержание используемой категории, не только неправильно, но и чрезвычайно вредно для судебной практики, поскольку предоставляет судейскому корпусу широчайшие рамки для судебного усмотрения, не давая никакого ориентира. Неправильность такого подхода вряд ли может вызывать сомнения. Законодатель, не дав исчерпывающих признаков «корпоративных споров», тем самым предоставил суду право за счет формирования судебной практики дать самому определение данной категории. Однако, учитывая сложившуюся ситуацию в судейском корпусе, где никто не застрахован от ошибок, причем не всегда случайных, вряд ли целесообразно оставлять данный вопрос без урегулирования на законодательном уровне.

Легального раскрытия понятийной сущности законодатель ни в АПК РФ, ни в каком-либо другом законодательном акте не дает, а ограничивается лишь общим перечислением споров, относящихся к данной категории. К корпоративным спорам в ст. 225.1 АПК РФ отнесены конфликты, связанные с созданием коммерческой организации, управлением ею или участием в ней, а также в некоммерческом партнерстве, ассоциации (союзе) коммерческих организаций, иной некоммерческой организации, объединяющей коммерческие фирмы и (или) индивидуальных предпринимателей или имеющей статус саморегулируемой организации в соответствии с федеральным законом [6]. В литературе данный перечень считается не полным, и потому не до конца определяющим термин «корпоративные споры» как целостную и не подвергающуюся критике категорию.

Законодатель сделал попытку уйти от традиционного способа установления дефиниции и ввести категорию «корпоративные споры», очерчивая ее границы через определение не только предметных критериев, что характерно в последнее время для арбитражного процессуального права, но и ее субъектных критериев.

В пояснительной записке Министерства экономического развития и торговли РФ к законопроекту [7], ставшему впоследствии Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ, в отношении словосочетания «корпоративные споры» разъяснялось, что в законопроекте «предлагается закрепить указанный термин как понятие, раскрываемое через набор двух признаков – субъектный

и предметный критерии, однако при этом намеренно не вводится какой-либо легальной дефиниции данного понятия, учитывая существующее многообразие точек зрения по вопросу, что следует понимать под корпоративными отношениями и спорами, возникающими вокруг них» [8, с. 40–41]. Однако даже такой объемный способ выведения границ данной категории не привел к однозначности логико-семантического понимания ее значения.

Необходимо обратить внимание и на смысловую бесполезность определения границ данной категории через установление ее субъектных критериев в главе 28.1 АПК РФ, так как уже в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 33 рассмотрение корпоративных споров отнесено к специальной подведомственности арбитражных судов [6].

В силу положений ст. 33 АПК РФ к компетенции арбитражного суда отнесены дела, которые по своему характеру связаны с предпринимательской и иной экономической деятельностью вне зависимости от субъектного состава участников правоотношений, из которых возник спор (юридические лица, индивидуальные предприниматели или обычные граждане). Значит, подведомственность в данном случае определяется только по предметному критерию. Введение же субъектного критерия можно отнести только к неудачной попытке законодателя компенсировать неполноту раскрытия категории «корпоративные споры» и неопределенность круга дел, относимых к ней.

Возникают вполне оправданные вопросы к законодателю, обосновывающему свой отказ от определения понятия «корпоративные споры» многообразием точек зрения относительно этой категории. Тем самым законодатель предоставляет возможность использования этого понятия в арбитражных судах с целью изменения подведомственности данных споров, так как дается не конкретный, строго определенный перечень споров, подведомственных арбитражным судам, а лишь примерное перечисление их. На это же указывается и в заключении Правового управления Государственной Думы на проект Федерального закона от 19 июля 2009 г., в котором подчеркивается, что «в отсутствие в законе четкого определения данного понятия вряд ли удастся обеспечить абсолютную определенность в вопросе о том, какие споры следует относить к «корпоративным спорам» и, соответственно, к подведомственности арбитражных судов» [9, с. 1]. Верховный Суд РФ в своем заключении в отношении словосочетания «корпоративный спор» указывает следующее: «Без формулировки данного понятия, указания его основных признаков представляется невозможным определить, какие из перечисленных в проекте споров являются корпоративными» [10].

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что отсутствие определения данной категории является серьезным препятствием к уяснению и реализации на практике установленных в главе 28.1 АПК РФ правил разграничения подведомственности дел рассматриваемой категории между судами общей юрисдикции и арбитражными судами.

С учетом изложенного видится возможным изменение статьи 225.1 АПК РФ путем дополнения более конкретного перечня споров, относящихся к корпоративным, и введением определения понятия «корпоративные споры» как

значительных разногласий, возникающих внутри предприятия, с участием акционеров (пайщиков), руководства компании и самого предприятия по поводу деятельности предприятия, которые разрешаются судом.

Однако, несмотря на указанные недоработки законодателя, внесенные изменения в АПК РФ, касающиеся, в частности, категории «корпоративные споры», следует считать серьезным шагом вперед по совершенствованию регулирования данного вопроса. Благодаря данным изменениям стали невозможны и бессмысленны многие способы рейдерских захватов предприятий, а также многие варианты так называемого «грин-мейла», что положительно сказывается на экономических отношениях в целом. Представляется, что категория корпоративных споров была введена законодателем не столько в целях унификации рассмотрения определенного круга споров, сколько в целях стимулирования динамики развития экономических отношений и приведения «корпоративных войн» в более цивилизованные формы. Именно этим можно объяснить недостаточную проработанность данных изменений в АПК РФ.

В целом можно отметить, что, оценивая все плюсы и минусы введения и законодательного закрепления категории «корпоративные споры», видится необходимость ее присутствия в законе. Но так же четко прослеживается потребность в более глубокой разработке данной категории как в теории, так и на практике. Не возникает сомнений в том, что результаты таких разработок будут вноситься в законодательные акты, причем в ближайшем будущем, поскольку данный термин, имеющий определяющее значение для установления подведомственности споров, связанных с корпорациями, и подвергающийся серьезной критике, не может оставаться в том виде, в котором он существует в настоящее время.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3642.
2. Большая советская энциклопедия. М., 1979.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1987.
4. Рожкова М.А. Словосочетание «корпоративные споры» как препятствие разграничению компетенции судов // Закон. 2007. № 6.
5. Тюрина А.Н. Корпоративные войны: правила меняются // Экономика и жизнь. 2009. № 30.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2009. № 29. Ст. 3642.
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: законопроект № 384664. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=384664-4&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=384664-4&02)
8. Пояснительная записка МЭРТ от 15 ноября 2006 года. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Заключение Правового управления Государственной Думы от 9 марта 2007 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
10. Заключение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2007 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

A.V. Babich
The Correlation
between the Concepts “Procedural
Independence” and “Independence”
of an Investigator in the Theory
of Criminal-Procedural Law

Correlation between the concepts “procedural independence” and “procedural independence of an investigator” in the theory of criminal procedure is studied. The differences between the “procedural self-dependence” and “procedural independence” in investigation of crimes are revealed.

Key words and word-combinations: procedural self-dependence, procedural independence, investigator, criminal legal procedure.

Исследуется соотношение понятий «процессуальная самостоятельность следователя» и «процессуальная независимость следователя», применяемых в теории уголовного процесса. Показаны отличия «процессуальной самостоятельности» и «процессуальной независимости», проявляющиеся в расследовании преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: процессуальная самостоятельность, процессуальная независимость, следователь, уголовное судопроизводство.

УДК 343.98
 ББК 67.52

А.В. Бабич

О СООТНОШЕНИИ
ПОНЯТИЙ
«ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ»
И «НЕЗАВИСИМОСТЬ»
СЛЕДОВАТЕЛЯ
В ТЕОРИИ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В науке российского уголовного процесса вопросы определения понятия процессуальной самостоятельности, независимости следователя, а также соотношение данных категорий на протяжении длительного времени остаются одними из самых широко обсуждаемых. В понятийном аппарате действующего законодательства нет ни той, ни другой дефиниции. В теории уголовного процесса сравнительно более употребляемым является понятие процессуальной самостоятельности следователя [1, с. 19–21].

Взгляды ученых-процессуалистов на сущность понятия «процессуальная самостоятельность следователя» весьма разнообразны. В настоящее время по данной проблеме могут быть выделены несколько основных научных позиций.

Согласно одной из них процессуальная самостоятельность следователя рассматривается как возможность осуществлять предоставленные ему законом полномочия по собственному внутреннему убеждению [2, с. 80–85]. Другой взгляд на сущность процессуальной самостоятельности следователя заключается в том, что она рассматривается в качестве принципа уголовного процесса [3, с. 98]. Достаточно распространена точка зрения на процессуальную самостоя-

тельность следователя как на одно из общих условий предварительного расследования [4, с. 6].

Существующие в литературе мнения о соотношении понятий «самостоятельность» и «независимость» применительно к процессуальному положению следователя могут быть классифицированы на несколько групп.

Некоторые авторы отрицают процессуальную независимость следователя в силу его подконтрольности руководителю следственного органа и считают возможным вести речь только о процессуальной самостоятельности следователя [3, с. 99], условием обеспечения которой выступает процессуальная независимость [5, с. 8]. Иное мнение о соотношении рассматриваемых понятий заключается в их полном отождествлении. При этом указывается, что понятия процессуальной самостоятельности и независимости должны употребляться вместе, поскольку являются характеристиками важнейших направлений деятельности следователя. Впрочем, одни сторонники этой точки зрения не считают понятие «процессуальная независимость следователя» правовой категорией [6, с. 10], а другие утверждают, что в уголовно-процессуальном законодательстве применение термина «независимость» выглядит более предпочтительным [7, с. 39].

По мнению ряда ученых, процессуальная самостоятельность следователя имеет более узкое содержание, чем независимость, так как последняя – это категория, которая охватывает не столько уголовно-процессуальную, сколько иную – организационно-управленческую сферу деятельности [8, с. 126–127].

Самостоятельность следователя – узкая по своему содержанию категория, которая определяет именно то, какие процессуальные решения и процессуальные действия следователь вправе осуществлять самостоятельно, без согласования с иными должностными лицами уголовного судопроизводства. Второй составляющей процессуальной самостоятельности следователя является указание закона на то, какие действия следователя могут быть признаны не имеющими юридической силы и какие процессуальные решения отменены как незаконные или необоснованные.

Мы не разделяем позиции ученых, обосновывающих идентичность категорий «самостоятельный» и «независимый» в уголовном судопроизводстве, исходя из синонимичности данных понятий в русском языке. В уголовном процессе рассматриваемые понятия имеют различное содержание и должны быть четко разграничены. Вопрос заключается лишь в том, какие из доступных юридической науке методов толкования права следует применить в данном случае.

Полагаем, что рассматривать такие явления, как «самостоятельность» и «независимость», следует исходя из их сущности, то есть из того, что в современной науке понимается под этими терминами.

Независимость с точки зрения социальной психологии представляет собой способность субъекта (индивида) противостоять групповому давлению, отстаивать выработанное им мнение перед другими [9, с. 46]. Термином «самостоятельность» чаще всего обозначается способность к независимым суждениям, а также действия по собственной инициативе на основе собственных сил, без помощи других. Кроме того, самостоятельностью именуется и состояние не-

зависимости того или иного субъекта, состояние отсутствия подчинения и зависимости. Однако такое понимание самостоятельности неоднозначно, ибо охватывает два различных вида активности: действия по собственной инициативе больше затрагивают активность на уровне сознания, когда индивид осмысливает, придумывает, принимает решение; действия же на основе собственных сил характеризуют его внешнюю активность, способ реализации задуманного.

Самостоятельность в отечественной психологии рассматривается как обобщенное свойство личности, проявляющееся в инициативности, критичности, адекватной самооценке и чувстве личной ответственности за свою деятельность и поведение [10, с. 280]. Самостоятельность как субъективная активность способна выражаться в различных видах активности, которые порождаются самим человеком и подчиняются сформированным или принятым им целям [11, с. 169–170].

Сущность самостоятельности состоит в том, что человек определяет свои поступки, ориентируясь не на давление окружающих, не на случайные влияния, а исходя из своих убеждений, знаний, представлений о том, как надо поступать в соответствующих ситуациях [12, с. 51]. Поэтому самостоятельность представляет собой волевое качество, которое проявляется в действиях человека и выражается в том, что он не боится сам принимать решения, не поддается чужому влиянию и обладает самокритичностью [13, с. 28]. Оно выражается в умении по собственной инициативе ставить цели, находить пути их достижения и практически выполнять принятые решения.

Естественной способностью самостоятельной личности является умственная самостоятельность, то есть самостоятельность, проявляемая в познавательной деятельности.

Следователь является центральной фигурой среди должностных лиц на стадии предварительного расследования и, как правило, единолично осуществляет производство по уголовному делу. Закон резюмирует, что «никто лучше следователя, в чьем производстве находится дело и кто лично непосредственно вникает в сущность исследуемых обстоятельств, не может оценить доказательства в их совокупности и принять наиболее оптимальные, верные и рациональные решения по каждому возникающему правовому вопросу» [14, с. 125].

В п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ [15] прямо указано, что следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда для этого необходимо получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа. Данное положение означает, что следователь по собственному усмотрению вправе устанавливать общее направление досудебного производства по уголовному делу. Вместе с тем такое усмотрение должно быть не умозрительным, а основываться на тщательном исследовании исходных сведений, позволяющих выявить наиболее перспективные направления предварительного расследования [16, с. 88]. При этом на следователя в полной мере распространяются положения статьи 17 УПК РФ, закрепляющей свободу оценки доказательств.

Законодатель предоставляет следователю возможность самостоятельно осуществлять следственные и иные процессуальные действия, за исключением случаев, прямо оговоренных в УПК РФ, когда необходимо получение согласия руководителя следственного органа или решение суда. Законодатель упоминает о самостоятельности следователя и в связи с принятием им решений по уголовному делу, находящемуся в его производстве.

Рассматривая механизм принятия следователем процессуальных решений, следует отметить, что первоначально основанием решения являются доказательства, наличие которых побуждает следователя к совершению определенных действий (либо к воздержанию от их совершения). По мере приближения к конечному воплощению процессуального решения должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, или формирует на основе доказательств мнение о доказанности фактических обстоятельств, или не признает совокупность доказательств достаточной для принятия процессуального решения.

Следователь при производстве предварительного следствия принимает, а вернее сказать, вырабатывает определенные решения, необходимые, по его мнению, для реализации назначения уголовного судопроизводства и движения уголовного дела. Решения вырабатываются им по любым вопросам предварительного следствия, даже по тем, которые требуют согласия руководителя следственного органа или решения суда. Такие решения принимаются следователем единолично на основании изучения и оценки доказательств, облакаются в форму ходатайства и являются результатом его волевой деятельности, отражающим его видение способов и путей осуществления производства по уголовному делу и в конечном итоге его мнение о способе и путях реализации назначения уголовного судопроизводства.

В ст. 38 УПК РФ в самом общем виде сформулированы основы концепции процессуальной самостоятельности следователя при производстве предварительного следствия. Однако с точки зрения юридической техники данная норма плохо отражает подлинную сущность процессуальной самостоятельности, выявление которой возможно только при системном толковании положений уголовно-процессуального закона.

В связи с этим полагаем необходимым п. 3 ч. 2 ст. 38 изложить в следующей редакции: «...самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, не требующих судебного решения или согласия руководителя следственного органа, принимать решения о необходимости производства следственных и иных процессуальных действий, требующих судебного решения или согласия руководителя следственного органа».

Анализ уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о неидентичности понятий «процессуальная самостоятельность следователя» и «независимость следователя».

Обеспечивая следователю определенную степень независимости, УПК РФ позволяет ему отстаивать процессуальное решение, которое принято им по делу и реализация которого, по его мнению, необходима для дальнейшего

движения уголовного дела. Так, п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ предоставляет следователю право обжаловать с согласия руководителя следственного органа решение прокурора, вынесенное в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 Кодекса. Часть 3 ст. 39 УПК РФ закрепляет право следователя обжаловать указания руководителя следственного органа, за исключением указаний, перечисленных в ч. 4 данной нормы, руководителю вышестоящего следственного органа. При этом следователь вправе представить руководителю вышестоящего следственного органа материалы уголовного дела и письменные возражения на указания руководителя следственного органа.

Таким образом, путем логического, систематического и специально-юридического толкования норм УПК РФ можно прийти к выводу, что процессуальная самостоятельность представляет собой возможность следователя принимать решения по всем вопросам, возникающим в ходе производства по уголовному делу, на основе внутреннего убеждения, исследования и оценки имеющихся доказательств, исключает вмешательство в указанную сферу должностных лиц, осуществляющих контроль и надзор за процессуальной деятельностью следователя. В свою очередь, процессуальная независимость – это система правовых норм, обеспечивающая следователю возможность обжаловать решения должностных лиц органов, осуществляющих контроль и надзор за процессуальной деятельностью следователя по результатам рассмотрения принятых следователем процессуальных решений.

Библиографический список

1. *Гаврилов Б.Я.* О процессуальной самостоятельности следователя: история, реальное состояние, перспективы развития // *Право и политика.* 2001. № 2.
2. *Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М.* Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2006.
3. *Гуляев А.П.* Следователь в уголовном процессе. М., 1981.
4. *Марфицин П.Г.* Общие условия производства предварительного расследования. Омск, 1996.
5. *Воронин С.Э., Воронин Э.И.* Процессуальное положение органов предварительного расследования России. Барнаул, 2001.
6. *Белавин А.А.* Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
7. *Жуковский В.М.* Процессуальная независимость следователя и некоторые ее гарантии // *Предварительное следствие в условиях правовой реформы.* Волгоград, 1991.
8. *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991.
9. *Гаджиев К.С.* Размышления о свободе // *Вопросы философии.* 1993. № 2.
10. *Головин С.Ю.* Словарь практического психолога. М., 1998.
11. *Практикум по общей психологии: учеб. пособие / под ред. А.И. Щербакова.* 2-е изд. М., 1990.
12. *Якобсон П.М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.
13. *Ковалев А.Г.* Психология личности. Л., 1963.
14. *Божьев В.П., Трусов А.И.* Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // *Проблемы формирования социалистического правового государства.* М., 1991.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изм. от 29 мая 2002 г., 29 марта 2010 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

16. Похмелкин В.А. Процессуальные полномочия и самостоятельность следователя (общая характеристика) // Вопросы уголовного права, процесса и криминалистики: учеб. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь, 1969. № 204.

T.M. Sekretareva
The Human Right to Compensation
for Harm Courshed
by an Insane Person

The issue of provision of the human and civil right to compensation for harm courshed by a person in the state of insanity is studied. The variants for determining the persons responsible for the harm courshed by illegal socially dangerous acts committed by insane people are presented by the author.

Key words and word-combination: the victim, the right to compensation, insane person.

Исследуется вопрос обеспечения права человека и гражданина на возмещение вреда лицами, причинившими его в состоянии невменяемости. Представлены варианты определения субъектов, ответственных за вред, причиненный противоправными общественно опасными деяниями невменяемых.

Ключевые слова и словосочетания: потерпевший, право на возмещение вреда, невменяемое лицо.

УДК 342.72/.73
ББК 67.400.7

Т.М. Секретарева

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕВМЕНЯЕМЫМ ЛИЦОМ

В Российской Федерации установлены государственные гарантии прав и свобод человека и гражданина. Российское государство обеспечивает защиту граждан от преступных посягательств, предоставляет им доступ к правосудию и возможность получения компенсации за причиненный ущерб. Данное положение закреплено в ст. 52 Конституции РФ [1]. Конституция РФ гарантирует компенсацию всех видов вреда независимо от того, причинен он преступлением, административным правонарушением или другим противозаконным деянием любого человека. Право на возмещение вреда относится к числу основных прав и свобод человека и гражданина.

Статус жертвы как лица, потерпевшего нарушение прав, требует обеспечения возмещения вреда и компенсации ущерба и в тех случаях, когда конкретный правонарушитель не установлен, не привлечен к ответственности или вред невозможно возместить в полном объеме, а также тогда, когда деликтные обязательства отсутствуют. Применительно к личности потерпевшего эти конституционные предписания предпола-

ют обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от противоправных деяний возможность предъявлять требования о возмещении причиненного ему вреда к определенным лицам.

В соответствии со ст. 6 Уголовного кодекса РФ [2] уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Для этого Уголовный кодекс РФ определяет лицо, которое ответственно за причиненный преступлением вред. Согласно ст. 54 УПК РФ [3] в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с ГК РФ [4] несет ответственность за вред, причиненный преступлением.

Однако действия, запрещенные уголовным законодательством, могут совершаться невменяемыми лицами, и эти деяния, хотя их нельзя назвать преступлениями, также могут причинить ущерб отдельным гражданам. Упомянутые лица не могут быть субъектом преступления вследствие наличия у них во время совершения указанных деяний психических расстройств, исключающих их вменяемость. Исходя из смысла ст. 54 УПК РФ законодательно чья-либо ответственность по компенсации вреда, причиненного общественно опасным деянием невменяемого, не закреплена.

Таким образом, возникает ситуация, когда в уголовном процессе Российское государство не обеспечивает право человека и гражданина, пострадавшего не от преступления, а от общественно опасного деяния невменяемого, на возмещение причиненного ему в результате указанного деяния вреда какими-либо конкретными лицами. Это является существенным нарушением прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, пострадавшему не обеспечивается даже право на признание его потерпевшим. Если исходить из положений ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ, таковым является физическое лицо, которому именно преступлением, а не общественно опасным деянием невменяемого лица причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Лицо, пострадавшее от общественно опасного деяния невменяемого, не может выступить и гражданским истцом, поскольку, согласно дефиниции, вред гражданскому истцу также причиняется лишь непосредственно преступлением.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что немало граждан могут пострадать от противоправных деяний даже одного невменяемого лица. В частности, по статистике, в Российской Федерации лицами, к которым применялось принудительное лечение по поводу психических расстройств, общественно опасные деяния совершаются повторно в среднем в 30% случаев [5, с. 28]. Эти данные подтверждают необходимость защиты прав потерпевших от противоправных посягательств невменяемых, запрещенных уголовно-процессуальным законодательством, но не признанных преступлениями, путем детального определения лиц, ответственных за негативные последствия деяний, совершенных невменяемыми. Закрепление в законе круга данных лиц будет способствовать обеспечению права пострадавшего человека на возмещение ему вреда.

Главным признаком, разграничивающим понятия «преступление» и «общественно опасное деяние, совершенное невменяемым», является отсутствие вины в действиях (бездействии) невменяемого вследствие того, что он не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Поэтому, основываясь на нормах Гражданского кодекса РФ, нельзя назвать невменяемого лица гражданским ответчиком и привлечь его к имущественной ответственности по иску потерпевшего о возмещении урона, произведенного общественно-опасным деянием. Причина заключается в том, что в соответствии с гражданским законодательством для возложения имущественной ответственности по общему правилу необходима вина.

Согласно подп. 5 п. 1 ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают вследствие причинения вреда другому лицу. У кого же должна возникнуть обязанность по возмещению вреда, причиненного общественно опасным деянием лица, которое не понимает фактическую сторону своих действий, их социальный смысл, а также не может оценивать опасность этих действий и вред, который может наступить вследствие их совершения?

Судебная практика подтверждает, что невменяемое лицо вообще не подлежит какой-либо ответственности. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отменяя постановление Московского городского суда, определила, что по смыслу ст. 21 УК РФ к невменяемому неприменимы меры как уголовной, так и гражданской ответственности. Между тем суд, приняв решение об обращении денег в сумме 13 500 рублей в доход государства, фактически подверг невменяемого и недееспособного гражданина к одному из видов имущественной ответственности. Верховный Суд РФ постановил, что решение суда первой инстанции противоречит общим принципам и положениям уголовного, уголовно-процессуального и гражданского законов и подлежит отмене [6, с. 38].

Бесспорно, Верховный Суд РФ, принявший представленное решение на основании действующего российского законодательства и в соответствии с ним, формально прав. Тем не менее потерпевшим должна быть обеспечена защита от негативных последствий общественно опасных деяний невменяемых. Признание лица невменяемым или заболевшим психическим расстройством после совершения преступления не должно лишать права потерпевшего на возмещение имущественного или морального вреда, причиненного действиями данного субъекта.

Статья 1064 ГК РФ содержит обобщенное положение: «...законом обязанность возмещения вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем вреда». Далее ГК РФ (п. 3 ст. 1078 части 3) устанавливает возможность, но не обязанность возместить вред, причиненный невменяемым лицом, совместно проживающими с ним трудоспособными супругом, родителями, совершеннолетними детьми, которые, зная о расстройствах психики, не обратились в компетентные органы с просьбой о признании его недееспособным. Между тем логично предположить, что проживать с ним могут и лица, не прописанные в законе: усыновители, усыновленные, родные братья, сестры, внуки, являющиеся его близкими родственниками (ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ). По содержанию закона они не будут нести никакую ответственность и потерпевшие не получат какой-либо компенсации за вред.

В нормах гражданского и уголовного законодательства не говорится об обязанности кого-либо по возмещению вреда, причиненного общественно опасным деянием невменяемого. Таким образом, если лицо не признано недееспособным, проживает отдельно от родственников или не имеет их, то взыскать компенсацию за вред с кого-либо не имеется возможности.

Обратимся к решению, принятому судом при применении норм, связанных с принудительными мерами медицинского характера в отношении невменяемых, и касающемся разрешения вопроса о возмещении вреда, причиненного невменяемыми лицами. Так, согласно материалам уголовного дела в отношении гражданина, находящегося на активном диспансерном наблюдении в психиатрическом кабинете районной больницы и совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 158 части 1 УК РФ, в ходе производства дознания по данному делу было вынесено постановление о допуске в качестве законного представителя подозреваемого его трудоспособного родителя – отца. Основанием стало то, что в результате проведенной судебно-психиатрической экспертизы комиссия экспертов пришла к заключению: у гражданина имеется психическое расстройство в форме «легкой умственной отсталости в степени выраженной дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями» [7, с. 35]. Отмечено, что имеющиеся расстройства психики значительны и лишают его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими в период инкриминируемого ему деяния и в настоящее время, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания. Несмотря на это, на допросе подозреваемого тот признавал вину в совершении кражи имущества (куртки) и денежных средств в сумме 500 рублей и был согласен с предъявленным ущербом.

Потерпевший в ходе производства предварительного расследования по его заявлению был признан гражданским истцом. В ходе судебного заседания он просил взыскать с гражданина либо его законного представителя сумму причиненного ему ущерба. Законный представитель заявил, что его сын не потратил денежные средства и обязался самостоятельно вернуть их потерпевшему. Прокурор просил заявленные истцом требования удовлетворить и взыскать сумму ущерба с законного представителя гражданина. Суд, вынося постановление об освобождении гражданина от уголовной ответственности и о применении принудительной меры медицинского характера, гражданский иск оставил без рассмотрения с правом обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства.

По нашему мнению, для обеспечения потерпевшему возможности получения компенсации за совершенное в отношении него общественно опасное деяние за вред, причиненный невменяемым лицом, должен отвечать его законный представитель. При этом последний должен иметь те же права, закрепленные в УПК РФ, что и гражданский ответчик. Данные положения необходимо закрепить в УПК РФ, а именно в ст. 54.

За вред, причиненный общественно опасным деянием невменяемого, должен быть признан ответственным его законный представитель: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего невменяемого, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится

несовершеннолетний, органы опеки и попечительства, совершеннолетние дети, трудоспособный родитель, супруг невменяемого, старше 18 лет, другие его близкие родственники, а также организации и учреждения, на попечении которых он находится. При наличии нескольких лиц, на которых может быть возложена обязанность по возмещению вреда, вопрос об определении субъекта ответственности должен быть разрешен судом. При их отсутствии, а также если лицо в момент совершения противоправного деяния не находилось на попечении какого-либо учреждения, необходимо рассмотреть вопрос о возможности возмещения вреда за счет имущества невменяемого, иначе права потерпевших не будут защищены.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает вопрос возмещения морального вреда, причиненного невменяемым лицом.

Статья 12 Гражданского кодекса РФ устанавливает способы защиты прав, в число которых входит защита прав путем компенсации морального вреда. Согласно ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. О моральном вреде применительно к потерпевшим идет речь лишь в одной норме УПК РФ. Согласно ч. 4 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса РФ по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Общественно опасные деяния невменяемых хотя и не являются преступлениями, но могут относиться к действиям, нарушающим личные неимущественные права либо посягающим на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. Следовательно, потерпевшие по делам в отношении невменяемых вправе требовать возмещения причиненного им от совершенного общественно опасного деяния морального вреда, как от действия, нарушившего их личные неимущественные права, другие нематериальные блага. Однако, исходя из смысла ст. 1100 и 1101 ГК РФ, основанием возникновения обязанности по компенсации морального вреда, по общему правилу, является наличие вины, которой, как известно, нет в действиях (бездействии) невменяемых лиц. Согласно ч. 2 ст. 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Статья 1100 Гражданского кодекса РФ определяет случаи, когда компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда. Это причинение вреда жизни или здоровью гражданина источником повы-

шенной опасности, распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, и в иных случаях, предусмотренных законом. Таким образом, перечень случаев не является закрытым. Считаем возможным отнести к формулировке «иные случаи, предусмотренные законом», случаи, когда вред причинен невменяемым лицом (независимо, было ли оно признано на момент совершения общественно опасного деяния в установленном законом порядке недееспособным или нет).

На практике потерпевшие часто обращаются с требованиями о компенсации им морального вреда, поэтому по аналогии с вопросом возмещения имущественного ущерба предлагаем установить лиц, которые должны будут нести ответственность по заглаживанию морального вреда, причиненного невменяемыми. Круг субъектов предлагаем установить идентичным кругу субъектов, ответственных за возмещение материального ущерба.

Права и свободы человека и гражданина должны определять смысл и содержание законов. Существование норм Уголовно-процессуального кодекса РФ применительно к уголовным делам о совершении общественно опасных деяний невменяемыми лицами отрицательным образом затрагивает права пострадавшего человека. Права потерпевшего не должны зависеть от тех или иных факторов, возникающих в разных жизненных ситуациях, которые не позволяют ему беспрепятственно осуществлять свои права, в частности от того, что вред ему был причинен лицом, не понимающим значения своих действий. В связи с этим действующее законодательство нуждается во внесении в него изменений для решения наличествующих и изложенных автором проблем.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. в ред. ФКЗ от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 2.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ в ред. ФЗ от 7 апр. 2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газ. 2010. 9 апр.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ в ред. ФЗ от 5 мая 2010 г. № 76-ФЗ «О внесении изменений в статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Рос. газ. 2010. 7 мая.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ, часть вторая от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ, часть третья от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ, часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ в ред. ФЗ от 24 февр. 2010 г. № 17-ФЗ «О внесении изменения в статью 1501 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 9. Ст. 899.
5. *Пиццита А.Н.* Оказание медицинской помощи в принудительном порядке (без добровольного информированного согласия) в рамках действующего законодательства Российской Федерации // Юрист. 2005. № 10. С. 28–31.
6. Обзор кассационной практики СК по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.
7. Материалы уголовного дела в отношении И., совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 158 ч. 1 УК РФ // Архив Куженерского районного суда РМЭ. Дело № 1-45/2007. Т. 1.

V.V. Marchenko
**Quality of Life:
Problems of Interpretation
and Conceptualization**

The concepts of "quality", "lifestyle", "living standards" and "quality of life" are analyzed and compared. Particular attention is paid to the prevailing concept of "quality of life" as a highly effective tool for assessing the social welfare of the population.

Key words and word-combinations: population, wealth, quality of life, lifestyle, living standards, the concept of quality of life.

Анализируются и сопоставляются понятия «качество», «образ жизни», «уровень жизни» и «качество жизни». Особое внимание уделяется использованию сложившейся концепции «качества жизни» как инструмента высокоэффективной оценки социального благополучия населения.

Ключевые слова и словосочетания: население, благосостояние, качество жизни, стиль жизни, уровень жизни, концепция качества жизни.

УДК 316:330.59
ББК 66.3(2Рос)3

В.В. Марченко

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В международной практике общепринято общественное благосостояние населения оценивать, используя методологию определения качества жизни. На текущий момент концепция качества жизни является одним из наиболее интенсивно разрабатываемых подходов оценки социального благополучия и в России. Необходимость развития такой концепции, а также разработки инструментария для оценивания и мониторинга качества жизни населения обусловливается задачами оценки эффективности социально-экономических преобразований, получения целостной картины развития регионов, определения уровня социальной напряженности. Это тем более актуально, что обеспечение роста качества жизни населения заявлено приоритетной целью и важнейшим направлением проводимой государством политики.

Жизнедеятельность человека неразрывно связана с категорией «качество». Качество пронизывает все стороны деятельности людей и является ключевым фактором социального устройства. «Качество – свойство, свое-

образе, «как» и «что» вещи; означает первоначальное и подлинное единство и многообразие реальности, которое еще не предполагает пространственного или даже мыслимого расчленения, осуществляя его скорее наглядно» [1, с. 204].

Философская наука отмечает двойственную природу качества: Демокрит, позднее Галилей, а затем и Дж. Локк говорили о «первичных» и «вторичных» качествах. В разное время мыслителями были выделены объективные, присущие вещам от природы, и субъективные, встречаемые только в человеческих восприятиях, качества.

В повседневной жизни люди чаще всего используют понятие качества применительно к товару или услуге. Под качеством в экономической науке понимается «совокупность свойств изделия, товара или услуги, обуславливающих его пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с его назначением» [2, с. 277].

Историческая трансформация производственных отношений вызывает наличие объективных требований к качеству продукции. Именно в условиях рыночной экономики сложилось понимание «качества» с позиции потребителя – как соответствия его требованиям.

В XX в. интенсивное экономическое развитие стран привело к тому, что качественные характеристики стали выражаться через количественные показатели. С конца 1950-х годов, когда в развитых странах основные жизненные потребности населения были удовлетворены, качество уже трактуется с позиции соответствия общепринятому и общепризнанному стандарту. В то время американским специалистом в области управления качеством Дж. Джураном выдвигается идея «бездефектности как основного показателя качества продукции» [3, с. 32].

К началу 1960-х годов появилась и получила распространение новая концепция – контроля качества, осуществляемого не только на выходе продукции, а применительно ко всему процессу производства. Получив дальнейшее развитие в Японии, оформилась концепция полного контроля качества и сложилась система менеджмента качества.

В результате во второй половине XX в. наблюдается эволюция подхода в трактовке понятия «качество» от производственного к рыночному.

Термин «качество» сам по себе нейтрален и приобретает положительную, отрицательную или сравнительную смысловую окраску в индивидуальном суждении. Но в целом качество чаще всего понимается как некая мера соответствия условиям и требованиям стандартов или запросам людей.

Постановка проблемы развития человека, выраженная в его качестве жизни, не является новой. В разное время эти проблемы были ключевыми аспектами философских, экономических и социологических работ. С выходом на первый план проблематики достижения экономических целей (господство функционализма) интерес к человеку и качеству его жизни снижался. Однако на современном этапе именно изучение качества жизни отвечает новым требованиям цивилизационного развития.

Независимость категории качества жизни признают не все ученые и исследователи. В исследованиях, посвященных целостной качественной характеристике жизни общества, понятие «качество жизни» либо подменяется другими

категориями, такими, как «образ жизни», «уровень жизни», «стиль жизни», либо отождествляется с ними. Встречаются суждения, что качество жизни, наряду с ее условиями, уровнем жизни, социальным поведением, входит в состав более широкого понятия – «образ жизни».

Категория «образ жизни» в общем виде представляет форму жизнедеятельности людей, типичную для исторически определенных социальных отношений. «Образ жизни – устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей, типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения» [4, с. 72]. Образ жизни напрямую связан с господствующей концепцией человека какой-либо культуры. Это – форма выражения представлений индивида и общества данной культуры о ценностях, жизни и реальной жизнедеятельности.

Категория «стиль жизни» конкретизирует понятие образа жизни, раскрывает его особенности, выражающиеся в общении, поведении людей. «Стиль жизни – определенный тип поведения людей, исторически сложившаяся форма жизнедеятельности социального субъекта» [4, с. 595]. Выбор индивидом стиля жизни зависит от социокультурных факторов. На основе этой категории можно рассмотреть тип поведения социальных групп, индивидов, их манеры, черты, вкусы, склонности.

Категория «уровень жизни» определяет очередной параметр развития социальной системы – жизнеобеспеченность. «Уровень жизни – это сложная социально-экономическая категория, отражающая степень удовлетворения потребностей населения в материальных благах и нематериальных услугах, а также условия, имеющиеся в обществе для развития и удовлетворения этих потребностей» [4, с. 686]. На основе этой категории дается оценка благосостояния общества и его социальных групп.

Уровень жизни воплощается в количестве и качестве потребляемых людьми благ и услуг, начиная от потребности в пище, жилище, одежде и заканчивая культурой быта, духовными потребностями. Уровень жизни индивида и населения в целом зависит от степени удовлетворения его потребностей, возникающих и реализующихся в сфере потребления, и определяется его ресурсами и возможностями. Именно рамки сферы потребления обуславливают коренное отличие категории «уровень жизни» от категории «качество жизни», которая охватывает не только достигнутый уровень потребления, но и обстоятельства, влияющие на этот уровень.

Следовательно, категория «уровень жизни» характеризует количественную сторону жизни, сопоставимую с качественной, степень удовлетворения материальных и культурных потребностей людей, и является одной из составляющих категории «качество жизни».

Очевидно, что качество жизни имеет общие элементы-характеристики с понятием «уровень жизни», и все же оно более широкое, так как затрагивает юридические и политические стороны, связанные с правами и свободами, поведенческие и психологические аспекты, общий идеологический и культурный уровень. «Качество жизни – совокупность свойств жизни человека, включаю-

щая его внутренние возможности осуществлять жизнедеятельность с той или иной интенсивностью и экстенсивностью (жизненный потенциал) и свойства, выражающие уровень соответствия параметров среды и характеристик жизненных процессов индивидуально и социально позитивным потребностям, интересам, ценностям и целям» [5, с. 60].

Качество жизни в научных исследованиях зачастую определяется через систему показателей, составляющих сущность категории. Сложность структуры показателей качества жизни, особенно при их оценке, находит свое отображение в разнообразных определениях. Так, качество жизни – это «синтетическая характеристика уровня и условий жизни населения, учитывающая состав семьи, состояние здоровья ее членов, их социальную удовлетворенность» [6, с. 103]. При этом качество жизни населения отдельно взятой территории определяется совокупным воздействием экономических, социальных, демографических, политических, моральных и других факторов как объективного, так и субъективного характера.

Некоторые исследователи акцентируют внимание на условиях, результатах и характере труда, уровне благосостояния семьи, демографических, этнических, экологических аспектах существования людей. В их представлении «качество жизни – это степень развития и полнота удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей, проявляющихся как в различных формах деятельности, так и в самом жизнеощущении» [7, с. 66].

Анализ показывает, что категории «образ», «стиль» и «уровень жизни» обобщают те или иные качественные и количественные стороны жизни людей. Категория же качества жизни, являясь интегральной качественной характеристикой жизни людей, наиболее полно раскрывает критерии жизнедеятельности общества, условия жизнеобеспечения, а также параметры его жизнеспособности как целостного социального организма. Поэтому качество жизни населения имеет сложную структуру, исследование которой возможно с применением системного подхода во взаимосвязи всех составляющих.

В ряде научных работ встречается широкое толкование рассматриваемой категории, которая, по сути, отображает все процессы жизнедеятельности человека, включенные в структуру показателей качества жизни и общества, в других – выделяется их узкая часть.

Сегодня в научной среде сложились два основных направления интерпретации качества жизни. Первое – «объективистское», оформившееся в рамках философии постиндустриального общества, под влиянием концепций индустриального (У. Ростоу) и постиндустриального (Д. Белл) общества. В работах О. Тоффлера, Э. Винера, З. Бжезинского прослеживается идея систематического применения науки, техники и технологий для изучения и решения многочисленных общественных проблем.

Второе направление – «субъективистское» – сложилось под влиянием гуманистических и антропологических концепций. В рамках указанных концепций результаты экономического роста, научно-технической революции рассматриваются как факторы, не только, несомненно, ухудшающие качество жизни, но и ведущие к дегуманизации человека. Данные представления черпа-

ют свое начало в философии неомарксизма и экзистенциализма. В исследованиях представителей франкфуртской школы – Э. Фромма, Г. Маркузе, Т. Адорно, Ю. Хабермаса – прослеживается мысль, что капиталистическое общество, с его технологической рациональностью, подавляет духовные и творческие стороны личности и превращает человека в «одномерного» [8]. Выход из ситуации виделся исследователям в духовно-нравственном совершенствовании человека. Так, А. Кэмпбелл разрабатывал концепцию «ощущаемого качества жизни» [9] и фокусировал внимание на внутреннем самочувствии американцев. В свою очередь, П. Конверс и В. Роджерс доказывают слабость зависимости между удовлетворенностью жизнью и социальным окружением индивида. Ф. Эндрюс и С. Уитни в своих работах отмечают, что параметры возраста, гендера, дохода, образования и занятости вызывают лишь частичное изменение общей удовлетворенности жизнью.

Таким образом, объективный подход делает акцент на реальных обстоятельствах существования человека, изучении условий его жизни: общественно-экономических, естественно-географических, индивидуально-мотивационных, в то время как субъективизм обращается к состоянию внутреннего мира личности, степени удовлетворения индивидуальных потребностей, субъективным оценкам отдельных сторон личного существования.

Возникновение исследований качества жизни населения связывается с американской социологией и относится к проблеме эффективности федеральных социальных программ. Становление концепции качества жизни началось с рассмотрения представителями чикагской школы Р. Парком и Э. Берджессом вопросов охраны окружающей среды, труда и здоровья людей в условиях городской жизни.

Основной причиной появления и широкого распространения термина «качество жизни» в обществах с высоким уровнем потребления послужила смена механизма социального развития. Уже в 1960-е годы стала очевидной ограниченность использования термина «уровень жизни», поскольку экономический рост и высокий уровень потребления вовсе не свидетельствуют об исчезновении нищеты, преступности, незагрязнении окружающей среды. Такие «составляющие качества жизни, как здоровье, образование, состояние природной и социальной окружающей среды, всегда остаются в качестве потребностей, даже если доход и связанные с ним трудовая деятельность и рыночная форма потребления перестают быть необходимыми ресурсами удовлетворения потребностей» [10, с. 8].

Последовательная трансформация проблемы качества жизни привела к обретению более общего смыслового значения, связанного уже с вопросами целей и ценностей общества. Теперь понятие интегрирует такие категории ценностей, как свобода, демократия, равенство, права человека, ответственность и необходимость совершенствования общественных отношений (девиантное поведение, самоубийства, социальная поляризация общества).

Очевидно, что для современного человека наиболее существенным является не только определенный уровень благосостояния, сколько качественное состояние окружающей природной среды обитания, состояние здоровья, наличие свободного времени, духовно ориентированная жизнь. Можно уверенно говорить о

качестве жизни общества и отдельного индивида в том случае, когда слагаемые жизни и их взаимосвязи достигают определенного качественного уровня.

Библиографический список

1. Философский словарь / пер. с нем.; 22-е изд., перераб.; основан Г. Шмидтом, под ред. Г. Шишкофф. М., 2003.
2. Большая экономическая энциклопедия. М., 2007.
3. Всеобщее управление качеством: учебник для вузов / О.П. Глудкин, Н.М. Горбунов, А.И. Гуров, Ю.В. Зорин. М., 2001.
4. Социологическая энциклопедия: в 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. Т. 1: А–М.
5. Качество жизни: краткий словарь. М., 2009.
6. *Нугаев Р.М., Нугаев М.А.* Качество жизни в трудах социологов США // Социологические исследования. 2003. № 6.
7. *Савченко П., Федорова М., Шелкова Е.* Уровень и качество жизни: понятие, индикаторы, современное состояние // Российский экономический журнал. 2000. № 7.
8. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Американская социологическая мысль. М., 1996.
9. *Campbell A.* The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations and Satisfactions / A. Campbell, Ph. Converse, W. Russell. Sage Foundation, 1979. XI.
10. *Савин К.Н.* Формирование и развитие регионального кластера качества жизнеобеспечения. М., 2009.

N.A. Baryshnaya
The Ethnic-Cultural Context
of Nation-Building

The current conditions stimulating the search of tools and mechanisms of formation of national and civic identity are analyzed. The context of the ethnic categories formation which is used by various groups to achieve legitimacy and to struggle for symbolical existence and recognition is studied.

Key words and word-combinations: ethno-cultural identity, social capital, Nation Building, managing cultural diversity.

Анализируются современные условия, стимулирующие поиски инструментов и механизмов формирования национальной, гражданской идентичности. Исследуется контекст производства этнических категорий, с использованием которых различные группы добиваются легитимности, борются за символическое существование и признание.

Ключевые слова и словосочетания: этнокультурная идентичность, социальный капитал, нациестроительство, управление культурным многообразием.

УДК 321.1
ББК 66.094

Н.А. Барышная

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА*

Идентичность служит основанием, объединяющим началом, поскольку одним из критериев для определения индивидом своего положения в системе социальных отношений является его принадлежность к той или иной социальной группе по ряду критериев, принимаемых и понимаемых им и

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 10-03-00063а «Социальные границы полиэтнической организации в современном городе: формирование и трансформация».

остальными членами группы. В то же время идентичность выступает в качестве разграничителя, позволяющего определить (оценить, прочувствовать) свое отличие от «других».

В современных условиях идеологическим основанием «воскрешения» этничности и межэтнических конфликтов часто служат претензии на утверждение идентичности. В принципе они вполне могут стать ключом к пониманию этницизма. При этом идентифицирующие признаки являются результатом взаимодействия двух противоположностей – сходства и различия.

В ситуациях структурных кризисов, трансформационных преобразований общества, когда разламываются привычные системы идентификаций, критерии оценок (включая аскриптивные), идентичность, как фактор мобилизации, проявляется особенно ярко, затмевая собой экономические, социальные и политические причины катаклизмов. В условиях разрыва социальных связей, разрушения привычных социальных иерархий, когда не ясно, «кто свой, кто чужой», роль первичных связей возрастает и идентичность приобретает характер фетиша: она больше не выстраивает социальные отношения с «другим», посторонним, а попросту отрицает его, разрывая бинарную связь «сходство-различие». В таких условиях происходит чрезмерное обострение чувства идентичности и превращение его в объект политических игр и манипуляций.

Апелляция к этнической идентичности, к различным символам, нагруженным этническими смыслами, может служить идеологическим оружием, которое те или иные группировки и социальные силы используют различными способами. Здесь важно исходить из понимания, что «язык мобилизации этничности – это язык родства» [1, с. 303]. Оба феномена имеют аскриптивный характер, при этом этничность сталкивается с глубокой потребностью в «близком общении и содружестве, в по-семейному тесных узах, в эмоциональной поддержке и взаимопомощи, в заступничестве и разрешении разногласий – во всех потребностях, удовлетворяемых родством, но в большем масштабе» [2, с. 52].

Этничность, в обыденном понимании, основывается на «родстве», что означает не только родственников, но также соседей и тех, кто имеет «такие же» культурные особенности. Понятия наподобие «гоев», «варваров», или «немцев», целиком подразумевают определенное ощущение человеческой неполноценности людей, которые не способны были общаться в группе, состоящей исключительно из «настоящих людей» [3, с. 5]. В этом послые важно, что происходит возврат к антропологической «граничной модели» Ф. Барта, где в центр внимания ставится взаимодействие и восприятие членов социальной группы, которая определяется не некой культурной сущностью, а скорее тем, как она сама воспринимает свои собственные границы. По словам самого Барта, «категориальная аскрипция – это этническая аскрипция, когда она классифицирует человека с позиций его основополагающей, наиболее общей идентичности, предположительно определяемой его происхождением и окружением. В той степени, в которой участники используют этнические идентичности, чтобы категоризировать самих себя и других, с целью

взаимодействия, они образуют этнические группы в этом организованном смысле» [4, с. 14].

Последователь и ученица Ф. Барта Кэтрин Вердери развила эту идею и убедительно доказала, что ситуационный характер этничности относителен. Существуют пределы гибкости и изменчивости этнической идентичности, и она в разной мере открыта для манипуляций.

В зависимости от усилий государства по нациестроительству формируется контекст для производства этнических категорий, та арена, где различные группы добиваются легитимности, борются за символическое существование и признание. «Сама идея, что иметь идентичность нормально и что у каждого индивида должна быть одна идентичность базисного типа, есть продукт специфического исторического процесса: формирование современного национального государства. Идентичность – важная бирка, с помощью которой строители государства следят за своими подданными, ведь трудно уследить за теми, кто одновременно и то, и другое...» [5, с. 99].

Политика установления однородности населения создает «нацию», добивается, чтобы у подданных было еще что-то общее, помимо самого государства, – разделяемая ими культура и / или «этническое происхождение». Государство одновременно устанавливает норму и выделяет тех, кто от нее отклоняется, причем культура оказывается привилегированным полем, на котором все это происходит. Идеология нациестроительства определяет, какой должна быть однородная культура. Не из этнической идентичности развивается национальная / гражданская, наоборот, последняя создает рамки, внутри которых «рождается» этничность: отличия приобретают социальное значение.

Маркирование подобных различий – одна из главных задач государства. Государство – главный актер в процессе идентификации, определяющий, «кто есть кто» – какая социальная группа есть этнокультурное меньшинство, а какая будет считаться меньшинством (в зависимости от целей, задач национальной политики и усилий лоббирования своих интересов этническими предпринимателями) [6].

Основным инструментом категоризации в современных государствах выступает перепись населения. Данные переписи представляют собой особый властный капитал, ибо знание о населении позволяет находящимся у власти осуществлять эффективное управление [7]. Бенедикт Андерсон в своей работе «Воображаемые общности» обратил внимание на перепись как на один из первейших механизмов функционирования государства [8, с. 184]. Именно он сравнил переписи с «тотальным, классифицирующим рашпилем (или гранильней)», которым государство проходило по собственной территории и тем самым превращало всех находящихся внутри этой территории в свою собственность. Андерсон выделил ключевой момент переписей: именно путем этой процедуры устанавливались (и фиксировались!) различия, проводились границы и правительства обретали способность различать «народы, регионы, религии, языки» среди подвластного населения.

Само по себе очерчивание границ означает, что содержащиеся в их преде-

лах компоненты могли и должны были быть подвергнуты счету, а в итоге – инкорпорации в государственный организм. По мнению В. Тишкова, «на протяжении длительной истории главной целью государства... являлось создание различной совокупности населения, чтобы сделать ее объектом политики и правовых процедур» [9, с. 20]. Именно в результате переписи, проводимой от имени государства (а значит, и предельно легитимизированно), критерии, по которым людей разделяют, обретают дополнительную, а иногда и решающую значимость, особенно когда это касается вопроса этничности и расы. Неоднозначность этой ситуации заключается в том, что государство априори считает «естественным» то, что у всех есть собственная, индивидуальная идентичность, которая является актуализированной и непротиворечивой, «прозрачной» и понятной для инструментального использования. Если же такой идентичности нет, то посредством определенных процедур (как интеллектуальных, так и организационно-правовых) *ее формируют*.

В этом случае речь идет о том, что Э. Балибар называет *вымышленной этничностью* [10, с. 112]. Он исходит из того, что ни одна нация не обладает этнической базой от природы. Этническая идентичность формируется по мере того, как социальные формации национализируются, население «этнизируется», то есть начинает представлять себя в прошлом или в будущем так, как если бы оно образовывало сообщество, обладающее идентичностью истоков, культуры и интересов. Именно благодаря этой процедуре, каждого индивида (члена нации) в этом качестве *можно называть* по имени сообщества, имя которого он как раз и носит.

Национальная (государственная) идеология формирует этническую группу как народ (народность), как вымышленное этническое единство на фоне универсалистской репрезентации (россияне, французы, американцы). Каждому индивиду приписывается этническая идентичность, причем только одна. Таким образом, человечество в целом распределяется между различными этничностями. Тем самым обеспечивается система контроля над населением – государство *заранее вписывает* их требования в чувство «принадлежности» в двояком смысле: способствует тому, что мы принадлежим сами себе и *чтобы мы принадлежали себе подобным*.

Сложность и неоднозначность трактовки термина «идентичность» вынуждает нас сделать ряд принципиально важных оговорок. В современных условиях термин «идентичность» из категории научного анализа превратился в термин широкого употребления, в категорию социальной практики, особенно в сфере управления многообразием социальной политики. Его смысловая нагруженность ныне такова, что в каждой новой научной работе авторам приходится выводить свое, собственное понимание идентичности [11].

Результатом интенсивного обращения к данному термину стало то, от чего конструктивизм тщательно отмежевывается, – реификация категории, материализация представления. Не отвергая значимости этого процесса в вопросах нациестроительства (nation-building), где процедура формирования надэтнической (гражданской) идентичности является ключевой позицией, считаем необходимым избегать воспроизводства и укрепления материализации данно-

го термина, происходящей из-за подмены идентичности как категории анализа на категорию социальной (политической) практики.

Особенностью дискурса об идентичности, в том числе и этнокультурной, являются доминирующие эпистемологические посылы, сводящиеся к следующему [12, с. 22]:

- идентичность есть у всех и у каждого;
- у каждой группы есть своя коллективная идентичность;
- идентичность групп может быть неосознанной, и *тогда ее нужно найти*;
- понятие групповой идентичности подразумевает гомогенность группы и высокую степень солидаризированности ее членов;
- границы идентичности и границы этнокультурной группы совпадают и имеют четкий характер.

Наиболее сильным агентом категориальной идентификации выступает государство, в руках которого сосредоточены материальные и символические ресурсы (по М. Фуко), обеспечивающие право государства присваивать имя, идентифицировать, категоризировать, решать, кто есть кто. Однако, несмотря на это, государство не может монополизировать власть на производство и распространение идентификаций и категорий.

Идентификации, производимые государством, могут быть оспорены и часто оспариваются. При этом важную роль в «споре за идентичность» играют лидеры движений, «этнические предприниматели», оспаривающие официальные позиции и официальные идентификации. Под воздействием лидеров движений, являющихся социально и ценностно значимыми фигурами в его жизненном пространстве, индивид начинает позиционировать себя определенным образом по отношению к окружающим и по отношению к государству. Члены же групп начинают воспринимать себя как сходные между собой по этому основанию идентификации, и эта идентификация осознанна и эмоциональна [13].

Идентичность по своей сути есть продукт социального взаимодействия – результат проекции индивидами на себя ожиданий и норм других [14, с. 116], *способ*, которым индивидуальные и коллективные действия управляются посредством частного понимания «себя» и социальной позиции [11, с. 89].

Безусловно, необходимо понимать, что в реальной социальной практике субъектами отношений являются в основном группы. Но это не означает, что у реальной группы «существует» «коллективная идентичность» обеспечивающая мобилизацию и солидаризацию. Более того, само понятие этнокультурной группы весьма шатко. «Реальное» этнокультурное сообщество состоит из индивидумов, которые являются носителями этнокультурной идентичности. Но таковыми их делает не происхождение, а социальная роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии, и их включенность во внутригрупповые процессы.

В зависимости от социальной позиции и социальной ориентации индивид может быть «включен» в деятельность этнокультурной группы либо дистанцирован от нее. Тем не менее внешнее инокультурное окружение «вписывает» его в «статистическую» группу, в образ этой группы, приписывая ему

помимо собственно индивидуальных черт еще и общегрупповые черты, «коллективную идентичность». Иначе говоря, независимо от того, отождествляют себя индивиды с той или иной группой, они оказываются «объективно», под внешним воздействием, принадлежащими ей, на основании того, что в процессе внешней идентификации они «опознаются» как представители данной группы.

Социальная идентичность предполагает, что индивид помещен не только в систему внутригрупповых взаимодействий (первичная группа, община), но и в пространство межгрупповых отношений. Социальные группы (общины) являются не только носителями реальности [4], но и акторами, воспроизводящими в повседневной практике те типичные способы мировосприятия и поведения.

Исходя из изложенного, можно достаточно ясно понять, что *именно государство спонсирует этнизацию и актуализацию / мобилизацию этничности*. Но открытым остается вопрос: зачем? Если, с одной стороны, государство стремится к гомогенизации населения в рамках одной, единой для всех государственной идентичности (например, «россияне»), то для чего необходимо поддерживать устойчивость межгрупповых этнических границ? Кому и для чего необходимо «спонсировать этничность»? Что дает государству наличие и разнообразие этнических сообществ?

В настоящее время в России нет четкого понимания, какой должна быть конфигурация национальной (гражданской) идентичности. Основным показателем пока выступает лишь степень самоощущения принадлежности граждан к государству. Наиболее часто встречаемые вопросы в анкетах, посвященных этой тематике: «Кем Вы себя ощущаете...», «Ощущаете ли Вы себя россиянином, и если да, то в какой степени...». Соответственно, если нет понимания основных структурных параметров *идеальной национальной идентичности*, то трудно себе представить, какова должна быть политика государства в отношении формирования общегражданской идентичности.

Важно также отметить, что в России *никогда* не было национальной политики как программы нациестроительства. Прошлые и существующие программы национально-культурного развития связывались только с проблемами меньшинств (точнее – не-русских народов). Отсюда у большинства управленцев, далеких от понимания всей сложности и специфики нациестроительства, возникает резонный вопрос / вывод: «Стоит ли заниматься проблемами 7–15% населения, когда есть более важные задачи?».

Иначе говоря, в Российской Федерации отсутствует опыт нациестроительства в современных, капиталистических условиях. Опыт Советского Союза важен, но, к сожалению, на практике не применим. Произошедшее разделение труда, расслоение общества, появление новых социальных групп накладывают такие ограничения на разработку и реализацию программ нациестроительства, что опыт прошлых эпохальных социальных формаций не пригоден. Современные экономические условия базируются не просто на противоречии «капитал-труд», но на сложной иерархии внутри сегмента «труд». Хотя любой

труд эксплуатируется (производит прибавочную стоимость, т.е. отчуждается), все же некоторые рабочие теряют больше в сопоставлении с произведенной ими прибавочной стоимостью.

Существует иерархия занятий, определяющая уровень доходности, степени свобод. Однако все чаще вместе с иерархией занятий появляется «этнизация» рабочей силы внутри государства. Результаты массовых опросов в различных странах показывают наличие прочной связи между этнической принадлежностью и занятием / профессией, обеспечивающей одной (доминирующей) группе более широкий выбор возможностей.

С точки зрения «повседневной логики» государства в этническом разделении видов деятельности есть немало достоинств. Различные типы производства требуют разных норм поведения рабочей силы. Если это поведение не определяется генетически, ему следует учить. Рабочая сила должна социализироваться, формируя *разумно разнообразное мировосприятие* [15, с. 100]. «Культура» этнической группы есть не что иное, как набор правил, действовать в рамках которых родители обучают своих детей в процессе социализации. Эту же роль обычно выполняет государство (посредством реализации разного рода этнографически мероприятий или фольклорных элементов в программах национально-культурного развития народов региона) или система школьного образования. Но обычно открыто они стараются избегать выполнения данной особой функции, так как это противоречит нормам равенства, и может вызвать серьезную критику.

Социальные группы не только имеют возможность социализироваться по-разному, но, более того, различная социализация является основным определением социальных групп. Подобная политика не будет легитимной, если ее будет проводить государство в открытую. Однако она претворяется в жизнь в качестве «добровольного» поведения групп, защищающих свою социальную идентичность, и косвенно поддерживается государством посредством программно-целевых механизмов (конкурсы, программы развития и т.д.). Подобный подход обеспечивает легитимацию иерархической структуры современных экономических отношений, которая не противоречит равенству перед буквой закона. Иначе говоря, все заключается в следующем: «Этничность или же институт национальности разрешает одно из основных (базовых) противоречий капитализма – одновременное стремление к равенству в теории и неравенству на практике, что происходит посредством усвоения менталитета своего класса (страты, группы)» [15, с. 101].

Безусловно, все изложенное можно отнести к современным формам расизма. Тем не менее мы продолжаем отмечать наложение этнических границ на границы социальной, экономической, образовательной дифференциации. «Расколотый рынок», об угрозе которого предупреждали в середине прошлого столетия, стал явью. Социальная реальность, отраженная в экспертных оценках, результатах массовых опросов, подтверждает выдвинутые выше тезисы.

Современные условия развития страны, необходимость поиска адекватных ответов на рассмотренные вызовы стимулируют поиски инструментов и меха-

низмов формирования национальной, гражданской идентичности. Приходится констатировать, что создание единой «российской идентичности» уже стало полем культурной битвы. Принимая во внимание продолжающееся укрепление позиций существующих этнокультурных идентичностей и множество линий разлома в социальной структуре нашего общества, трудно представить себе разработку коллективной идентичности.

Филипп Шлезингер, анализируя подобные процессы в современном Евросоюзе, подчеркивает, что создание всеобъемлющей коллективной идентичности всерьез можно рассматривать только тогда, когда она является результатом длительной социальной и политической практики. В настоящее время вслед за М. Биллингом можно предложить рассмотрение сложносоставных образований (Евросоюз, Россия) как «единого отечества» либо как «отечества отечеств» (или следовать формуле, предложенной В. Тишковым, – «нация наций» [16]). При этом «конструкторам нации» потребуется разработать миф о происхождении, переписать историю, изобрести традиции, ритуалы и символы, которые создадут новую идентичность. Они должны будут найти общую цель, проект, способный мобилизовать энергию своих граждан.

Библиографический список

1. Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2001.
2. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley CA and Los Angeles CA: University of California Press. [S.A.].
3. Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press. [S.A.].
4. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organizations of Culture Difference / ed. by F. Barth. Oslo, 1969.
5. Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
6. Мокин К. Диаспорная идентичность в динамике: конвергенция и энтропия (изучая армян Саратовской области) // DIASPORAS. 2006. № 4. С. 150–168.
7. На пути к переписи. М., 2003.
8. Anderson B. Imagined Communities. London, 1991.
9. Тишков В. Переписи населения и конструирование идентичностей // На пути к переписи. М., 2003.
10. Балибар Э. Нация как форма: история и идеология // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003.
11. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 61–115.
12. Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2002.
13. Nobles M. Responding with Good Sense: The Politics of Rae and Censuses in Contemporary Brazil. Yale University, 1995.
14. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт. М., 2005.
15. Валлерстайн И. Конструкция народа // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2003.
16. Тишков В.А. И русский и российский // Вестник российской нации. 2008. № 4. С. 45–56.

Vladimir Gonda
The Role of Universities
in the Context of Innovative
Development of Society

The role of universities in the process of the knowledge economy formation is researched. The problems and lines of the reform of tertiary education are revealed. Special attention is paid to the issue of higher education funding.

Key words and word-combinations: knowledge economy, Lisbon strategy, accreditation of universities, quality of performance, tertiary education funding.

Исследуется роль университетов в формировании экономики знаний. Показаны проблемы и направления реформирования высшего образования. Особое внимание уделяется вопросам финансирования высшей школы.

Ключевые слова и словосочетания: экономика знаний, Лиссабонская стратегия, аккредитация вузов, качество работы, финансирование.

JEL I 121, I 128, O 38

Владимир Гонда

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТОВ
В КОНТЕКСТЕ
ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА*

Долгосрочная экономическая конкурентоспособность в настоящее время может быть обеспечена только созданием условий для развития так называемой *инновационной экономики*, в основе которой лежит способность людей постоянно работать с информацией, создавать новые научные знания и применять их на практике. Важнейшим источником человеческого капитала для инновационного общества является высшее образование, в системе которого осуществляется подготовка высококвалифицированных специалистов.

Реализация Лиссабонской стратегии, преследующей цель обеспечить конкурентоспособность европейской экономики, становится все более актуальной задачей. На современном этапе развития Европейского союза в целом, так же как и входящих в него стран в отдельности все большее значение играют предпринимаемые меры по укреплению «экономики знаний».

Ведущая роль в реализации Лиссабонской стратегии принадлежит университетам. Очевидной тенденцией в развитых странах (США, Япония члены ЕС) становится концентрация науки и исследований в университетах. Превращаясь в научные комплексы, они занимаются не только образованием, но также фундаментальными и приклад-

* Статья подготовлена в рамках проекта VEGA № 218/07 «Teoreticke a prakticke aspekty novej (znalostnej) ekonomiky».

ными исследованиями в области естественных, технических и общественных наук. Таким образом, университеты играют определяющую роль в социальном и экономическом развитии регионов и общества в целом, являются институциональной основой «экономики знаний».

Вклад университета в экономику оценивается прежде всего уровнем качества выпускаемых специалистов, их знаний и профессиональных навыков, умением внедрять полученные знания и новые технологии, разработанные в университетских лабораториях, в промышленность и другие отрасли хозяйства, укреплять связи высшей школы и бизнеса [1]. Результаты научных исследований, ведущихся в университетах, не только внедряются непосредственно в экономику, но имеют значение для собственно образовательного процесса. Постепенно новые знания становятся достоянием студентов, аспирантов, преподавателей, а в конечном итоге – всех граждан.

Эффективно функционирующая система внедрения результатов университетских научных исследований в практику является гарантией достижения успеха. На современном этапе это одна из важнейших задач, решение которой способно создать условия для динамичного инновационного развития [2, с. 8].

К сожалению, в условиях Словакии это направление вузовской деятельности испытывает трудности. Главное препятствие – недостаток финансовых средств, отсутствие продуманной системы в организации сотрудничества университетов с иными вузами и организациями. Пока что это сотрудничество основывается главным образом на личных контактах. Фирмы редко проявляют инициативу, в большинстве случаев они ожидают активных шагов со стороны университетов [2, с. 14]. В то же время значение человеческого фактора для экономики знаний является принципиальным, поскольку недостаточные инвестиции в человеческие ресурсы оказываются одним из сдерживающих факторов для инновационного и экономического развития [3, с. 90].

Одна из заявленных целей Лиссабонской стратегии – обеспечение к 2010 г. состояния, когда по крайней мере 85% от 22-летних и 80% населения ЕС в возрасте от 25 до 64 лет будут иметь среднее образование [3, с. 93–94]. Современная Словакия среди стран ЕС имеет один из самых высоких показателей количества населения со средним образованием – почти 90%. Однако доля словацких граждан, имеющих высшее образование, в 2005 г. составляла 14%, тогда как в среднем по ЕС аналогичный показатель находился на уровне 23%.

В Словацкой Республике в настоящее время действуют 20 публичных, 3 государственных и 10 частных университетов. Это свидетельствует прежде всего о том, что Словакия шла по пути увеличения вузов и обучающихся в них студентов. Общее количество студентов за 1990–2005 гг. выросло в 2,86 раза (с 62 103 до 177 714); количество университетов увеличилось с 13 до 26, а число факультетов – с 50 до 109. Несмотря на столь заметный количественный рост, доля расходов на высшее образование – самая низкая среди стран Вышеградской группы, к тому же она продемонстрировала тенденцию к снижению с 0,97% ВВП в 1990 г. до 0,72% ВВП – в 2005 г. [4, с. 143–144].

Экстенсивное развитие высшего образования привело к увеличению образовательных программ, росту численности студентов, а также профессоров и

доцентов, но вместе с тем стало причиной неизбежного падения качества образования. По мнению ряда специалистов, в Словакии неоправданно много университетов, а качество предоставления ими образовательных услуг, проведения научно-исследовательских работ не всегда отвечает современным требованиям и существенно отличается по своему уровню. Это обстоятельство не осталось незамеченным как со стороны частных, независимых, так и государственных структур.

Первые шаги по оценке качества работы университетов Словакии были предприняты Академическим рейтинговым и ренкинговым агентством ARRA [5] в конце 2005 г. Последняя информация о состоянии качества вузовской деятельности в республике была опубликована в конце 2009 г. и вызвала неоднозначную реакцию, стала предметом дискуссий в вузах, средствах массовой информации, среди общественности.

Помимо ARRA проблема качества работы вузов находится в поле зрения и Аккредитационной комиссии Министерства образования Словацкой Республики. Проводимая государственная комплексная аккредитация (один раз в шесть лет) включает в себя оценку уровня образования и научных исследований вуза, внедрения результатов исследования в производство, иные сферы деятельности общества, а также состояния персональной, технической, информационной обеспеченности вуза. Именно результаты комплексной аккредитации дают основание аккредитационной комиссии высказать свое мнение относительно заявки вуза на аккредитацию образовательных программ и аккредитацию процедуры назначения профессоров и доцентов в вузе [6].

Дискуссия по вопросам развития высшего образования в Словакии, а также результаты комплексной аккредитации словацких вузов в 2002–2007 гг. подняли вопрос о пересмотре классификации вузов в зависимости от качества их работы. Вузы предлагается разделить на три категории:

- 1) *университет*, в котором реализуются все три степени высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура / докторантура);
- 2) *высшая школа*, где высшее образование предоставляется по программам первой и второй степени (бакалавриат, магистратура);
- 3) *специальный вуз* – осуществляет высшее образование лишь по образовательной программе первой степени (бакалавриат).

Эта классификация оказывает непосредственное влияние на финансирование, а также имидж образовательного учреждения. Вполне понятно, что предпочтение будет отдаваться тем вузам, которые обеспечивают высокое качество обучения, имеют все предпосылки стать центрами научных исследований в Словакии.

В Словацкой Республике, как и в ряде других стран, финансирование вузов осуществляется на бюджетной основе. Объем финансирования во многом зависит от таких факторов, как, например, количество студентов и образовательных программ, квалификационная структура работников вуза, его материальная база. Однако все больший удельный вес приобретают показатели эффективности научно-исследовательской деятельности; средства, полученные по зарубежным и внутренним грантам; численность выпускников аспирантуры /

докторантуры; количество научных статей, опубликованных профессорами, доцентами, преподавателями, аспирантами. На особом счету – публикации в иностранных научных изданиях и импактовых журналах.

В общем объеме финансирования словацких вузов доля средств, полученных в результате научно-исследовательской деятельности, в последние годы неуклонно возрастает: с 20% в 2006 г. до 35% в 2009 г. [7]. В 2010 г. она должна составить около 40%, чему в значительной мере призван способствовать переход от институционального финансирования к финансированию научно-исследовательских проектов, отобранных на конкурсной основе.

Переход на смешанное финансирование, подразумевающее несколько источников получения финансовых средств, становится актуальным для вузов во всем мире. В дополнение к государственным ассигнованиям и спонсорской поддержке университеты могут использовать и другие варианты финансирования: сдачу в аренду помещений и оборудования, обеспечение переподготовки и повышения квалификации специалистов; оказание платных аудиторских, консалтинговых и экспертных услуг.

Особое значение придается *частному финансированию*, основными источниками которого являются: частные пожертвования; средства, полученные в рамках исследовательских контрактов между вузами и частными предпринимателями; платные образовательные и иные услуги. Правительства большинства европейских стран поддерживают вузы в их стремлении найти частных инвесторов, предоставляя последним определенные послабления. В частности, наиболее распространенным из них является предоставление налоговых льгот для спонсоров и частных партнеров. Однако Словакия эти возможности получения финансов за счет частных источников существенно ограничивает [8, с. 71].

Европейскому союзу (и тем более Словакии) пока не удастся обеспечить реализацию амбициозных целей Лиссабонской стратегии, направленной на формирование инновационной экономики и создание условий для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности ЕС в целом и его отдельных членов. Особую роль в этом процессе призваны играть университеты. Именно они являются наиболее важными источниками научного человеческого капитала, поставщиками высококвалифицированной рабочей силы для инновационного общества. Высшее образование в Словакии все еще находится в плену экстенсивного развития. Тем не менее сегодня идет поиск путей повышения качества работы вузов, и этому в немалой степени должна способствовать предлагаемая реформа высшего образования, оптимизация его финансирования.

Библиографический список

1. *Gonda V.* Veda a vѣskum ako hnacn motor znalostnej ekonomiky vo svetle Lisabonskej stratgie // Ekonomickѣ revue, roѣ. X. 2007. Ѣ. 2–3. S. 40–55.
2. *Lesѣkovѣ D.* Ёloha univerznt vo vѣmene a transfere poznatkov s hospodѣrskou a spoloѣenskou praxou // Academia, roѣ. XIX. 2008. Ѣ. 4. S. 7–14.
3. *Kelemen J. a kol.* Kapitoly o znalostnej spoločnosti. Bratislava, 2008.
4. *Klas A.* Vѣvoj inѣitiefn vѣskumu a vyѣšieho vzdelѣvania na Slovensku (860–2005). Bratislava, 2006.
5. URL: www.arra.sk
6. Zѣkon ѣ. 38/2007 o vysokѣch ѣkolѣch. Ёplnѣ znenie.

7. Gonda V. Investície do vedy, vѣskumu a vzdelѣvania a ѳloha vysokѣch ѣkfѳl vo vѣzbe na Lisabonskѣ stratѳgiu // Lidskѣ kapitѳl a investice do vzdelѣbnн: Sbornнk z 11. mezinѳrodnн vѣdeckн konference. Praha: Vysokѣ škola finanснн a sprѳvnн, 29–30 zѳн 2008.

8. Řnzenн vysokнho ѣkolstvн v Evropѣ // Aula, roс. 16. 2008. С. 3. S. 70–71.

Перевод В.М. Полякова

V.M. Malein
The Institution of Social and Professional Accreditation as a Factor in Increasing the Quality of Higher Education and the Competitiveness of Universities in the Education Market

The influence of the institution of social and professional accreditation on the functioning of the education market is considered. The role of this institution in overcoming the information asymmetry in the educational market is analyzed as a condition of improving the quality of higher education and the competitiveness of universities.

Key words and word-combination: education market, public and professional accreditation, the quality of higher education, information asymmetry.

Рассматривается влияние института общественно-профессиональной аккредитации на функционирование рынка образовательных услуг. Анализируется роль данного института в преодолении информационной асимметрии на рынке образовательных услуг как условия повышения качества образования и конкурентоспособности вузов.

Ключевые слова и словосочетания: рынок образовательных услуг, общественно-профессиональная аккредитация, качество высшего образования, информационная асимметрия.

УДК 338.4(075)

ББК 65.441Я73

В.М. Малейн

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АККРЕДИТАЦИИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗОВ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

В современных условиях качество профессионального образования выступает важнейшей детерминантой экономического развития любой страны. Существует тесная взаимосвязь между показателями качества образования и показателями, характеризующими уровень экономического развития и качество жизни в государстве [1, с. 86].

Российскими экспертами отмечается несоответствие качества отечественного вузовского образования потребностям работодателей, ориентированных на высокий профессионализм и компетентность своих сотрудников [2, с. 4]. Низкое качество высшего образования отражается в кадровых стратегиях российских фирм. Наиболее крупные корпорации учреждают собственные научно-образовательные центры и корпоративные университеты (например, ФГОУ «ГЦИПК

«Росэнергоатом»», НОУ «Корпоративный университет «Норильский никель»», НОУ «Корпоративный университет «Северсталь»»), располагающие значительными ресурсами. Ими создаются образовательные программы для сотрудников корпорации, проводятся теоретические и прикладные исследования.

Создание корпоративных университетов следует рассматривать не только в связи с проблемой качества вузовской подготовки персонала. Положение работодателя в современных условиях серьезно осложнено наличием информационной асимметрии на рынке труда, когда он не располагает достаточно полной информацией о производительности работника. Осуществляя инвестиции в корпоративное образование, работодатель стремится не только повысить качество профессиональной подготовки сотрудников, но и сформировать эффективную систему оценки производительности работников. Исходя из этого работники, прошедшие обучение в корпоративном университете, более предпочтительны для работодателя, чем выпускники других вузов. В этом случае наниматели обладают более достоверным сигналом, подтверждающим соответствие работников требованиям работодателя.

Несмотря на очевидные преимущества, такой вариант не может рассматриваться в качестве универсального средства решения проблемы подготовки высококвалифицированных кадров. Альтернативой и дополнением корпоративному образованию, по нашему мнению, может стать формирование сети аккредитационных агентств, осуществляющих общественно-профессиональную экспертизу качества образования вузов на добровольной основе.

Участие в системе общественно-профессиональной аккредитации позволяет вузу получить достоверное подтверждение высокого уровня качества предлагаемых им образовательных услуг, чем достигается конкурентное преимущество на рынке. Ключевой характеристикой института общественно-профессиональной аккредитации выступает его независимость от государственных регулирующих органов. Она проявляется в том, что аккредитационные агентства самостоятельно определяют показатели и технологию оценки образовательной деятельности вузов при непосредственном участии заинтересованных общественных групп (профессионального сообщества вузов, работодателей, учащихся и абитуриентов вузов). Этим обуславливается принципиальное отличие данного института от государственной аккредитации вузов, целью которой является определение соответствия содержания и качества подготовки выпускников образовательного учреждения федеральным государственным образовательным стандартам или федеральным государственным требованиям [3].

По мнению ряда экспертов, государственная аккредитация оказывается неэффективной для выявления уровня качества образования в вузах в связи с тем, что государственные стандарты устанавливают только нижнюю, минимально допустимую границу качества образования [4, с. 57]. В результате, проходя процедуру государственной аккредитации, вузы подтверждают относительно низкий (минимально допустимый) уровень качества образования. Государственная аккредитация не достигает цели в ситуации, когда вузу требуется подтверждение качества образования, превышающего минимальный уровень, установленный государством.

В настоящее время свидетельство о прохождении государственной аккредитации получили 2876 вузов, что составляет 81,5% от общего числа вузов, имеющих лицензию на право осуществления образовательной деятельности [3]. Очевидно, что среди вузов, прошедших государственную аккредитацию, вариация качества достаточно высока, поэтому государственная аккредитация не является надежным подтверждением высокого (превышающего средний уровень) качества образования в вузе. Исходя из этого, предлагаем дополнить ее общественно-профессиональной аккредитацией, которая ориентирована на подтверждение высокого качества образования вузов.

Изложенные соображения можно представить в виде формальной модели, позволяющей выявить экономическое значение института общественно-профессиональной аккредитации и его влияние на конкурентоспособность вузов. В рамках модели рассматривается поведение трех субъектов: покупателей образовательных услуг; вузов, предлагающих образование; работодателей, выплачивающих заработную плату работнику.

Предполагается, что рыночная цена $p(q)$, прибыль продавца $\pi(q)$ и заработная плата, выплачиваемая работнику, положительно связаны с качеством образования. Работодатель оценивает производительность работника исходя из качества полученного им образования, поэтому более высокому качеству образования будет соответствовать более высокий размер оплаты труда работника – $w'(q) > 0$. Значит, покупатель готов заплатить более высокую цену за качественное образование, а продавец, в свою очередь, получит более высокую прибыль $p'(q) > 0, \pi'(q) > 0$.

Предположим, что качество товара q , представленного на рынке, равномерно распределено на интервале $[0; 1]$.

В ситуации информационной асимметрии покупатель оценивает качество товара, исходя из его распределения на рынке. Аналогично поступает работодатель, определяя размер заработной платы, основываясь на ожидаемом качестве образования работника. Поскольку ожидаемое качество будет оцениваться величиной $\frac{1}{2}$, соответственно параметры рыночного равновесия составят следующие величины: $p(\frac{1}{2})$, $w(\frac{1}{2})$ и $\pi(\frac{1}{2})$.

Наличие института подтверждения качества (аккредитация) на рынке позволяет продавцам достоверно подтверждать определенный уровень качества, которому соответствует их товар (услуга).

Допустим, что на рынке существуют две аккредитационные структуры: государственная и общественно-профессиональная. Государственные стандарты и требования определяют минимальные значения оценочных показателей, которым должен соответствовать вуз, поэтому уровень качества q_m , подтверждаемый государственной аккредитацией, окажется на интервале $[0; \frac{1}{2}]$. Общественно-профессиональная аккредитация устанавливает более высокие стандарты качества образовательной деятельности вуза, поэтому подтверждаемый уровень качества q_h будет выше ожидаемого уровня на интервале $[\frac{1}{2}; 1]$.

Предположим, что $q_m = \frac{1}{4}$, а $q_h = \frac{3}{4}$. Тогда при прохождении государственной аккредитации ожидаемое качество составит: $\frac{\frac{1}{4} + \frac{3}{4}}{2} = \frac{1}{2}$. При условии прохождения общественно-профессиональной аккредитации ожидаемое качество образования составит $\frac{\frac{3}{4} + 1}{2} = \frac{7}{8}$. Прибыль продавцов составит $\pi\left(\frac{1}{2}\right)$ и $\pi\left(\frac{7}{8}\right)$ соответственно.

Если вузы имеют возможность прохождения только государственной аккредитации, то ожидаемое качество составит: $\frac{\frac{1}{4} + 1}{2} = \frac{5}{8}$. В этом случае продавцы, ориентированные на высокое качество, получают меньшую прибыль $\pi\left(\frac{5}{8}\right) < \pi\left(\frac{7}{8}\right)$. Следовательно, общественно-профессиональная аккредитация позволит увеличить выигрыш вуза, ориентированного на высокое качество. Очевидно также, что институт общественно-профессиональной аккредитации способствует повышению заработной платы работников, получивших качественное образование.

Наличие на рынке института общественно-профессиональной аккредитации имеет большое значение для работодателей, которые получают инструмент для оценки качества профессиональной подготовки и уровня способностей потенциальных работников. Это означает, что работодатель уменьшает издержки, связанные с поиском подходящих работников и оценкой их производительности. В целом же институт общественно-профессиональной аккредитации увеличивает выигрыши агентов, ориентированных на высокое качество образования.

Востребованность института общественно-профессиональной аккредитации связана также с тем, что само по себе действие рыночных сил на рынке не обеспечивает стимулирование вузов, ориентированных на высокое качество образования. В частности, это означает, что механизм репутации оказывается неэффективным в условиях рынка образовательных услуг. По нашему мнению, это обусловлено действием следующих факторов:

1. Образовательное благо носит доверительный характер, что обуславливает необходимость значительных инвестиций для формирования экспертных знаний и навыков, необходимых для оценки качества образования [5, с. 64]. В результате уровень издержек измерения качества для участников рынка носит запретительный характер (участники рынка не в состоянии провести необходимые измерения качества образования), поэтому оценки качества образования потребителями и соответственно репутация вуза будут искажены.

2. Действие эффекта среды (peer effect) состоит в том, что качество образования положительно связано с уровнем способностей студентов [2, с. 10]. В результате возникает вероятность поддерживать репутацию вуза на высоком уровне, тогда как реальное качество образования оказывается невысоким. В итоге роль репутации, как фактора, стимулирующего производителей качественного образования, оказывается ослабленной. В этих условиях возрастает роль общественно-профессиональной аккредитации, позволяющей участникам рынка получить объективную информацию о качестве образования в том или ином вузе.

Востребованность института общественно-профессиональной аккредитации

подтверждается опытом зарубежных стран. В настоящее время данный институт сложился и активно развивается во многих странах мира. К числу наиболее значимых организаций в данной сфере относятся следующие:

INQAANE (The International Network for Quality Assurance Agencies in Higher Education) – Международная сеть агентств гарантии качества в высшем образовании. В состав INQAANE входят 166 организаций (агентства гарантии качества, университеты, аккредитующие другие образовательные учреждения, органы, занимающиеся признанием деятельности аккредитационных агентств) из 69 стран мира. Миссией организации является сбор и распространение информации о текущем состоянии и новых разработках по теории и практике в области оценки, улучшения и поддержки качества в системе высшего образования [6].

ENQA (The European Association for Quality Assurance in Higher Education) – Европейская ассоциация гарантии качества в высшем образовании, учреждена для содействия европейскому сотрудничеству в области гарантии качества высшего образования для всех заинтересованных лиц, вовлеченных в процесс гарантии качества. К настоящему времени в составе ENQA находится 41 агентство и организация из 21 страны (Болонская декларация подписана 45 странами) [5].

APQN (The Asia-Pacific Quality Network) – Азиатско-Тихоокеанская сеть гарантии качества). Организация была создана при содействии Международной сети агентств гарантии качества в высшем образовании (INQAANE) и при финансовой поддержке Всемирного банка при получении гранта на развитие возможностей (a development grant facility – DGF). Миссией данной организации является улучшение качества высшего образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе посредством развития деятельности агентств гарантии качества и расширения сотрудничества между ними. В состав сети APQN входит 21 организация из Азиатско-Тихоокеанского региона. В настоящее время в сети APQN 16 полноправных членом из Австралии, Гонконга, Индии, Индонезии, Новой Зеландии, Камбоджи, Китая, России, Таиланда, Филиппин и Японии [6].

ЕСОКО (Евразийская сеть обеспечения качества образования). Английский вариант названия сети – The Eurasian Quality Assurance Network – EAQAN. Евразийская сеть обеспечения качества образования является сетью организаций (органов), осуществляющих внешнюю оценку качества образования на национальном или региональном уровне в странах СНГ и Балтии [6].

В России институт общественно-профессиональной экспертизы активно развивается с 2005 г., когда был образован Координационный совет по независимой общественно-профессиональной аккредитации (учредители – крупнейшие ассоциации работодателей и вузов России) [4, с. 65]. В числе наиболее значимых организаций в данной сфере – Агентство по общественному контролю качества образования и развития карьеры (АККОРК). Агентство предоставляет услуги по общественно-профессиональной оценке качества образования, проводит комплексный аудит вуза, внедряет эффективную систему менеджмента качества в вузе, обеспечивает консультационно-методическую поддержку по вопросам ведения бизнеса в сфере высшего и среднего профессионального образования [6].

Таким образом, в настоящее время институт общественно-профессиональной аккредитации становится неотъемлемой частью системы высшего образо-

вания многих стран, включая Россию. Его роль состоит в том, что он позволяет разграничить вузы по уровню качества предлагаемого ими образования, способствуя тем самым устранению негативных последствий информационной асимметрии на рынке. Институт общественно-профессиональной аккредитации дополняет действующие на рынке институты, не только укрепляя конкурентные позиции вузов на рынке, но также обеспечивая интересы работодателей, снижающих издержки поиска подходящих работников и выпускников вузов, увеличивая их отдачу от качества полученного образования.

Библиографический список

1. Ханушек Э., Вессман Л. Роль качества образования в экономическом росте (часть 1) (пер. с англ. Е. Покатович) // Вопросы образования. 2007. № 7. С. 86–116.
2. Полищук Л., Ливни Э. Качество высшего образования в России: роль конкуренции и рынка труда // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 2–18.
3. Официальный сайт Национального аккредитационного агентства в сфере образования. URL: <http://www.nica.ru>
4. Авраамов Ю.С., Калашиников Н.П., Рудченко А.Д. [и др.] Независимая общественно-профессиональная аккредитация: повышение качества и конкурентоспособности российского образования // Вопросы образования. 2007. № 5. С. 56–67.
5. Малевин В.М. Экономическая природа образовательной услуги как доверительного блага // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 2. С. 67–72.
6. Официальный сайт Агентства по общественному контролю качества образования и развития карьеры (АККОПК). URL: <http://www.akkork.ru>

Z.I. Ephremova
Autonomous Model of Education
in Transcendental Idealism:
Principles of Methodology

The philosophic bases of the human right to knowledge are revealed. The methodological principles of the autonomous project of education in German transcendental idealism are studied. Special attention is paid to the analysis of Neo-Kantian approach to education system.

Key words and word-combinations: transcendental idealism, educational autonomy, the human right to knowledge, civil principles of education.

Показаны философские обоснования права человека на знание. Исследуются методологические принципы автономного проекта образования в немецком трансцендентальном идеализме. Особое внимание уделяется анализу неокантианского подхода к системе образования.

Ключевые слова и словосочетания: трансцендентальный идеализм, автономия образования, право человека на знание, гражданские принципы образования.

УДК 11.1
ББК 87.22

З.И. Ефремова

АВТОНОМНАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ ИДЕАЛИЗМЕ: ПРИНЦИПЫ МЕТОДОЛОГИИ

Система европейского идеализма неразрывно связана с идеалом Просвещения и гуманностью. Гуманистическое обоснование права человека на знание впервые заявлено представителями философии немецкого трансцендентального идеализма, утверждавшего принцип активности субъекта в процессе познания и общественного развития. В свя-

зи с этим идеализм в трансцендентальной философии образования признается теоретической основой формирования гуманитарной парадигмы человека.

Изменения, которые внес трансцендентализм в идеалы Просвещения, существенны и многозначны. Так, в научном познании утверждается положение, что наивысшей идеей первоначального знания является система целого всех наук. Включенность теории познания в культурный контекст не только задает понимание автономности природы и автономии самого человека, но и несет с собой многообразие типов и видов образовательных средств познания. При этом теория познания справедливо рассматривается как неотъемлемый компонент философской культуры европейского мышления, задающий определенную культуротворческую и культуuroобразную функцию [1]. Следовательно, можно говорить об обособленности системы образования, генезисе права на знание в истории прав человека. С нашей точки зрения, представляется важным определить методологические принципы, позволяющие рассматривать образование как автономную модель, и выявить роль права на знание в истории немецкого идеализма, наиболее полно раскрывшегося в системе университетского и школьного образования в Германии XIX–XX вв.

Неотъемлемой частью кантовского трансцендентализма является учение о субъекте социального действия, ядром которого выступают права человека. Каждый свободный поступок, утверждает И. Кант, должен сочетаться со свободой других, поскольку он – по области конечной цели – принадлежит к сфере должного. Всеобщий принцип права кенигсбергский философ формулирует предельно ясно и недвусмысленно: «Прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии с всеобщим законом» [2, с. 254]. Этот принцип предполагает в качестве своего априорного основания трансцендентальную идею разума об изначальной свободе человека.

И. Кант утверждает, что в основе априоризма лежит личностное истолкование человека, а также трансцендентальное понятие всеобщности и равенства прав граждан. Оно выражено институциональным образом в праве исходной возможности ограничения действий властей: максима – человек является целью сам по себе – содержит все основные положения всеобщих прав человека, – обладающий ими должен также обладать и правом «вето». «Есть вещи, – пишет в этой связи Р. Скратон, – которые нельзя сделать со мной ни при каких обстоятельствах, и это дает какие-то гарантии суверенности моей жизни, в которую нельзя вторгаться, а тем более посягать на нее. Суверенность личности в букве законов записывается как ее право: право на жизнь, право собственности и т.д.; право мирно добиваться своих целей. Вступать в законные отношения с другими» [3, с. 139].

Приведенные методологические установки позволяют по-новому раскрыть идеалы образования и гражданских принципов воспитания.

Образование как идея и модель «общества знания» предполагает в своей основе *принципы системного мышления*, без которых немислим и нереализуем порядок, основанный на разуме и свободе человека. Исследование проблем философии образования в немецком классическом идеализме в свете приве-

денной характеристики – новый ценный аспект изучения процесса образования, без которого невозможно представить себе будущее демократического общества и гражданского образования.

Как справедливо замечает А.А. Гусейнов, образование во все времена является исходной основой формирования «наследования культурно значимого опыта» [4, с. 8]. Идеализм трансцендентального толка исходит из культурно значимого представления о субстанциональности субъекта познания, развитие способностей которого рассматривается как всеобщий исторический процесс культурного движения из «царства природы» в «царство свободы».

Неокантианство в лице В. Виндельбанда усматривает в признании подобной общей закономерности присутствие простейшего элемента системы и необходимость *философского понимания* единичного. Только так, с его точки зрения, возможно необходимое преобразование самого ядра образования в контексте системного мышления. Эту необходимость он обосновывает принципиальным положением развития культуры. Так, *принцип развития*, считает он, указывает наличие двух форм человеческого познания – исторического и естественнонаучного. Культура же содержательно приносит свою специфику в образование и процесс обучения. Она задает ценностный ориентир для каждой формы познания субъекта и своим развитием порождает подъем и потребность в культурном переосмыслении. Культура выявляет ценности жизни и расширяет их на всю сферу жизненного и социального мира человека.

Если образование уже в своем смысловом образе обусловлено культурой общества (*Bildung*), то самосознание человека, как считает П. Наторп, представитель марбургской школы неокантианства, возможно только на основе *самопонимания* и *должного противоположения* активной связи с другим сознанием. При этом социальное развитие он ставит в прямую зависимость от индивидуального развития человеческого познания и воли. Воспитание в его трактовке есть образование воли, образование же есть проблема долженствования либо собственного определения цели или образовательной идеи. Образовывать значит придавать форму, созидать из хаоса. Это значит доводить какую-либо вещь до свойственного ей совершенства, что близко по своему смысловому значению понятию «идея».

По мнению П. Наторпа, соотношение между понятиями «образование» и «идея» не только задает «внутреннее и существенное» в контексте формирования жизненного порядка гражданского общества, но и представляет целостную духовную жизнь, выступает своего рода внутренней связью и неразрывным единством жизни и сознания, ее индивидуальностью. Полагая вслед за Кантом, что «возвышение к общности есть расширение своего “я”», а не выход в нечто объективно-надиндивидуальное, как у Гегеля, он, таким образом, утверждает крепкую и существенную *взаимосвязь воспитания и гражданской общности*.

В книге «Главные понятия этики и социальной философии» П. Наторп вскрывает глубинную связь между практическим нравственным разумом человека и реальной жизнью в общности. Систему добродетелей в гражданском обществе он основывает на определении *индивидуальных добродетелей*, кото-

рые в конечном счете выступают как *основа* добродетелей общественных и социальных [5]. Идея раскрывается в тезисе, согласно которому человеческий образ социальной жизни обусловлен фундаментально соответствующим ему воспитанием индивидов, которые призваны в ней участвовать. Этим должна определяться и широкая задача образования.

Таким образом, проект социальной педагогики философ непосредственным образом связывает с социальной организацией гражданского воспитания. Первоначальной формой воспитывающего общества называются дом и семья. Школа же, как институт гражданского общества, стремится к национальному оформлению его «идеального воплощения в знании и воли вечного блага».

Современная немецкая педагогика продолжает традицию европейского идеализма, восходящую к неокантианской философии П. Наторпа и В. Виндельбанда. Она выдвигает и успешно отстаивает *методологический принцип*: вся система обучения и воспитания как предметных сфер процесса образования должна строиться философским образом: дидактика, а следом за ней и теория воспитания требуют трансцендентально-философского обоснования, поскольку образование как система рефлексии и интеллектуальной свободы по своей исходной значимости всегда превосходит «чисто опытное знание» [6, с. 15]. Кроме того, рационально обоснованная педагогика выступает своего рода форпостом в «борьбе с засильем» в системе образования идеологии эмпирического «научного догматизма», который во второй половине XX в. становится в современной науке ведущим мировоззрением и идеологемой мышления.

Наиболее реально данная «прагматическая» модель демократизации образования, как известно, получила развитие в США, где система образования, с принятием идей Ч. Дарвина и идеалов американской демократии, стала восприниматься только как заимствованный у науки метод «образования знаний» и как «система техники решения» всех жизненных проблем. Идеализм неокантианской философии, как видим, и в этом случае противопоставляет себя позитивистской науке и методологии.

В литературе отмечается, что педагогическое неокантианство (Р. Хенигсвальд, А. Петцельт, Х. Книттермайер) является философией свободы и личности. Оно отстаивает исходное положение кантовского критического идеализма о том, что основанная на свободе как автономии система образования и воспитания не только защищает демократическое государство, но и дает гарантии по защите основ жизненного мира, прав и достоинств человека как гражданина и как индивидуальной личности.

Таким образом, образование в немецком идеализме определяется в конечном счете *целью* воспитания, при этом сам процесс воспитания следует понимать в качестве интегральной деятельности общества, направленной на формирование личности человека. При этом востребованными оказываются такие системные качества образования, как гибкость, динамичность, вариативность, адаптивность, стабильность, преемственность и цельность, способы задавать инвариантный характер как образованию в целом, так и его образующим компонентам.

Образовательная картина мира, как справедливо полагается в трансцендентальном идеализме, выступает своего рода онтологией, в рамках которой обу-

чение и воспитание интерпретируются как особая *идеальная* действительность. Они – эксплицитно или имплицитно – всегда играют роль «рамочных теорий», или «форм конституирующих практик», представляющих собой *трансцендентальные условия возможности* познания. Знание, как предполагается, есть не только результат опыта и практика идеального конструирования действительности, но и стоящие за ним «дух и разум суть конструкторы действительности, в какой мы пребываем как человеческие существа» [7, с. 392]. Философский идеализм трансформирует просветительский идеал знания *до автономной идеальной модели образования* и передачи знания в процессе познания и обучения.

Эта идея наиболее полно проявилась в гегелевской «Феноменологии духа», в которой знание рассматривается как способ самораскрытия духа в формах его инобытия – религии, искусстве, науке и философии. Гражданские институционализации образования, как отмечают исследователи, представляют собой сосуществующие в единстве и противоречиях рационально обоснованные контексты культуры и системы знаний и иррационально-спонтанные, интуитивно-фантазийные формы – утопии, иллюзии и мифы [8, с. 4]. Понятие «образование» в таком контексте фиксирует и определенную семантику картины мира.

В одной перспективе оно указывает на исходный образец и задает некоторые возможные предписания (в немецком языке *Bildung* – культура, образование, формирование). Образование здесь не выступает в качестве собственной цели, поскольку цель образования определяется исходным идеалом или образом гражданских отношений. Образование и воспитание призваны реализовать этот идеал гражданского общества и укрепить в системах жизненного мира возможность научной и гражданской критики исходных предпосылок познавательной позиции, рефлексии относительных существующих в культуре форм и схем мироощущения и миропонимания.

Другой универсум семантики значений «образования» указывает на массовый характер «дрессуры» и культивирования востребованных задатков. Процесс образования ограничивается простым обучением и воспроизводством готового набора знаний, он не требует выхода за рамки жестких конструкций, исходных познавательных координат науки и культуры. Образование в данном контексте можно определить как способ и процесс приятия многообразия отдельных знаний и умений, включающий способность их интерпретации и дальнейшего развития.

В связи с этим становится возможным рассматривать образование как *систему институционализации* гражданского общества, которая в своей изначальной сути представляет собой многомерность культуры, задающей восприятие конкретным обществом сущности и смысла человеческого существования в условиях глобализирующегося мира. В такой перспективе многомерности культуры определяется многокачественный характер образования в обществе, задаются гражданские формы институционализации образовательных практик, устанавливаются внерациональные и нерациональные ориентиры для выработки образовательных стратегий, носящих самый разнообразный характер – этический, языковой, экономический.

Как видим, институционализация образования в гражданском обществе закрепляется не только культурной и исторической традицией, но и присущими обществу механизмами методологической и научной рефлексии.

Мировоззренческий аспект образования связан с философским обоснованием приоритетных принципов и ориентиров социального и духовного плана, с формированием целей и идеалов образования. Философский смысл системы образования определяется исходным ключевым контекстом культуры и рациональных начал в жизни человека, формирующего определенный конкретный образ – внешнего и внутреннего мира совместной жизни. Именно в процессе образования человек учится реализовывать духовную и интеллектуальную свободу, получает первичный опыт и формирует навыки нести ответственность за собственный мир и его целостность.

Библиографический список

1. *Лекторский В.А.* Научное познание как феномен культуры // Культура, человек, картина мира. М., 1987. С. 29–33.
2. *Кант И.* Сочинения: в 6 т. М., 1966. Т. 6.
3. *Скратон Р.* Кант: краткое введение. М., 2006.
4. *Гусейнов А.А.* Выражение кризиса и симптомы обновления // Вопросы философии. 1999. № 3.
5. *Белов В.Н.* Развитие трансцендентальных идей Канта в социальной педагогике Пауля Наторпа // Философия и проблемы современности: сб. науч. ст. Саратов, 2003. С. 22–28.
6. *Тетюев Л.И.* Иммануил Кант и проблемы современной педагогики: трансцендентально-философское обоснование принципов обучения и воспитания // Философия и проблемы современности: сб. науч. ст. Саратов, 2003. С. 14–15.
7. *Зандкюлер Г.Й.* Действительность познания. М., 1996.
8. *Никитин С.В.* Рациональные основания образовательных стратегий // Философия и образование: интеллектуальные традиции и новации: сб. науч. ст. Саратов, 2003. Вып. 2.

S.L. Talanov
Expert Assessment of Crime among
Minors: Structure, Trends, Prevention

The results of the sociological analysis of juvenile delinquency are cited. Approaches to solving the problems of social prevention of juvenile delinquency are proposed.

Key words and word-combinations: delinquent, juvenile offender, the prevention of offenses, child neglect.

Представлены результаты социологического анализа преступности несовершеннолетних. Предлагаются подходы к решению проблем социальной профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова и словосочетания: делинквент, несовершеннолетний преступник, профилактика правонарушений, безнадзорность несовершеннолетних.

УДК 316
ББК 67.51

С.Л. Таланов

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПРЕСТУПНОСТИ В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОФИЛАКТИКА

Беспрецедентный и продолжительный рост делинквентного поведения в совокупности с безнаказанностью делинквентов стал

важным фактором социально-психологической жизни общества. Интенсивный рост и широкое распространение корыстной преступности становится повседневностью, повышая порог терпимости к преступлениям – самому опасному виду девиантного поведения. Это порождает у населения недоверие к органам власти и управления, а также к правоохранительным структурам.

Накопленный за последние годы опыт свидетельствует, что некоторые идеи, положенные в основу борьбы с делинквентным поведением, требуют переосмысления, а практика управления данным процессом – известных поправок. Понимая под переосмыслением не отрицание необходимости реформ, но корректировку принципов, правильнее говорить не о борьбе с делинквентным поведением, а о противостоянии ему.

Давно подсчитано, что предупреждением правонарушений несовершеннолетних на конкретном территориальном уровне и непосредственно занимаются 40 различных государственных органов, учреждений, предприятий, общественных формирований; отдельные должностные лица и граждане. Столь впечатляющие большие показатели численности участников воспитательно-профилактической деятельности на первый взгляд дают основание предполагать высокую обеспеченность необходимым потенциалом. Однако отсутствие сколько-нибудь заметных сдвигов в состоянии и динамике правонарушений заставляет не спешить с этим выводом. Очевидно, что выход из создавшегося положения совершенно иной. «Государство заинтересовано в управлении преступностью, оно ждет указания рычагов управления ею, а точнее, перечня не всех, а «управляемых» причин... Отсюда, с точки зрения прагматических потребностей государства, вытекает нужда в оперировании некими факторами, занимающими в причинно-следственной цепи промежуточное положение между социальными противоречиями и массовым преступным поведением» [1, с. 111].

Для выяснения новых тенденций в преступности несовершеннолетних в 2005–2006 и 2008–2009 гг. на территории Ярославской области нами была проведена серия социологических исследований. В работе использовались количественные и качественные методы, хотя акцент делался на качественные стратегии – методы интервью и включенного наблюдения, позволяющие получить наиболее глубокий исследовательский материал. Количественные методы (анализ документов, статистика) выступали в качестве вспомогательных.

Разностороннему исследованию подлежали следующие объекты:

совершеннолетние (n = 863 в 2005–2006 гг. [2], n = 904 в 2008–2009 гг.), совершившие преступление в несовершеннолетнем возрасте. Проведен ретроспективный анализ, что дало возможность сравнить обстоятельства, способствующие преступлению подростков с учетом разных условий макро- и микросреды;

позиционные эксперты, в качестве которых выступили сотрудники правоохранительных органов (n = 108 в 2005–2006 гг. [3, с. 390–392], n = 112 в 2008–2009 гг.);

родительские семьи (n = 1234 в 2008–2009 гг.) несовершеннолетних, совершивших преступление в 2004–2009 гг. в Ярославской области.

Интересные исследовательские результаты были получены в ходе серии фокус-групп в 2009 г. При подготовке к ней проведены глубинные интервью с препо-

давателями Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, филиала Московской государственной академии водного транспорта в Рыбинске, Рыбинской государственной авиационной технологической академии имени П.А. Соловьева, филиала Волго-Вятской академии государственной службы в Рыбинске (n = 53) и специалистами в сфере молодежной политики (n = 14).

Нами были изучены статистические материалы, отражающие показатели преступности и социального контроля по Российской Федерации в целом, Ярославской области и другим сопредельным областям, а также материалы уголовных дел. Выяснялись причины, условия, способы, особенности мотивации при совершении преступления несовершеннолетними.

Из 1437 уголовных дел было отобрано 200 возбужденных по статье 158 «Кража» в период с 1997 по 2005 г., по которым в качестве обвиняемых проходили несовершеннолетние, проживавшие на момент совершения преступления на территории Ярославской области. Анализировались и материалы об отказе в возбуждении уголовного дела: из 3017 материалов для исследования было отобрано 500 за период с 1997 по 2005 г.

Важную часть проведенной работы составил контент-анализ газетных статей (n = 741; N = 39 452; период с 2008 по октябрь 2010 г.) в специализированном издании федерального уровня по проблеме преступности.

Данные проведенного исследования позволяют уточнить некоторые оценки и подходы к оценке преступности в среде несовершеннолетних, выявить основные вопросы, связанные с профилактикой и преодолением этого явления.

Одним из основных элементов системы органов, занимающихся проблемами преступности несовершеннолетних, является областная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. Реализуя требования Федерального и регионального законов, она действует совместно с заинтересованными органами и ведомствами, осуществляет систематическую и целенаправленную работу по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и созданию нормальных условий для их развития.

На местах проводятся межведомственные рейды по дискотекам, ночным клубам и компьютерным залам городов Ярославской области с целью контроля за их работой и пребыванием в них подростков; посещаются по месту жительства несовершеннолетние и их семьи, находящиеся в социально опасном положении; принимаются меры по оздоровлению обстановки в семьях, возвращению детей в семьи, проводятся дни профилактики в образовательных учреждениях. Разрабатываются межведомственные программы реабилитации несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении. Комиссия дает конкретные поручения всем субъектам профилактики и должностным лицам по организации индивидуальной профилактической работы, устанавливает сроки и контролирует исполнение своих постановлений. Приведенный перечень хотя и в достаточной мере обширный, но, к сожалению, исчерпывающий.

С нашей точки зрения, было интересно выявить, как оценивают работу комиссии сами субъекты профилактики и эксперты. С этой целью проанализировано мнение экспертов и родителей о деятельности комиссии по делам несовер-

шеннолетних в Ярославской области. Определяющее значение имели ответы на вопрос «Как вы оцениваете деятельность комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Ярославской области по профилактике преступности среди несовершеннолетних?». Полученные результаты представлены в таблице.

**Мнение респондентов о деятельности комиссии
по делам несовершеннолетних и защите их прав Ярославской области,
% от общего числа опрошенных по каждой группе**

Группа	Оценка			
	хорошо	удовлет- ворительно	неудовлет- ворительно	затруднились ответить
Эксперты	2,0	21	46	31
Родители	2,4	14	53	30
В том числе:				
по полу				
мужчины	2,3	16	64	17
женщины	2,4	14	51	31
по возрасту				
до 29 лет	5,4	12	58	25
30–34	1,7	12	51	32
35–39	3,1	16	54	27
40 и старше	1,6	15	55	26
по уровню образования				
общее среднее	3,7	12	48	34
техникум, н / высшее	1,2	14	57	27
высшее	1,4	12	58	28
по социальному положению				
рабочие	3,3	9	55	33
специалисты	5,6	12	57	24
служащие	–	17	56	27
без определенной работы	1,6	14	56	25
по уровню дохода				
до 10 000 руб.	1,7	12	63	23
от 10 000 до 15 000 руб.	0,8	15	52	29
от 15 000 до 17 000 руб.	4,7	12	53	30
от 17 000 до 25 000 руб.	3,6	13	49	34
по типу семьи				
полная	4,1	13	51	31
неполная	2,7	11	52	33

Внутрилетняя доля респондентов-родителей (30%) и респондентов-экспертов (31%) затруднились ответить на данный вопрос. Стало быть, почти каждый третий из родителей, имеющий судимого ребенка, и каждый третий эксперт не имеют сегодня достаточного определенного представления о деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите прав несовершеннолетних. Но все же среди экспертов выше, чем среди родителей, доля тех, кто положительно характеризует работу Ярославской областной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Опрос показал, что более строги в оценке деятельности комиссии родители-отцы: они на 15% чаще, чем матери детей, дают неудовлетворительные оценки мерам, проводимым комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав. В разрезе социально-профессиональных групп родителей менее компе-

тентными в оценке деятельности комиссии посчитали себя рабочие (33% затруднились ответить). Особый интерес представляют данные корреляционной связи оценок по уровню материального достатка семей (родителей): неудовлетворенность работой комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав со стороны родителей хотя не резко, но снижается по мере увеличения дохода на одного члена семьи. В целом же мнение обеих групп родителей и экспертов в отношении мер, осуществляемых комиссиями по делам несовершеннолетних, в большей мере негативное.

Как известно, осужденные не перевоспитываются в колониях. Статистика показывает, что в Ярославской области условную судимость по-прежнему получает только незначительная (около 9%) часть лиц, виновных в совершении преступления. На наш взгляд, следствием такого подхода становится высокий уровень рецидивной преступности.

В ходе исследования представлялось интересным выяснить мнение инспекторов отдела по предупреждению преступлений среди несовершеннолетних (ОППН) о причинах ухудшения ситуации с преступностью несовершеннолетних, так как именно они по роду своей деятельности занимаются непосредственной профилактикой преступности несовершеннолетних.

Ухудшение в области ситуации с корыстными преступлениями почти половина опрошенных инспекторов по делам несовершеннолетних связывает с «низким уровнем культуры, а также с отсутствием каких-либо духовных ценностей» (все инспекторы, независимо от пола, возраста, образования, ставят на первое место именно этот фактор). Вторым по значимости фактором, способствующим увеличению уровня преступности, эксперты считают «неполную семью». В то же время по материалам уголовных дел только 42% несовершеннолетних осужденных являются выходцами из неполных семей. Немаловажными факторами, воздействующими на уровень преступности, инспекторы называют «бездомность и беспризорность» (3-е место) и «нищету» (4-е место). Следующим по значимости фактором выступает безработица (5-е место).

Причины рецидива, по мнению экспертов, у несовершеннолетних разные: мягкость уголовного законодательства; отсутствие государственных социальных программ; безучастность граждан в поиске подозреваемых путем предоставления информации.

Эксперты-практики выделили четыре доминирующих условия, которые, по их мнению, наиболее сильно препятствуют борьбе с преступностью:

- 1) излишняя либеральность и неэффективность действующих уголовных законов (маленькие сроки уголовного наказания);
- 2) частое реформирование, «перетасовка» правоохранительных органов Ярославской области;
- 3) неудовлетворительные условия труда, социальная незащищенность, материальная необеспеченность сотрудников правоохранительных органов Ярославской области;
- 4) низкий авторитет милиции в обществе, пассивная позиция населения Ярославской области в отношении содействия работе милиции.

До сих пор о количестве преступлений известно больше, чем о лицах, их

совершающих. Чтобы восполнить этот пробел, нами изучалось мнение осужденных несовершеннолетних о мероприятиях, необходимых со стороны государства и общества для возвращения их к нормальной жизни. Полученные сведения в обобщенном виде представлены далее.

Сравнивая себя со своими сверстниками, «отличая» себя от других, не состоящих на учете в ОВД, несовершеннолетний переживает свою непохожесть, ограниченность своих возможностей (например, закончить школу, получить престижную работу). Осознание этого нередко вызывает у него состояние отчужденности. В конце концов у несовершеннолетнего формируется комплекс неполноценности.

Молодой человек самостоятельно, на основе получаемого жизненного опыта осознает и закрепляет в своем поведении образцы, схемы, закономерности того, что происходит с ним. Это фиксируется эмпирическим путем: «отец сидел, мать пила, брат сидел, и мне туда дорожка», «вор – это круто», «только сила и деньги», «не украдешь – не проживешь», «только блат», «только богатые родители». В результате у несовершеннолетнего формируются соответствующие принципы (правила) собственного отношения к реальности. Он стремится уйти, защитить себя от нее, отстраниться от такой, как у других, жизни. Последнее, если оно происходит, еще более отягощает его социальное положение, сталкивает его постепенно в так называемую «социальную яму».

Формирование комплекса неполноценности является производной от внешних по отношению к несовершеннолетнему основных условий, обстоятельств. Факт наличия «клейма» (судим или состоит на учете в ОВД) влияет на его характер и имеет значимость для процесса социализации.

В ближайшем социальном окружении несовершеннолетнего выделяются два значимых фактора: «социальная среда происхождения» и «социальная среда сверстников».

Среда происхождения характеризуется многими аспектами, в том числе определенным уровнем экономических доходов, культурно-образовательным статусом родителей, психологическим микроклиматом семьи, отношениями между родителями и детьми, уровнем культуры родителей. От того, что воспринимает несовершеннолетний от семьи, будет зависеть становление его личности, включенность в активную жизнь, его социальная интегрированность в общество. Фактор наличия или отсутствия друзей служит одновременно причиной и следствием формирования у несовершеннолетнего делинквента комплекса своей неполноценности и при определенном стечении обстоятельств может воздействовать на несовершеннолетнего делинквента неоднозначно. Например, отсутствие друзей может не вызывать у несовершеннолетнего какого-либо негативного чувства, или же, напротив, вызывает у него ощущение, что он – изгой общества.

Можно допустить ситуацию, когда наличие законопослушных друзей наглядно демонстрирует несовершеннолетнему естественные социальные преимущества такого поведения. То, насколько коррелирует этот признак с оценками самих же несовершеннолетних, можно определить по их ответам на вопрос «Есть ли у Вас друзья, приятели среди несудимых подростков?». На этот вопрос 71% несовершеннолетних делинквентов отметили вариант ответа «есть» и

26% – «нет», 3% не дали ответа. Эти процентные показатели лишний раз подтверждают, что более чем две трети несовершеннолетних делинквентов относительно успешно интегрируются в среду законопослушных сверстников. В связи с этим актуализируется задача родителей, состоящая в том, чтобы побеспокоиться о таком дружеском окружении своего несовершеннолетнего, которое помогало бы его интеграции в окружение законопослушных сверстников.

Мониторинговые исследования показывают, что лишь 30% родителей знают в лицо друзей своего ребенка, что приводит к неразборчивым дружеским контактам и приобщению через них к групповому отклоняющемуся поведению [4, с. 154]. Культура родителей, их позиция и отношение к дружбе своих детей со сверстниками играет не последнюю роль в процессе опосредованной социализации несовершеннолетних.

Распространение преступности среди несовершеннолетних связано не столько с неустроенностью досуга, сколько с его содержанием. Как видно по результатам анкетного опроса несовершеннолетних делинквентов, большинство из них проводит свободное время на улице, в кругу своих друзей и знакомых. Радует то обстоятельство, что определенная часть подростков (15%) заняты в спортивных секциях. Но нельзя не отметить, что судимые подростки значительное время проводят праздно, предаются сомнительным развлечениям, просто «болтаются» во дворах и на улицах. Эти наблюдения позволяют сделать вывод о том, что утрата созданной еще в советское время инфраструктуры подростково-молодежной занятости и спорта, недоступность спортивных услуг в настоящее время выталкивают многих несовершеннолетних на улицу, в девиантную среду с характерным для нее стилем поведения.

Полученные данные доказывают, на наш взгляд, компенсаторный характер девиантного поведения. В первую очередь это касается несовершеннолетних, которые восполняют недостаток общения, внимания со стороны близких, эмоционального тепла, разнообразных впечатлений, а также снимают стрессы, фобии различного вида. Им остро не хватает ярких впечатлений, а серость и обыденность бытия, отсутствие положительных эмоций и удовольствий подталкивают некоторых из них к совершению преступлений.

Для дальнейшего наращивания усилий по профилактике преступлений несовершеннолетних необходимо осуществлять следующие рейдовые мероприятия: по местам концентрации несовершеннолетних; по изучению условий проживания и воспитания детей в неблагополучных семьях; по выявлению фактов продажи спиртных напитков и табачных изделий несовершеннолетним; по контролю за выполнением обязанностей, возложенных судом несовершеннолетними, осужденными условно, к принудительным мерам воспитательного воздействия; по контролю за воспитанием детей в семьях женщин, которым исполнение приговора отсрочено; а также контролировать проведение рейдовых мероприятий; заниматься организацией досуговой деятельности несовершеннолетних.

Кроме того, одной из форм профилактической работы с несовершеннолетними в Ярославской области может стать работа общественных приемных, для чего необходимо разработать и принять Положение об общественных приемных для несовершеннолетних, их законных представителей и педагогов. В

состав рабочей группы по организации общественных приемных должны входить специалисты правоохранительных органов, образования, здравоохранения, службы занятости, психологи, социологи, духовенство, общественность.

С нашей точки зрения, профилактическая работа должна строиться с применением всех современных форм социального контроля, включая информационный социальный контроль, осуществляемый в ходе деятельности средств массовой информации по освещению темы социальных отклонений и правоохранительной проблематики. Управление информационными потоками позволяет акцентировать внимание общественности на тех или иных вопросах общественной безопасности, подключать общественную поддержку к осуществлению социальных программ и мер, осуществляемых правоохранительными органами и властями, общественными организациями.

Библиографический список

1. Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб., 2001.
2. Таланов С.Л. Региональные особенности формирования личности несовершеннолетнего делинквента в условиях трансформации российского общества: (на примере Ярославской области): дис. ... канд. социол. наук / Институт социологии РАН. М., 2008.
3. Talanov S. Educational level of modern delinquents: results of surveys in the Yaroslavl region // The Quality of Social Existence in a Globalizing World: papers prepared by Russian sociologist for the ISA Congress, Durban, South Africa. M., 2006.
4. Деметьева И.Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели / Институт социологии РАН. М., 2004.

N.E. Timerbulatova
Russian Youth as an Object
of Public Policy at the Beginning
of the XX Century:
the Dynamics of Socialization

The process of the spring and formation of the science-based state youth policy in Russia is considered. The most notable concepts of sociology of youth of the beginning of the twentieth century are shown.

Key words and word-combinations: socialization, sociology of youth, the state youth policy.

Рассматривается процесс зарождения и становления научно обоснованной государственно-молодежной политики в России. Показаны наиболее заметные концепции социологии молодежи начала XX века.

Ключевые слова и словосочетания: социализация, социология молодежи, государственная молодежная политика.

УДК 316.347(470+571)
ББК 60.56

Н.Э. Тимербулатова

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ДИНАМИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ

В российской социологии интерес к молодежным проблемам впервые возник в начале XX в. Он был вызван развитием капиталистических отношений в России и кризисом традиционной семейной социализации, а также развитием массовой системы про-

фессионального образования. Именно тогда заговорили о высвобождении молодого поколения из-под влияния семьи и выделении его в качестве объекта социализации со стороны государства.

П. Сорокин, описывая процесс распада традиционных семейных связей, в качестве отдельного аспекта выделил проблему разрыва существовавших в рамках семьи связей между родителями и детьми и передачу воспитательных и опекунских функций по отношению к подрастающему поколению в руки государства [1, с. 174]. Широкая сеть детских учебных учреждений, воспитательных заведений и тому подобных означает, по существу, что не только функция первого воспитателя и «скульптора» отнимается у семьи, но даже время, проводимое ребенком в кругу семьи, резко сокращается. Воспитание и обучение, считал ученый, перестало быть исключительно семейной прерогативой. Замена семейного воспитания и обучения профессиональным обучением имеет, по мнению Сорокина, свои позитивные стороны, так как должна привести к усилению степени «социализованности» молодого поколения, пропитыванию его общественными мотивами и интересами, большей просвещенности [1, с. 171–172].

В этом высказывании из ранней статьи П. Сорокина представляет интерес последовательный переход от рассмотрения «ребенка, личности» как индивида, являющегося объектом социализации в рамках семьи, к анализу «молодого поколения» как социальной общности. Члены такой общности обладают сходным статусом «социализируемых», а их социальное становление зависит от ряда возможностей и ограничений, предоставляемых обществом в данный исторический период.

Ситуация кризиса образовательных функций семьи и перехода к системе «общественной» социализации почти одновременно с П. Сорокиным была отмечена в работах М.М. Рубинштейна «Кризис семьи как органа воспитания» [2, с. 56] и А. Чекина «Семейный распад и женское движение» [3, с. 49]. Вместе с тем в публикациях того времени начинает появляться проблематика студенческой и учащейся молодежи [4], при этом особенное внимание традиционно уделялось проблемам быта и материального положения русского студенчества на основе анализа бюджетов, а также используемого учебного и внеучебного времени [5].

В социальной статистике категория рабочей молодежи появилась еще раньше. Так, в переписи 1897 г. присутствовала категория работающей молодежи. К ней относились рабочие в возрасте от 10–12 лет до 20 лет. В российской публицистической и научной литературе этого периода появлялись публикации по проблемам тяжелого положения рабочих-подростков на производстве и в бытовой сфере, их большей правовой незащищенности по сравнению с более старшими возрастными группами [6–7].

Новый всплеск интереса к молодежи в 1920-е годы формировался в связи с практической управленческой деятельностью партийных, советских и общественных организаций. Он имел четко выраженную прикладную ориентацию. А.В. Луначарский по этому поводу писал: «Наша страна хочет познания, кто такие «мы», что такое Советский Союз, как растет отсталая часть пролетариата, что делает сейчас мещанин, как воспитывается в новой жизни молодежь

мужская и женская, разных категорий, направлений и темпераментов... Об этом говорят публицисты, ученые-социологи, экономисты, об этом говорит статистика» [8, с. 68].

В значительном числе работ, появившихся в это время, особое внимание уделялось проблемам труда, быта и воспитания молодежи. Они носили как обобщенный, так и конкретизированный характер. Интерес к трудовой активности молодежи объяснялся прагматической потребностью преодолеть техническую отсталость производства, низкую культуру труда, дезорганизацию производства, доставшуюся как наследие царского режима и разрушительных войн. Молодежь составляла существенную долю трудовых ресурсов: каждый пятый был в возрасте с 14 до 22 лет, при этом основная часть (28 млн) находилась в деревне и лишь 4 млн человек в городе [9, с. 14].

Проблемам идеологического воспитания молодежи и ее отношению к новой власти также уделялось большое внимание. Масса исследований были инициированы развернувшейся в обществе дискуссией о моральном облике нового молодого поколения. В центре внимания находились вопросы любви и полового воспитания, ценности жизни, коллективной ответственности за каждого человека.

Если сравнивать с другими областями социологии, обследования молодежи в 1920-е годы были массовыми и многочисленными. Данный факт объясняется тем, что использование социологического инструментария, и прежде всего техники формального анкетного опроса, наталкивалось на почти полную неграмотность основной части населения, неспособность заполнить бланки. Среди молодой части населения процент грамотности был значительно выше, что давало возможность расширять технику опросов (тестирование, использование личных документов, анкетирование, проведение повторных длительных обследований). Впечатляет и охват объекта исследования, – например, Всесоюзный опрос молодежи, проведенный в 1927 г., затронул 120 тыс. учащихся [10, с. 145–155].

Следующий по хронологии всплеск интереса к молодежи приходится на середину 1930-х годов, когда во взрослую жизнь вступало первое поколение молодежи, выросшее в советских условиях. Исследование и демонстрация в нужном ракурсе его социального облика были важны с идеологической точки зрения: требовались научно подтвержденные доказательства социальных и гуманитарных достижений нового режима. Практический интерес был вызван необходимостью выявить социальные характеристики и настроения молодежи.

Молодежь рассматривалась исключительно как объект социализации со стороны государства. Ее социальные характеристики «подгонялись» под политические идеалы социалистического государства и определялись степенью достижения поставленных идеократическим государством целей: политической активности и участия молодых людей в процессе социалистического строительства.

Это особенно ясно видно на примере первого статистического сборника «Молодежь в СССР», изданного в 1936 г. к X съезду ВЛКСМ и составленного на основе текущих статистических материалов [11, с. 32]. Он имел ярко выраженный идеологический характер. В сборнике важное место отведено перечислению социальных требований государства к подрастающему поколению.

Социальная реальность, очевидно, подгоняется составителями под существующий социальный идеал, что вряд ли соотносится с критериями научности. Так, приведенные таблицы легко маневрируют молодежными возрастными, сравнивая разные данные: городская молодежь – нижняя возрастная граница не указана; верхняя – составляет 20–22 года, иногда 25 лет; сельская молодежь изучалась в возрастном промежутке от 10–12 до 20 лет; уровень дореволюционного гимназического образования легко приравнивается к послереволюционной средней школе.

Образовательный уровень советской молодежи требовал особого внимания и изучения в связи с тем, что руководством страны ставились политически значимые задачи модернизации страны. Статистические данные о развитии новых массовых форм образования представляют существенный интерес, свидетельствуют о расширении образовательных возможностей для выходцев из бывших социальных низов общества. Начальные школы были преобразованы в неполные средние школы, средние школы – в десятилетки (1932–1933 гг.).

Молодежь 1930-х годов – первое поколение, выросшее в условиях перехода к массовому профессиональному образованию. В стране появились новые каналы получения образования (фабрично-заводские училища, школы для взрослых, рабфаки, курсы технической подготовки работающей молодежи). Отмечено расширение приема пролетарской молодежи в высшие учебные заведения, что, однако, привело к существенному снижению качества высшего образования.

Проблема политического воспитания молодежи, почти полностью отсутствующая на Западе, была наиболее широко представлена в советской социологии молодежи. Как только в стране начали проводиться социологические исследования, их тотчас взяли на вооружение комсомольские структуры. В Высшей комсомольской школе был создан научно-исследовательский центр, который систематически проводил опросы среди молодежи исключительно по проблемам идеологии, нравственности и коммунистического воспитания. Их основными заказчиками и организаторами выступали аппараты ЦК КПСС и Высшей партийной школы.

Социологами из ВКШ при ЦК ВЛКСМ были выпущены даже типовые методики изучения социально-политической и трудовой активности, идейно-политического уровня молодежи. Исследования «Моральные ориентации и формирование активной жизненной позиции молодежи», «Формирование достойного пополнения рабочего класса и колхозного крестьянства» можно назвать «формирующими». Они не столько позволяли изучить состояние молодежи, сколько сами по себе несли четкие установки политической ориентации и морально-нравственных императивов. Подобного рода «комсомольские» исследования имели скорее политический, чем собственно научный характер и были подогнаны под интересы политиков, подверстывались под разработку планов социального развития в разделе «Коммунистическое воспитание молодежи».

Ведущий тренд развития советской социологии молодежи состоял в том, что большая часть социологов с легкостью подхватила идеологический заказ, сформулированный властью. Как следствие, конкретные социологические замеры относительно молодежи, как правило, представляли собой однотипные

эмпирические исследования по проблемам коммунистического воспитания. Их проводили в основном люди весьма невысокого профессионального уровня, и, на взгляд серьезных социологов, заниматься проблемами молодежи считалось не престижным.

С другой стороны, наметилась тенденция активного противостояния упомянутому социальному заказу. Социологи, не желающие исследовать проблемы коммунистического воспитания молодежи, сосредоточились на изучении молодежи как субъекта общественной жизни. В центре их внимания находились интересы этой социальной группы. Так, в Институте конкретных социальных исследований возникают два подразделения: «Социальные проблемы образования» и «Прогнозирование социальных потребностей молодежи». В первую очередь они занимались изучением профессионального самоопределения новых поколений советских граждан.

Академические исследования имели характер объективного анализа молодежной проблематики. Они фиксировали и изучали баланс тенденций социализации (интеграции) и индивидуализации (автономии по отношению к социальному целому) молодого поколения. Это направление молодежных исследований в советской социологии и составило реальную научную основу для становления социологии молодежи как особой дисциплинарной отрасли.

Реализация молодежной политики как одного из приоритетных направлений деятельности государственных структур в современной России несколько «заторможена», что, на наш взгляд, отчасти вызвано недостаточностью научного сопровождения. Современным российским социологам следует развивать достижения отечественной социологии молодежи и находить пути интеграции теоретических исследований в сферу практической государственной деятельности.

Библиографический список

1. *Сорокин П.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 1.
2. *Рубинштейн М.М.* Кризис семьи как органа воспитания // Вестник воспитания. 1915. № 3.
3. *Чекин А.* Семейный распад и женское движение // Русское богатство. 1914. № 5.
4. *Сперанский А.* Кризис русской школы // Звезда. 1912. № 9.
5. *Кауфман А.А.* Сборник статей. М., 1915.
6. *Янжул И.И.* Фабричный быт московской губернии. М., 1912.
7. *Бернштейн-Коган А.* Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910.
8. *Луначарский А.В.* Искусство и молодежь. М., 1929.
9. *Шварц Г., Зайцев В.* Молодежь СССР в цифрах. М., 1924.
10. *Блинов Н.М.* Социологические исследования труда и воспитания советской молодежи 20-х годов // Социологические исследования. 1975. № 1.
11. Молодежь СССР: стат. сб. / ЦУНХУ Госплана; под ред. В. Косарева. М., 1936.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

N.G. Barashov
**The Cycle Dynamics of Economy
in the Globalization Conditions**

There cyclic character of the world economy development and its conditionality upon the globalization processes are analyzed. Special attention is given to the medium and long-term cycles in economic systems of the USA, the European Union, and Japan.

Key words and word-combinations: globalization, cyclic character, medium and long-term waves of economic development.

Анализируется цикличность развития мировой экономики и ее обусловленность процессами глобализации. Особое внимание уделяется исследованию среднесрочных и длинных циклов в экономических системах США, Европейского Союза, Японии.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, цикличность, средние и длинные волны экономического развития.

УДК 330.33
ББК 65.011

Н.Г. Барашов

ЦИКЛИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация на современном этапе выступает как ведущая тенденция развития мировой цивилизации и мировой экономики. Благодаря этому объективному процессу снижаются издержки производства, оптимизируется размещение ресурсов в мировом масштабе, расширяется ассортимент и повышается качество товаров на национальных рынках, становятся широко доступными достижения науки, техники и культуры. Взаимосвязанность хозяйственной деятельности в настоящее время не только проявляется намного сильнее, чем раньше, но и охватывает практически все страны мира, становясь глобальной. Разумеется, в первую очередь речь идет о переплетении экономик промышленно развитых стран. Но и остальной мир с разной скоростью и интенсивностью втягивается в общемировые процессы.

Можно выделить характерные черты экономической глобализации:

1. Беспрецедентная транснационализация производства, торговой и банковской деятель-

ности. Под этим термином понимается обрастание национальных «родительских» компаний многочисленными дочерними фирмами и филиалами в разных странах мира.

2. Глобальный характер ряда экономических проблем (ограниченность природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, опережающий рост численности населения по сравнению с ресурсными возможностями планеты, не уменьшающийся, а порой даже увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми странами). Эти проблемы не могут быть решены силами отдельных стран.

3. Процесс регионализации хозяйственной жизни. Региональные интеграционные группировки являются сравнительно новым структурным элементом глобальной экономики. Проблемы экономического взаимодействия, которые не удается урегулировать на глобальном уровне, все чаще находят решение в рамках региональной интеграции.

Преимущества экономической глобализации не реализуются автоматически, и не все страны в равной мере их ощущают. Глобализация открывает дополнительные возможности и сулит немалые выгоды экономике отдельных стран. Для стран, которые не располагают возможностями контроля за тем, что происходит вне их границ, стихийные глобальные процессы могут иметь скорее негативные, чем позитивные последствия. В целом же возникают издержки и угрозы национальным экономикам, причем не только бедных, но и богатых стран.

Нет убедительных свидетельств и того, что глобализация способствовала обеспечению устойчивого экономического роста в мировой экономике. Согласно данным, приводимым А. Мэддисоном, среднегодовые темпы роста мирового ВВП, составлявшие в первой четверти XX в. 2,2%, в последние два десятилетия этого же столетия (период развития глобализационных процессов) практически сохранились на том же уровне в 2,2–2,5% [1, с. 102]. Разумеется, эти обобщающие показатели не отражают ускорения экономического развития в отдельных частях мира, как и продолжающегося застоя в других его частях.

Глобальные показатели зависят пока преимущественно от внутренних факторов и политики экономически наиболее сильных стран. Проблема устойчивого, динамичного роста мировой экономики все еще ожидает решения, и, видимо, потенциал экономической глобализации пока еще недостаточно используется для этого.

Выгоды от глобализации распределяются неравномерно, а в глазах многих стран – несправедливо. Все достижения экономического глобализма последних двух десятилетий XX в. и начала XXI в. не сняли с повестки дня задачу преодоления опасных разрывов в уровнях экономического развития стран. Эта проблема в 1970-е годы находилась в эпицентре движения за новый международный экономический порядок. На 20% населения планеты, живущего в богатых странах, приходится 86% мирового ВВП, а на беднейшие 20% – всего 1% [2, с. 57]. Сохраняющееся неравенство – не только наследие колониализма и исторической судьбы, но и результат далеко не справедливого и не

равноправного сотрудничества в наши дни. Односторонние преимущества глобализации усугубляют неравенство условий, оставляя многие страны и регионы на периферии прогресса и даже вне его сферы. Проблема более справедливого распределения выгод и издержек процесса экономической глобализации сохраняет актуальность и продолжает волновать международное сообщество.

Вопрос о том, в какой степени процесс глобализации хозяйственной жизни воздействует на степень дифференциации экономического развития, не имеет однозначного ответа. Исследования, в частности, показывают, что после 1965 г. уровень душевого дохода в обеих группах (богатых и бедных) стран удвоился, но разрыв остался неизменным [3, с. 104].

Средние показатели скрывают серьезные неблагоприятные тенденции: улучшилась ситуация лишь в Азии, тогда как отставание от промышленно развитого Севера бедных стран Западного полушария, Ближнего Востока и Африки увеличилось, особенно после 1970-х годов. Так называемый Юг делится на группу относительно благополучных стран, все более втягиваемых в глобальные процессы, и группу «неудачников», остающихся на обочине мирового прогресса. В настоящее время можно наблюдать, что и в XXI в. процесс глобализации протекает в поляризованном с точки зрения экономических возможностей и мощи мире. Это, вероятно, важнейший источник будущих рисков, проблем и конфликтов.

Широко пропагандируемым преимуществам глобализации сопутствуют нежелательные последствия. Высокая степень экономической взаимозависимости стран, гигантские нерегулируемые потоки горячих спекулятивных капиталов сделали глобальную экономику уязвимой. Финансовый крах в Юго-Восточной Азии, а затем бразильский, аргентинский кризисы, мировая экономическая рецессия подтвердили реальность угрозы разрушительной цепной реакции. Перед мировым сообществом встал вопрос: как ослабить уязвимость национальных экономик, проистекающую из их возрастающей взаимозависимости?

В свою очередь цикличность является неотъемлемой характеристикой экономической системы и оказывает влияние на ее развитие. При этом факторы и механизм протекания экономического цикла претерпевают определенные изменения в условиях глобализации мировой экономики. Изучение данных аспектов экономической динамики представляется весьма актуальным для современной российской экономической науки, для выбора и реализации стратегии обеспечения устойчивости посткризисного экономического развития.

При анализе цикличности экономического развития в условиях глобализации следует использовать данные за последние 35–40 лет, так как именно в этот период процессы экономической интеграции приобрели значительные масштабы и интенсивность. В качестве примеров рассмотрим экономики Атлантического и Азиатского регионов – развитые и развивающиеся. Исследуемым параметром выступает динамика ВВП, который можно считать обобщенным показателем экономической конъюнктуры.

Общей особенностью экономик рассматриваемых стран в период с середины 1970-х годов до середины 2000-х годов является подавляющее преобладание

ние положительных темпов роста над отрицательными. Фазы роста достаточно затяжные и интенсивные, фазы спада – короткие. Эта особенность в точности соответствует одному из основных признаков восходящей фазы цикла Кондратьева.

Динамика ВВП США позволяет выявить основные закономерности в колебаниях конъюнктуры экономики в период с 1974 г. до середины 2008 г. [4, с. 56–128; 5, с. 99].

Начало цикла можно датировать 1975 годом. Для волны 1975–1982 гг. пять лет характеризовались позитивной конъюнктурой (1975–1978 и 1981) и три года – негативной (1979–1980, 1982). При этом интенсивность роста в отмеченные положительные годы была существенно выше, чем интенсивность спада в другие три года. Формально это соответствует одному из основных признаков восходящей фазы длинного цикла, отмеченного Кондратьевым. В то же время соотношение между годами роста и годами спада в этой волне не столь показательное, как в следующих, поэтому однозначно говорить в данном случае о волне восходящей фазы длинного цикла, по-видимому, не совсем корректно. Как известно, окончание этой волны (условно ее все же можно принять за первую волну восходящей фазы пятого Кондратьевского цикла) было обусловлено нефтяным шоком 1979 г. В 1981 г. последствия этого шока, казалось, были преодолены. Тем неожиданнее оказалась экономическая депрессия 1982 г. «Трудное» окончание этой волны еще раз подчеркивает неоднозначность вопроса точной датировки длинного цикла.

В отличие от среднего цикла 1975–1982 гг. следующий (1983–1990 гг.) был уже классической волной восходящей фазы длинного Кондратьевского цикла. Замедление темпов роста в 1984 г. было естественным после беспрецедентного ускорения экономики в 1983 г., поэтому 1984 г. никак нельзя назвать годом слабой экономической конъюнктуры. По сути, из восьми лет этой волны лишь один (1990 г.) оказался по-настоящему годом спада. Весьма показательное, что экономика не продемонстрировала мгновенной реакции на фондовый кризис, разразившийся осенью 1987 г. Как видим, лишь через три года этот кризис дал о себе знать. Интересно, что подобная закономерность повторилась в конце 1990-х годов и в 2005–2008 гг.

Третья волна (1991–2001 гг.) оказалась самой затяжной. Из 11 лет этой волны годами относительно слабой конъюнктуры можно назвать 1995, 2000 и 2001 гг. Впрочем, последний год в дальнейшем может быть отнесен уже к другой фазе и среднего, и длинного циклов. Дело в том, что восстановление экономики США в начале 2002 г. оказалось краткосрочным и вся вторая половина года характеризовалась уже как стагнация.

Таким образом, последним годом третьего среднего цикла и всей восходящей фазы длинного цикла в дальнейшем можно считать 2000 г., самым ярким событием которого стал крах акций высокотехнологичных компаний. Это выразилось, например, в апрельском обвале индекса NASDAQ, давшем начало затяжной «медвежьей» фазы на фондовом рынке.

Четвертая волна началась в 2002 г. и продолжается по настоящее время, поэтому полноценный ее анализ пока невозможен. Отметим лишь, что пери-

оды 2002–2004 гг., 2006–2007 гг. характеризовались положительными темпами роста, а 2005 г., 2008–2009 гг. – падением ВВП США.

Общей чертой всех рассмотренных средних волн (длиной 8–11 лет) является их разбиение на короткие циклы, продолжительность которых составила от двух до пяти лет. Стоит обратить внимание на то, что короткая волна, начавшаяся в 1996 г., оказалась самой интенсивной (в рамках третьего среднего цикла) и самой продолжительной. Если это наблюдение подтвердится в динамике экономической конъюнктуры других стран, то оно может стать еще одним доказательством правильности циклов Кондратьева.

Сформулировать эту предполагаемую закономерность можно следующим образом: наиболее длительный за последние 20–25 лет период положительной экономической конъюнктуры является четким сигналом завершающейся восходящей фазы длинного цикла и предвестником кризиса. Стоит подчеркнуть, что наиболее тяжелые экономические кризисы характеризуют все-таки конечную фазу нисходящей волны длинного цикла, как это было в экономике США в 1929–1933 гг., во время нефтяного шока 1973 г. и в 2008 г.

Интеграционные процессы, происходящие в Евросоюзе в последние десятилетия, оказали заметное влияние на динамику национальных экономик стран Западной Европы. Введение единой валюты – евро практически совпало с выравниванием фаз экономических циклов всех стран, вошедших в Евросоюз. Уже с 1991–1993 гг. экономики Великобритании, Германии, Франции (основных «локомотивов» Европы) в своей динамике совпали или, вернее, выровняли фазы и полностью повторяют общую динамику Евросоюза. Вместе с тем динамика экономики Евросоюза за последние пятнадцать лет четко соотносится с темпами роста экономики США. Темпы роста экономики Европы «отстают» от темпов роста США примерно на 1–2 года [4, с. 154–157; 6, с. 37–66].

В экономике Великобритании за последние три с половиной десятилетия просматриваются те же среднесрочные волны, что и в экономике США [4, с. 160–162]. Сдвиг этих волн по отношению к американским циклам незначителен и не превышает одного года. Так, первая средняя волна сдвинута на один год влево – восстановление после нефтяного шока началось примерно на год раньше, чем в экономике США. Спад в 1980 г. полностью совпал с аналогичным спадом в экономике США, и подъем 1981 г. был общим как для США, так и для Великобритании. В отличие от Америки, никаких потрясений в Великобритании в 1982 г. не было. Как оказалось, депрессия 1982 г. вообще являлась внутренним делом США и ни в одной из прочих развитых экономиках себя не проявила. Это заставляет предположить, что точная дата окончания первой средней волны для США – все-таки 1980 г. Подъем-спад 1981/82 гг. – это уже короткая волна, входящая во вторую среднюю волну.

Следующие две средние волны в экономике Великобритании практически полностью повторяют динамику американской экономики. Весьма интересно, что происшедшая в 1992 г. знаменитая девальвация британской валюты никак не нарушила циклы, присущие рассматриваемому периоду. На протяжении всех 1990-х годов и в начале XXI в. динамика экономической конъюнктуры в Великобритании совпадала с общемировой. Возможно, это свидетельствует о

неслучайном характере одного из крупнейших валютных кризисов последних десятилетий.

На наш взгляд, для текущего момента должен быть логичным сдвиг кривых конъюнктуры крупнейших мировых экономик по отношению к американской вправо. Дело в том, что в 1990-е годы, как никогда, прочно оформилось и технологическое, и финансовое, и военное лидерство США в мире. За Соединенными Штатами прочно закрепился термин «локомотива мировой экономики». Этому положению вещей должна отвечать такая динамика мировой экономики, когда США первыми начинают, но и первыми заканчивают цикл.

Что касается коротких циклов, наблюдаемых в динамике рассматриваемой экономики, то здесь отмечаются те же закономерности, что и в приведенном ранее примере. Каждая средняя волна состоит из двух-трех коротких, продолжительность последних составила в данном случае от 1,5 до 6,5 лет (3–4 года в среднем).

В последние 20 лет прошлого века экономика Франции демонстрировала динамику, довольно близкую к уже рассмотренным колебаниям конъюнктуры в США и Великобритании [4, с. 163–165]. Так же как две отмеченные экономики, французская испытала замедление в 1990 г., однако удержала положительную динамику. Впрочем, избежать спада Франции не удалось – он последовал в 1993 г. вслед за кризисом европейской валютной системы (крах британского фунта). Последняя завершившаяся во Франции волна 1994–2001 гг. мало чем отличается от британской. Годы замедления (т.е. поворотных точек коротких циклов), в обеих экономиках одинаковые – 1995 и 1998 гг. Продолжительность коротких циклов составляла 2–6 лет. Последняя средняя волна еще не завершилась – темпы роста остаются отрицательными.

Обобщая рассмотренные примеры США, Великобритании, Франции, можно отметить, что в целом на протяжении последней четверти века цикличность развития этих экономик совпадала: все основные фазы – одинаковые, отклонения наблюдались в пределах одного-двух лет. Вопрос состоит в том, присуща ли эта закономерность прочим мировым экономикам?

В конце XX – начале XXI в. динамика японской экономики кардинально отличается от рассмотренного американско-европейского примера. Если последний демонстрировал явную тенденцию к ускорению, то Япония двигалась, скорее, в сторону замедления. На протяжении пяти лет (1998–2002) негативная экономическая конъюнктура преобладала над позитивной. Интенсивность падения показателей японской экономики в эти годы была выше интенсивности ее роста. Все это является признаком, позволяющим классифицировать рассматриваемую среднюю волну (с 1993 г.) как нисходящую фазу Кондратьевского цикла. Соответственно период 1975–1992 гг. следует рассматривать как завершающую стадию восходящей фазы длинного цикла. В 1980-е годы динамика Японии почти совпадает с динамикой в США, но уже в 1990-е годы эти экономики находятся в противофазах [4, с. 175–178].

Рассмотрение данного примера позволяет сформулировать несколько выводов:

во-первых, даже в условиях глобализации справедливо фиксировать не единый общемировой экономический цикл, а отдельные, географически локализованные; американско-европейский цикл характерен именно для США и Европы, но экстраполировать его на всю мировую экономику не корректно;

во-вторых, существование самостоятельного азиатского длинного цикла может свидетельствовать о многополюсности современной мировой экономики;

в-третьих, в настоящий момент нисходящая фаза американско-европейского цикла в полном разгаре, в то время как нисходящая фаза длинного азиатского цикла только начинается;

в-четвертых, можно предположить, что в отличие от восходящих фаз длинного цикла, состоящих из двух-трех средних волн (в пятом Кондратьевском цикле преобладали три восходящие волны), нисходящая фаза состоит из одного-двух средних циклов. Это предположение можно сделать, исходя из эволюционного характера развития мировой экономики. Действительно, если глобальный тренд направлен вверх, то по аналогии с Кондратьевскими волнами фазы подъема должны быть более затяжными и интенсивными по сравнению с фазами спада. Уточним, что Кондратьев распространял это утверждение на средние и короткие колебания экономической конъюнктуры в восходящих и нисходящих фазах длинного цикла.

После того как мы выдвинули гипотезу о существовании, как минимум, двух длинных циклов (американско-европейского и азиатского), сдвинутых друг относительно друга примерно на 10 лет, интересно посмотреть, к какому из них тяготеют так называемые южно-азиатские «драконы».

Одной из наиболее характерных таких экономик является Гонконг. Было бы логично предположить, что в силу географического фактора данная экономика движется в рамках азиатского цикла. В то же время в современной мировой экономике наличие и интенсивность внешнеторговых связей не всегда диктуется только географической близостью. Экономическая ориентация стран Юго-Восточной Азии на американские рынки не менее сильна, чем на рынки японские.

При анализе динамики экономической конъюнктуры Гонконга в первую очередь бросается в глаза крайне высокая волатильность (особенно в 1970-е гг.). Темпы роста ВВП колеблются в исследуемом периоде от -7% до $+20\%$, при этом общая тенденция направлена все-таки в сторону снижения амплитуды колебаний. На наш взгляд, это может служить иллюстрацией экономического резонанса. В целом динамика экономической конъюнктуры Гонконга носит уже неоднократно встречавшийся характер – наблюдаются те же средние волны (в данном случае протяженностью 10–12 лет) и короткие (2,5–6 лет) [4, с. 183]. Вопрос: на какой из циклов ориентируется в большей степени гонконгская экономика – не имеет однозначного ответа. В последние три десятилетия Гонконг занимает, по-видимому, промежуточное положение между американско-европейским и азиатским большими циклами, что вполне логично, учитывая возвращение Гонконга в состав Китая.

Можно предположить, что по траектории азиатского цикла должны двигаться такие экономики, как Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия, Тай-

вань, Южная Корея, возможно, Вьетнам и Китай. На первый взгляд трудно сказать, на какой из длинных циклов должна ориентироваться Индия. Однако анализ динамики ее ВВП дает совершенно однозначный ответ – речь идет об американо-европейском цикле. Динамика экономической конъюнктуры Индии практически точно повторяет рассмотренные циклы в США и Евросоюзе и не требует дополнительных комментариев.

Динамика еще одной развивающейся экономики – Мексики, которая в силу существующих внешнеторговых связей должна неизбежно двигаться в рамках американо-европейского цикла, преподносит сюрприз. Как и в экономике Гонконга, характерной чертой является высокая волатильность. Так же как и в случае Гонконга, трудно определить принадлежность Мексики к тому или иному циклу. Периоды спадов и подъемов здесь весьма радикально расходятся с американскими (к примеру, «слабый» для США 1990 год характеризовался максимальными темпами роста ВВП Мексики), и столь же далеки от японских [7, с. 387–391].

На наш взгляд, этот пример является еще одним подтверждением того факта, что развивающиеся экономики занимают некое промежуточное положение в мировом экономическом цикле. Это представляется вполне логичным, если учитывать подверженность их явлениям экономического резонанса, создающего теоретическую возможность «выпадения» этих экономик из мировой хозяйственной системы.

В заключение следует отметить, что развитие мировой экономики приводит к изменению природы циклов, а также изменению их длительности, амплитуды, управляемости. Появляются новые причины, определяющие самоподдерживающийся характер циклов. Важную роль приобретает анализ экономических циклов в условиях глобализации, в связи с чем необходимо адаптировать теории экономических циклов и кризисов к условиям глобализации, выявить факторы, определяющие циклы и их фазы в мировой экономике, разработать меры и инструменты государственного регулирования циклических колебаний, что позволит обеспечить устойчивые темпы экономического роста и стабильность экономики.

Библиографический список

1. *Фаминский И.П.* Глобализация экономики и внешнеэкономические связи России. М., 2004.
2. *Соколинский В.М.* Феномен глобализации: надежда и сомнения // Финансовый бизнес. 2004. № 3.
3. Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики / пер. с англ. М., 2004.
4. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / под ред. акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М., 2007.
5. *Кругман П.* Возвращение великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата / пер. с англ. М., 2009.
6. Страны мира, 2001: стат. справ. ООН / пер. с англ. М., 2003.
7. *Бобровников А.В.* Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М., 2004.

V.V. Gusev
**The Role of Enterprises
 of Fuel and Energy Complex
 in the Modernization
 of the Regional Economy:
 Socio-Environmental Aspects
 (by the Example
 of the Saratov Region)**

The operation of energy enterprises in correlation with the modernization of the economy held at the federal and regional levels is analyzed. The influence of the enterprises of fuel and energy complex on the development of social processes in a subject of the Federation is revealed. Social aspects of environmental threats posed by such enterprises are actualized.

Key words and word-combinations: fuel and energy complex enterprises, socio-economic development of a region, economic modernization, environmental risks and threats.

Анализируется функционирование предприятий энергетики во взаимосвязи с модернизацией экономики, проводимой на федеральном и региональном уровнях. Показано влияние предприятий топливно-энергетического комплекса на развитие социальных процессов в субъекте Федерации. Изучаются социальные аспекты экологических угроз, порождаемых такими предприятиями.

Ключевые слова и словосочетания: предприятия топливно-энергетического комплекса, социально-экономическое развитие региона, модернизация экономики, экологические риски и угрозы.

УДК 620.9:332.1(470.44)
 ББК 31:65.04(235.54)

В.В. Гусев

**РОЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ
 ТОПЛИВНО-
 ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
 КОМПЛЕКСА
 В МОДЕРНИЗАЦИИ
 РЕГИОНАЛЬНОЙ
 ЭКОНОМИКИ:
 СОЦИАЛЬНО-
 ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
 (на примере
 Саратовской области)***

Эффективное развитие топливно-энергетического комплекса на современном этапе – одна из самых главных и приоритетных стратегических задач российского народного хозяйства.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. (разд. 1.3) в качестве одной из приоритетных целей указано лидерство России в поставках энергоресурсов на мировые рынки, превращение страны в логистический узел глобальной энергетической инфраструктуры и ключевого участника выработки правил функционирования глобальных энергетических рынков [1].

Топливо-энергетический комплекс служит одним из важнейших гарантов экономического и социального развития Российской Федерации, стабильное функциониро-

* Исследование выполнено в рамках межрегионального сетевого проекта «Развитие ТЭК России: социальные и экологические последствия и перспективы» (заказчик – Томский МИОН при Томском государственном университете).

вание которого позволяет эффективно решать многие государственные задачи, обеспечивать предприятия и население всеми видами энергии, наполнять государственный бюджет, обеспечивать энергетическую и экономическую безопасность государства. Освоение сырьевых месторождений и строительство крупных электростанций находятся под пристальным вниманием различных политических и бизнес-групп, вызывают повышенный интерес и широкое обсуждение в обществе.

Сегодня оказывается недостаточным просто обладать развитым топливно-энергетическим комплексом. В Послании Д.А. Медведева Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г. провозглашен курс на скорейшую модернизацию народного хозяйства, а в качестве одного из главнейших приоритетов модернизации обозначено повышение энергоэффективности, переход к рациональной модели использования ресурсов [2]. Это становится особенно актуально на фоне случившегося экономического кризиса.

Кроме того, следует учитывать физический и моральный износ технологий и оборудования. В этом отношении показательна проведенная реформа РАО «ЕЭС России». Современные и прибыльные электростанции были проданы иностранным инвесторам, а устаревшие и убыточные электростанции остались в собственности российских акционеров. Симптоматично, что сами иностранные инвесторы выступали с критикой действий А. Чубайса [3, с. 130]. На подобную порочную практику реформирования в свое время указывал Б.Ю. Кагарлицкий.

подавляющее большинство используемых на сегодняшний день в России добывающих и энергетических мощностей было создано во времена СССР. Основные фонды должным образом не обновлялись. Вследствие этого возникает необходимость строительства и ввода в эксплуатацию новых энергетических и производственных мощностей.

В то же время строительство предприятий, осуществление крупных нефтяных и энергетических проектов, как правило, вызывают нарекания со стороны экономистов и экологов, так как нередко представляются спорными с социальной точки зрения, порождают острые дискуссии в обществе. К числу таких проектов относится завод по производству алюминия компанией «РУСАЛ» с одновременным вводом в эксплуатацию 5-го и 6-го энергоблоков Балаковской АЭС, Богучанская ГЭС в Красноярском крае, проект строительства ГЭС в Якутии, связанный с затоплением больших территорий.

Энергетические и производственные мощности часто рассматриваются местными сообществами как дополнительный источник опасности. Население подозревает неблагоприятные для окружающей среды и здоровья людей последствия; возникает и оформляется социальное противодействие строительству новых объектов.

Однако ситуация в стратегически важных отраслях народного хозяйства, обладающих опасными в техногенном отношении мощностями, является не локальным, а общегосударственным делом, имеющим как внутреннее, так и внешнее измерение. Огромные размеры территории Российской Федерации требуют развитой и мощной инфраструктуры – информатики, дорожно-

транспортной сети, связи и энергетики, функционирующих в суровых географических условиях [4, с. 624]. Позиционирование России себя как «энергетической сверхдержавы», «газовый» конфликт России и Украины, в ходе которого в заложниках ситуации оказались страны Западной Европы, вывели энергетическую проблему на европейский и даже глобальный, мировой уровень.

Сильнее всего комплекс экономических, социальных, экологических и иных проблем, связанных с развитием нефтегазовой и энергетической отраслей хозяйства России, испытывают на себе российские регионы. Среди них Саратовская область заслуживает особого внимания.

Саратовская область является одной из крупнейших в Приволжском федеральном округе. По своему экономическому и инвестиционному потенциалу, уровню развития и жизни населения это типичный регион Российской Федерации. В то же время топливно-энергетический комплекс области представляет собой развитую многоуровневую систему генерирующих и сетевых энергетических мощностей, а также газотранспорта и газораспределения. Комплекс выступает одним из столпов экономики Саратовской области, благодаря которому во многом существуют и держатся все отрасли регионального хозяйства.

Энергетическая часть ТЭК является более заметной, так как нефте- и газодобыча в Саратовской области в целом представлены незначительно. На территории региона развиты практически все освоенные виды энергогенераций: атомная станция, гидроэлектростанция, а также комбинированные источники энергии – теплоэлектроцентрали, которых в области пять. Существует значительная монополизация рынка электроэнергии крупными генерирующими предприятиями.

Энергетический сектор Саратовской области, без преувеличения, является крупнейшим в Приволжском федеральном округе: ежегодно производится более 41 млрд кВт-ч электроэнергии, две трети которой поставляется в дальнейшем во многие регионы Российской Федерации, в основном через НОРЭМ – Новый (общероссийский) оптовый рынок энергетической мощности. Из всей электрогенерации более 72% приходится на Балаковскую атомную станцию.

В модернизации энергетического хозяйства и реализации инвестиционных проектов в энергетике как на федеральном, так и на региональном уровне следует выделить два больших направления инвестиционной деятельности:

- 1) строительство современных высоковольтных электрических сетей большой пропускной способности;
- 2) наращивание действующих генерирующих мощностей в энергетике за счет ввода в эксплуатацию новых энергоблоков атомных станций.

По поводу первого направления можно отметить, что в марте 2008 г. Правительство РФ утвердило Генеральную схему размещения объектов электроэнергетики в стране до 2020 г., которая предусматривает решение многих энергетических вопросов в регионах.

Наращение потребления при отсутствии ввода новых мощностей постепенно приводит к тому, что система начинает работать без надлежащих резервов пропускной способности сети. Как следствие, при наличии в целом в Саратовской области, да и в целом в стране резерва генерации отсутствует возможность его переброски в те регионы, где сильно выросло потребление. По данным журнала «Эксперт», в Саратовской области в настоящее время нет сетей, по которым вся выработанная электроэнергия поступала бы в Единую энергосистему [5, с. 22]. Именно поэтому в Генеральную схему вошли мероприятия по дополнительному укреплению линий электропередач и выдаче энергетической мощности Балаковской АЭС за пределы региона, в Самарскую, Ульяновскую и Волгоградскую области. Кроме того, внутри самой Саратовской области наблюдается дефицит электроэнергии в отдельных муниципальных районах. Для поддержания должного внешнего резерва мощности в дефицитной части Саратовской энергосистемы Министерством было предложено приведение мощностей Балаковского энергоузла к центру энергопотребления путем строительства высоковольтной линии электропередач Балаковская АЭС – Курдюм (село на Волге под Саратовом) протяженностью 206,2 км, ориентировочной стоимостью строительства в 5 млрд руб. Это обеспечит наличие резерва и позволит выдать мощность АЭС в правобережную часть Саратовской области.

Важным направлением модернизации российского энергетического хозяйства является ввод в эксплуатацию новых генерирующих мощностей. Это вполне вписывается в общий вектор федеральной энергетической политики на глобальных рынках. Подтверждением служит заявление премьер-министра России В.В. Путина, сделанное во время его официального визита в Японию 12 мая 2009 г., о том, что в Российской Федерации до 2020/21 г. будет построено и введено в эксплуатацию 28 новых энергоблоков на различных АЭС. Он предложил японским партнерам поучаствовать в совместных энергетических бизнес-проектах.

Данный вопрос имеет большое значение в связи с планами ввода в действие новых энергоблоков Балаковской АЭС. Осенью 2006 г. стало известно, что концерном «Росэнергоатом» подготовлен проект достройки 5-го и 6-го энергоблоков Балаковской атомной станции, который был утвержден Правительством РФ в целевой программе «Развития атомного энергопромышленного комплекса России на 2007–2010 гг. и на период до 2015 г.». Концерном рассматривается возможность финансирования строительства из внебюджетных источников. Энергоблоки Балаковской АЭС обеспечены проектной документацией, а степень их готовности, по нашей информации, полученной от респондентов в ходе интервью, составляет для 5-го энергоблока 50%, для 6-го – примерно 30%. При ближайшем рассмотрении эти данные оказались преувеличенными.

В новейшей истории Российской Федерации принималось несколько программных документов, посвященных развитию атомного энергетического комплекса (например, Программа деятельности государственной корпорации по атомной энергетике «Росатом» на долгосрочный период (2009–2015 гг.) [6]). Но ни в одной из них речь не шла о достраивании в ближайшей перспективе

5-го и 6-го энергоблоков Балаковской АЭС, сооружение которых было законсервировано в 1990-е годы. Не предусматривает этого и региональная среднесрочная программа социально-экономического развития, которая актуализирует необходимость модернизация 1–4-го энергоблоков АЭС.

Согласно экспертной оценке, полученной в ходе нашего исследования, мероприятия по модернизации 1-го и 2-го энергоблоков БалАЭС, предусмотренные в Программе «Росатома», позволят продлить срок службы каждого из них как минимум на 10–15 лет. Свой ресурс блоки выработают в начале 2030-х годов. Тем не менее 5-й и 6-й энергоблоки все равно придется строить в связи с предстоящим плановым выводом из эксплуатации 1-го и 2-го энергоблоков БалАЭС. Но что практически придется делать с выработавшими свой ресурс энергоблоками, какие затраты потребуются на их консервацию, с какими еще трудностями предстоит столкнуться при их выводе из эксплуатации – пока в Саратовской области этого точно никто не представляет.

Как в крупных бизнес-структурах, так и в органах власти Российской Федерации и Саратовской области имеются конкретные силы, которые заинтересованы в реализации столь крупномасштабного проекта – строительства 5-го и 6-го энергоблоков БалАЭС. Население региона ожидало, что с приходом в апреле 2005 г. на должность губернатора области бывшего руководителя Балаковской АЭС П.Л. Ипатова будет осуществлен кардинальный прорыв, в регион придут крупные экономические структуры со своими инвестиционными программами. Однако и на сегодняшний день область по-прежнему остается аграрной. Несмотря на наличие в структуре правительства области министерства инвестиционной политики, заметного увеличения промышленно значимых инвестиций не произошло.

Шанс превратить область в регион-локомотив современной России появился в 2007 г. Тогда сразу два крупнейших предприятия российской металлургии – ОАО «РУСАЛ» и ОАО «Северсталь» – решили построить в Саратовской области свои предприятия. «РУСАЛ» выразил желание построить в Балакове крупнейший в мире комплекс, производственной мощностью 1,05 млн т алюминия в год, опирающийся на энергетические возможности достроенных 5-го и 6-го энергоблоков Балаковской АЭС. «Северсталь» планировала сооружение мини-завода по производству металлопроката мощностью 1 млн т в год.

Данные проекты первоначально показались весьма интересными, у них появились активные «лоббисты» на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Однако с самого начала их реализация стала сталкиваться с активным сопротивлением экологов и общественности Балаковского муниципального образования. В настоящее время инвестиционные проекты отложены на неопределенное время по причине мирового финансового кризиса, в ходе которого пострадала капитализация обеих металлургических компаний. Тем не менее постановлением главы администрации Балаковского муниципального района Андрея Галицина дочерней компании «РУСАЛ» ООО «РУС-Инжиниринг» в 2009 г. выделен земельный участок в 1000 га под будущее строительство металлургического предприятия. Для строительства завода

ОАО «Северсталь» предназначен земельный участок площадью около 350 га южнее Балакова.

Планы по развитию промышленного потенциала региона встречают не только объективные сложности на пути своего продвижения, но и активное сопротивление населения. Жители Балакова всерьез обеспокоены неблагоприятной экологической обстановкой, повышенной заболеваемостью в городе и районе онкологическими и легочными заболеваниями. Ряд депутатов районного представительного собрания, экологи и общественники инициировали обращение к Президенту РФ, выступили с идеей проведения референдума о запрете строительства заводов. Основной мотив сбора подписей (более 30 тыс. подписей) и протеста экологов – страх перед неблагоприятной экологической обстановкой и возможностью техногенной катастрофы. Далее нами приводятся сведения, полученные группой саратовских ученых в ходе реализации социологической части проекта «Развитие ТЭК России: социальные и экологические последствия и перспективы».

Председатель Балаковского городского отделения общественной организации «Всероссийское общество охраны природы» А.М. Виноградова изложила собственную позицию: «Я абсолютно уверена, что эти предприятия здесь быть не должны, в первую очередь – по экологическим причинам. Почему? Потому что Балаково – один из самых неблагоприятных в экологическом плане городов России. По данным Министерства природных ресурсов, здесь имеется ряд химических и энергетических объектов с десятилетними превышениями загрязнений вредными веществами. Есть такой показатель – индекс загрязнения атмосферы (ИЗА), он должен быть в пределах пяти, максимум семи единиц. В Балакове же этот индекс составляет 15–20. Это официальные данные, свидетельствующие что уровень загрязнения атмосферы высокий, даже очень высокий. Еще в 1987 г. вышло постановление Правительства СССР, где был приведен ряд городов, в которых запрещалось дальнейшее строительство новых объектов промышленности. В этом списке было 10 городов, в том числе и наш город Балаково». Помощник депутата представительного собрания Балаковского муниципального района, коренная жительница Балакова О.В. Коровникова высказала такое мнение по поводу экологической ситуации: «В городе это коснулось многих, буквально за последний год несколько моих родственников и знакомых лечили раковые заболевания. Каждый второй пациент областной онкологической больницы – представитель Балакова. Год назад у наших друзей девочка 19 лет умерла – лейкоз. У взрослых участились инсульты, у детей часто встречается кашель без причины, и даже врачи не могут определить, почему, при нормальной температуре тела, внешне здоровый ребенок постоянно подкашливает. Поистине это страшно, а причина – в экологии».

Население России уже не первый год выражает тревогу по поводу наметившихся перспектив строительства новых атомных станций. По мнению экспертов Министерства чрезвычайных ситуаций РФ, в настоящее время в Российской Федерации потенциально опасны девять из каждых десяти реакторов, действующих на атомных электростанциях. Вокруг российских АЭС располо-

жено 1300 населенных пунктов, в которых проживает 4 млн человек, и это является большой социально-экологической проблемой [7, с. 226].

Многие ученые делают вывод о «синдроме Чернобыля». Например, по данным академика РАН О.Н. Яницкого, авария на Чернобыльской АЭС уже многократно «съела» всю выгоду от ядерной энергетики. Во многих источниках приводятся данные о 800 тысячах облученных, преждевременном старении населения и росте онкологических и других заболеваний [8, с. 207]. Директор Центра политической конъюнктуры К.В. Симонов утверждает, что «еще одна авария в любом регионе мира, сопоставимая с Чернобылем, поставит крест на атомной энергетике» [9, с. 246].

Предприятия топливно-энергетического комплекса в целом и энергетики в частности играют важнейшую роль в развитии экономики Саратовской области и выступают одним из главных факторов, повышающих ее конкурентоспособность по сравнению с другими регионами. Им принадлежит примерно 10% валового регионального продукта, а с учетом взаимосвязанных отраслей на них приходится до одной трети ВРП. В целом Саратовская область является энергоизбыточным регионом, где значительное количество вырабатываемой электроэнергии (две трети от объема генерации) отправляется за пределы области.

В то же время функционирование предприятий ТЭК и энергетики заметно повышают уровень экологической опасности. Модернизация отрасли и реализация в энергетике Саратовской области крупных инвестиционных проектов также сопряжены с большими социально-экономическими и экологическими рисками для всего населения региона. Очевидна необходимость тщательной независимой общественной и экологической экспертизы и оценки последствий принимаемых инвестиционных решений в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года («Концепция-2020»). URL: www.rg.ru/2008/11/26/putin.html
2. Медведев Д.А. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 года. URL: www.rg.ru/sujet/3955.html
3. Кагарлицкий Б.Ю. Происходит ли в России смена элит? // Кто и куда стремится вести Россию?: Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2001.
4. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Т. 2: Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997.
5. Попова О. Политический водоворот // Эксперт-Волга: региональный деловой журнал. 2009. № 14–16 (143).
6. Программа деятельности государственной корпорации по атомной энергетике «Росатом» на долгосрочный период (2009–2015 годы). URL: www.mnogozaonov.ru/catalog/date/2008/9/20/45389
7. Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия: традиции самовластья сегодня. М., 2001.
8. Яницкий О.Н. Россия: экологический вызов (общественное движение, наука, политика). Новосибирск, 2002.
9. Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. М., 2006.

I.V. Zorya
Small Enterprises
in Crisis Conditions:
the Dilemma of Property and Labor

Social-economic interdependences of the owners and staff of small enterprises are revealed. Approaches aimed at maintaining the competitiveness of enterprises in economic crisis are proposed.

Key words and word-combinations: stuff, modern industry, owner, economic crisis.

Показаны социально-экономические взаимозависимости собственников и рабочих мелких предприятий. Предлагаются подходы, нацеленные на сохранение конкурентоспособности предприятия в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова и словосочетания: рабочие, современное производство, собственник, экономический кризис.

УДК 316.343.63(470.44)
ББК 60.54(235.54)

И.В. Зоря

МЕЛКИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ДИЛЕММА СОБСТВЕННОСТИ И ТРУДА

Многочисленность и разнообразие малых предприятий создает институциональные предпосылки конкуренции в рыночной экономике. Большинство из них, чей товар проигрывает конкурентам и не востребован потребителем, разоряются. В условиях стабильной экономики это не порождает серьезных социальных последствий – достаточно быстро работники находят новые места. Однако в период экономического кризиса люди чаще всего становятся безработными и дополнительно обременяют государство в случае, если регистрируются на бирже труда.

Начавшийся осенью 2008 г. мировой финансовый и экономический кризис заметно отразился на состоянии рынков труда – мирового и национальных. Экономические субъекты по-разному стали решать свои проблемы: одни фирмы пошли на сокращение части сотрудников, другие – стали искать иные способы сохранить свою рентабельность.

Достаточно остро обозначилась проблема занятости работников мелких предприятий, которые оказались в наиболее сложном положении вследствие упомянутого кризиса. Выживание мелких предприятий приобрело особую актуальность, поскольку касается людей, занятых почти во всех сферах экономической деятельности. Именно работники мелких предприятий чаще всего вынуждены начинать поиск новых рабочих мест в связи с разорением и закрытием организации.

Фиксируемая на настоящий момент в России динамика численности потерявших работу людей из-за разорения мелких предприятий свидетельствует о серьезности социального и экономического положения в стране. Это дополнительно актуализирует многофакторное рассмотрение проблемы безработицы и обеспеченности мелких предприятий квалифицированными специалистами.

Мировой экономический кризис совершенно неожиданно для многих «оживил» марксистскую социально-экономическую концепцию, которая стала теперь раскрываться в новой логике.

С точки зрения «классического» марксизма собственник предприятия, пользуясь физическим трудом рабочего, отнимает его жизненные силы. Ежедневно принося прибыль хозяину предприятия, рабочий тратит зарплату на обеспечение жизненных сил, необходимых ему для работы, а его начальнику в производстве.

Но в современной экономике благополучие рабочего в гораздо более сложной степени зависит от уровня развития предприятия своего эксплуататора. Вследствие банкротства фирмы или организации страдают различные слои населения. Разоряется сам собственник, и вслед за ним теряют рабочие места люди, чьи силы он эксплуатирует, – наемные рабочие. В тупиковой ситуации находятся как работники, подвергшиеся сокращению, так и те, кто произвел это сокращение, – собственники предприятий. Вынужденное уменьшение количества рабочих на предприятии ведет, как правило, к снижению количества производимого товара, вследствие чего можно ожидать уменьшения прибыли собственника. Таким образом, взаимозависимость подчиненного и хозяина предприятия объединяет их в случае разорения фирмы. Если вспомнить торговый кризис в Англии 1847 г., описанный в «Манифесте коммунистической партии» [1, с. 288], то в каком-то смысле можно провести параллель с ситуацией, происходящей в настоящее время в современном российском обществе. Разорившиеся собственники находятся в таком же незавидном положении, как и их бывшие потерявшие рабочие места подчиненные.

Выход из сложившегося положения можно найти как собственнику мелкого производства, так и сокращенным / безработным работникам. Хозяевам фирм и мелких организаций следует задуматься о поведении в условиях жесткой конкуренции на современном рынке и о способах повышения качества своей продукции. Что касается людей, потерявших работу вследствие сокращения, то, кроме психологической проблемы смены рода деятельности, других трудностей с поиском нового места работы, как правило, нет.

Для того чтобы разобраться в решении проблем как собственников предприятий, так и рабочих, следует понять, что представляют собой современные фирмы и организации.

Предприятия отличаются товаром, готовящимся для сбыта с целью получения денег. Рядовым случаем в современной экономике считается ситуация, когда производитель одной продукции является покупателем другой. В магазинах, на заводах, в фирмах сегодня можно найти продукты на любой вкус, каждый покупатель товара может удовлетворить свои потребности. В любом случае производитель и покупатель связаны между собой товаром: первый дол-

жен отдать товар второму в обмен на его деньги. Если производитель выпустил изготовленную продукцию в тот момент, когда покупателю она необходима, то обмен совершится для продавца быстро. Когда же речь идет о производстве сезонном, то «один товаровладелец может выступить в качестве продавца раньше, чем другой выступит в качестве покупателя» [2, с. 146]. Поэтому во избежание простоя на производстве и потери рабочей силы, а самое главное – денег некоторые предприниматели работают круглый год, выпуская различную продукцию. Даже сейчас, несмотря на кризис в сфере производства и сбыта товара, возможностей для собственников предприятий много. Производители фирм сотрудничают друг с другом, и товарообращение совершается непрерывно.

В современных жестких рыночных отношениях одновременно идут процессы исчезновения старых и появления новых мелких предприятий. Относительную стабильность сегодня сохраняют только крупные производства, имеющие крепкие связи, большой рынок сбыта, хорошо зарекомендованную репутацию среди потребителя. Вовремя созданное «имя» предприятия работает сейчас на того, кто приложил усилия много лет назад.

Разорившиеся мелкие предприятия, независимо от сферы деятельности, останавливают свою работу по схожим причинам: неуспешность решения коммерческих, финансовых и производственных вопросов, отсутствие необходимых компетенций или фундаментальных знаний у менеджеров, низкая квалификация персонала. Таким образом, на первый план выходит проблема качества трудовых ресурсов – как управленческих, так и собственно рабочих. В данном контексте ключевыми являются вопросы: какие профессии востребованы сегодня на рынке труда; какие требования к труду предъявляют собственники предприятий; какие рабочие и служащие трудятся на современном производстве и какими качествами должен обладать работник?

Рынок труда предлагает людям, желающим иметь ежедневный заработок, кроме рабочих мест на промышленных предприятиях, например, работу в качестве прислуги. Существующая прослойка «богатых и очень богатых» людей даже в период кризиса не лишает себя возможности иметь наемных рабочих. Потенциальные работники по дому соглашаются на такой вид труда, ведь хорошая оплата, предоставляемое жилье, иногда даже питание являются весомыми аргументами для того, чтобы человек стал «прислуживать», несмотря даже на отсутствие трудовой книжки. Многочисленные нянечки, гувернантки, садовники, домработницы в XXI в. стремятся стать профессиональными и дипломированными специалистами. Появляются курсы прислуги, а также кадровые агентства, дающие гарантии работодателю в квалифицированности и порядочности соискателя.

К каждому соискателю современный работодатель предъявляет ряд требований, обеспечивающих ему дальнейшее качественное исполнение всех обязанностей работника. Как правило, такой список требований охватывает пункты, касающиеся образования человека, ряда навыков и умений, требуемых на потенциальном рабочем месте, опыта работы, отсутствия вредных привычек. Качества личности нанимаемого сотрудника, которые хотят видеть современ-

ные работодатели, представляют особый интерес для исследователя, специализирующегося в области социологии труда.

Называемое «приспособляемостью» качество человека воспринимать изменения условий труда и приобретать необходимые навыки [3, с. 105] признается одним из самых важных. Значимыми являются и такие качества, как выносливость, исполнительность, организованность. Умение работать «в команде», помогать друг другу в трудной ситуации, испытывать чувство ответственности за коллектив – важные условия для успешного рабочего процесса. Кроме того, эти личностные качества оказывают большое влияние на характер и качество труда и производства.

В реальном производстве сегодня, как и сотню лет назад, особое место занимают промышленные рабочие. Наряду с ними в современной экономике к рабочему классу могут быть отнесены представители разных специальностей, трудящиеся на строительных объектах, в магазинах, в сферах технического и бытового обслуживания. Как показал экономический кризис, именно в этих видах деятельности требуются специалисты на современном рынке труда, а многочисленное количество служащих таких профессий, как менеджеры, администраторы, секретари, помощники руководителей, оказываются безработными. Переполненные ранее офисы сейчас полупусты. Произошла оптимизация, и один офисный работник выполняет тот объем деятельности, который ранее выполняли несколько сотрудников. В большинстве случаев сокращение менеджерских кадров не приводит к перегрузке оставшихся людей, поскольку в действительности дополнительные рабочие места в офисах были не нужны.

Заметим, что несколько лет назад в вузах, готовящих специалистов разных квалификаций, популярность получали именно те специальности, которые оказались менее востребованными в текущих сложных условиях. Простой способ быть профессионально занятым и иметь доход сегодня, если сокращение неизбежно, – переквалифицироваться.

В современном производстве, развивающемся и совершенствующемся с каждым днем, необходимы люди, обладающие, кроме базовой, еще и специальной подготовкой, а также широким кругом навыков и умений. В условиях быстротекущего прогресса современного производства работодатель требует от своих подчиненных осваивать новые технологии и приспосабливаться к возникающим переменам. Работники XXI в. должны не бояться менять профессию или приобретать новые профессиональные навыки. Им необходимо быть готовыми к обучению, осваивать новую специальность быстро, не нарушая темп производства.

В свете жесткой конкуренции среди рабочих разных отраслей промышленности очевидна необходимость наличия таких ценных качеств личности на современном рабочем месте, как ответственность, пунктуальность, дисциплинированность. Как показывает исторический опыт, укрепление производственной дисциплины может существенно повлиять на выпуск продукции [4, с. 165]. При этом работник должен быть ориентирован на то, чтобы быть готовым отвечать за себя, за каждого в команде и за коллективное дело в целом.

Меры по укреплению дисциплины могут быть разными. Если прибегать к опыту из прошлого, то и сегодня такие наказания, как вычеты из заработной

платы, выговоры, лишения премий, достаточно действенны. Однако в условиях рыночной экономики применяемые собственниками или управляющими предприятий меры воздействия могут на самом деле преследовать иные цели.

Дисциплинарные и штрафные санкции, как показывает практика, зачастую рассматриваются менеджментом предприятий и организаций как способы получить дополнительный доход. Незащищенные или слабо защищенные законом рабочие, особенно в отсутствие трудового договора или профсоюзной организации, без выяснения причин могут оказаться безработными в любой момент и не получить заработанные деньги. Другой пример недобросовестного отношения к трудящимся – удлинение рабочего дня, жесткие сроки изготовления товара в надежде повысить производительность и устоять среди конкурирующих предприятий.

Очевидно, что, только повышая квалификацию сотрудников и дисциплину на предприятии, а иногда и нарушая трудовое законодательство, собственникам мелких предприятий невозможно обезопасить себя от разорения, а своих работников – от безработицы. Для этого должен применяться комплексный подход, имеющий две важные составляющие – собственно экономическую (развитие производства и обеспечение конкурентоспособности производимого товара) и социальную (развитие человеческого капитала работников и эффективное его использование во благо предприятия).

Следует признать, что в общенациональных масштабах развивать мелкий бизнес без государственной поддержки не представляется возможным. В Российской Федерации действуют несколько государственных программ, способствующих его поддержке. Кредитование на льготных условиях, например, помогает расширить предприятие и обеспечить занятость работников. Работа государственной службы занятости населения может быть направлена на выполнение заказа собственников предприятий, нуждающихся в рабочих с определенными навыками и квалификацией.

Но несмотря на помощь государства, кризисная обстановка не может измениться в лучшую сторону сразу, требуется время для развития мелких предприятий и снижения угрозы безработицы.

Государственная служба занятости, выполняя ряд функций по информированию безработного населения о свободных вакансиях, об определенных требованиях, предъявляемых к кандидату на рабочее место, о перечне личностных качеств, которыми должен обладать соискатель для того или иного рода деятельности, а также о местах повышения квалификации, оказывает весомую помощь в деле снижения численности безработных и потерявших собственный бизнес людей. Выплата пособий по безработице также является хорошим, хотя и временным, методом поддержки оказавшихся в трудном положении граждан.

Таким образом, при правильной государственной политике, направленной на помощь и поддержку мелких предприятий, при высокой квалифицированности их сотрудников можно надеяться на снижение числа разорившихся собственников и количества работников, потерявших свои рабочие места вследствие кризиса.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23.
3. Торгал А. Воздействие технологических изменений на характер и организацию подготовки работников // Человек и труд. 1993. № 2.
4. Рабочий класс и дисциплина труда / И.В. Беглова [и др.]; Академия общ. наук. М., 1988.

N.A. Malshina
Management Stream Processes
in Service and Tourism Industry
in the Development
of E-Commercialization
of the Economy

The processes of e-commercialization of the modern economy are revealed. The features of their impact on the supply chain in the service and tourism sector are considered.

Key words and word-combinations:
e-commerce, information flows, service flows, service and tourism industry.

Показаны процессы е-коммерциализации современной экономики. Рассмотрены особенности их влияния на цепи поставок в сфере услуг и туризма.

Ключевые слова и словосочетания:
е-коммерция, информационные потоки, сервисные потоки, индустрия сервиса и туризма.

УДК 338.486.3(075.8)
ББК 65.433-80я73

Н.А. Мальшина

УПРАВЛЕНИЕ ПОТОКОВЫМИ
ПРОЦЕССАМИ
В ИНДУСТРИИ
СЕРВИСА И ТУРИЗМА
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
Е-КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИКИ

В настоящее время электронный бизнес все больше становится важным, органическим компонентом современных экономических отношений. Он выступает серьезным фактором, воздействующим на макро- и микроэкономические, а также социальные процессы, имеющие в том числе и глобальный характер.

Порождаемая информационными моделями экономических систем специфическая среда – фактически специализированный «электронный рынок» – прямо или косвенно затрагивает интересы более 100 млн участников этого набирающего силу сегмента. Данная тенденция реализуется и по отношению к роли информационных технологий в экономической сфере. Посредством использования информационных и телекоммуникационных технологий в экономических системах повышается оперативность осуществления различных сделок, повседнев-

ных финансовых и учетных операций, сокращаются сроки окупаемости инвестиций.

Одной из важнейших функций информационных технологий является обеспечение коммуникации между людьми. В обсуждении самых актуальных проблем принимают участие субъекты, физически разделенные странами и континентами, но объединенные посредством межкомпьютерной связи. Обмен самой последней научной информацией, новыми результатами, полученными в тех или иных областях, убыстряет развитие и взаимодействие науки, экономики, политики. Свободное обсуждение политических и социальных проблем, отсутствие запретных тем делают жизнь более открытой и позволяют легче разрешать конфликтные ситуации.

В современной рыночной экономике ни одну крупную технологическую проблему, включая проблему движения товаров и услуг, управления запасами, нельзя решить без использования коммуникационных возможностей, опирающихся на актуальные информационные технологии. В настоящее время отмечается существенное расширение спектра потоковых процессов, к которым может быть применена и применяется логистическая методология.

Специфика логистического подхода проявляется в формировании органических взаимных связей и интеграции функциональных областей, связанных с перемещением ресурсов в единую ресурсопотоковую систему. Формирование подобной интеграции обеспечивается выделением единой функции управления отдельными ресурсными потоками для достижения целей экономических субъектов на микро- и макроуровнях [1]. С нашей точки зрения, представляется целесообразным на фоне протекания процессов е-коммерциализации экономики особо выделить такие виды потоков, как сервисный и рекреационный, и рассмотреть возможность применения логистического подхода для повышения эффективности функционирования данных экономических объектов.

Под информационной технологией традиционно понимается совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, объединенных в технологическую цепочку, обеспечивающую сбор, обработку, хранение, распространение и отображение информации [2]. Совокупность данных, представляемых потребителю о той или иной предметной области, составляет информационный ресурс системы информационного обеспечения. Эти данные являются основой для формирования информационных ресурсов отраслевого, регионального и федерального уровней, для создания банков и баз данных по движению товаров и услуг. Базы данных являются основой практически всех видов услуг, оказываемых с использованием современных информационных технологий.

Е-коммерцию можно определить как осуществление бизнес-коммуникаций и транзакций в сетях и через компьютеры или как операцию покупки / продажи товаров и услуг и передачу денежных средств при помощи цифровых коммуникаций [3]. Она включает как внутрифирменные, так и межфирменные функции, способствующие осуществлению коммерческих сделок.

В настоящее время существуют и уже появились на рынке услуг более эффективные подходы, позволяющие совершенствовать технологии функциони-

рования предприятий, используя *e-коммерцию*. Интернет-технологии оказали значительное влияние на то, как люди по всему миру думают и действуют. Сейчас наблюдается более практичные и более эффективные подходы к совершенствованию цепей поставок услуг при помощи *e-коммерции*. Через определенное время новые подходы создадут новый огромный потенциал, позволяющий закрыть разрыв в показателях функционирования между тем, чего компании уже добились в работе цепей поставок, и тем, чего они могут добиться.

В *e-коммерции* используются самые разные виды коммуникаций и технологий, оказывающих заметное влияние на цепи поставок предприятий и организаций. В традиционном представлении цепи поставок состоят из трех основных потоков материального (физического), финансового, информационного. По нашему мнению, между логистическими цепями информационных, физических, финансовых, сервисных и рекреационных потоков существует тесная взаимосвязь, выражающаяся в взаимообусловленном влиянии на их генерирование и функционирование.

При рассмотрении влияния на каждый из них *e-коммерции* обнаруживается определенная закономерность, наиболее важная для сферы сервиса и туризма.

На физический поток влияние проявляется посредством предоставления информации о продуктах и услугах через виртуальные пути, что расширяет доступ к большему числу рынков услуг и поставщиков без необходимости изменения физических объемов сервисного, в частности туристического, продукта. На информационные потоки влияние проявляется через решения, обеспечивающие доступ к информации в большем объеме и режиме, устранении традиционной бумажной документации, отслеживании перемещений сервисного продукта по пути от проекта до покупателя. На финансовые потоки влияние проявляется через системы оплаты услуг, скорость оплаты, контроль движения финансовых средств, устранение возникающих проблем на различных звеньях цепей поставок.

Однако существование специфических потоков, свойственных сугубо сфере услуг, делает возможным дальнейшее распределение влияния *e-коммерции* и на такие потоки, как сервисные [4] и рекреационные (досуговые) [5]. Данные виды потоков выделяются в исследованиях российских авторов, но дальнейшего развития их изучение не получило.

Под сервисными потоками понимаются предоставляемые потребителю с целью удовлетворения его потребностей потоки нематериальной деятельности, генерируемые в целом логистической системой или ее подсистемой. Результатом непосредственного взаимодействия поставщика и потребителя в данном процессе является качество обслуживания.

Под потоком услуг в туризме понимается комплекс услуг по перевозке, размещению, питанию туристов, экскурсионные услуги, а также услуги гидов-переводчиков и другие услуги, предоставляемые в зависимости от целей путешествия. В потоке сервисных услуг учитывается качество обслуживания [6]. Кроме того, специалистами широко используется понятие «логистический сервисный отклик», определяемое как процесс координации логистических опе-

раций, необходимых для оказания услуг наиболее эффективным способом с точки зрения затрат и удовлетворения запросов потребителей [7].

Путем определения влияния *e-коммерции* и специфики сферы услуг представляется возможным продолжить дальнейшее изучение протекающих потоковых процессов. На сервисные потоки сферы услуг влияние проявляется через систему заказов услуг, требования к качеству и ценовой политике услуг со стороны потребителя, процесс оказания услуг, контроль оказания услуг как во внутренней логистической среде, так и во внешней логистической среде. На рекреационные потоки влияние проявляется через систему дифференциации и модернизации услуг, более рациональное использование материальных, трудовых и природных ресурсов.

Представляется необходимым определение корреляции информационных, финансовых и сервисных потоков сферы услуг, выражающейся в использовании значения доходных и расходных финансовых потоков для определения коэффициента соответствующего информационного потока: доходы, создаваемые информационными потоками заказов услуг, превышают расходы на управление данными процессами. Прочие информационные потоки, характеризующие каналы общения предприятия услуг с субъектами рынка и каналы получения необходимой информации, лишь косвенно участвуют в формировании дохода.

Рекреационная услуга тесно связана с основными составляющими сектора сервиса: торговыми, охраной здоровья, образовательными, финансовыми, посредническими, культурными, транспортными, гостиничными, ресторанными, личными услугами. Особая роль в рекреационных услугах принадлежит информационным потокам. Они выполняют двоякую роль – как средства привлечения рекреантов, так и условия функционирования рекреационного предприятия.

Выделяют четыре потока, связанных с рекреантами: транспортный; гостиничный (объекты размещения); досуговой; ресторанный (объекты питания) [8]. Выделяется и маршрутный поток, обусловленный движением рекреантов в период экскурсионных и туристических походов, что имеет определенные обоснования и требует учета в логистической системе [5]. Хотя указанные потоки названы исследователями, но последующего изучения не происходит. Считаем, что требуется в аналитическом ключе определить содержание потоков и выявить взаимные соотношения таковых.

Поскольку логистические потоки взаимозависимы, для построения цельной логистической системы представляется необходимым определить разновидности их корреляции (таблица).

С учетом корреляции основных видов потоков расширяются задачи логистики сферы услуг и ими становятся: управление системой заказов услуг, оптимизация соответствия доходных и расходных потоков потокам услуг, рационализация нагрузки на туристические объекты и использование туристических ресурсов, оптимизация работы транспортных потоков, оптимизация снабжения и доставки услуг, оптимизация снабжения потоками рекреантов через маршрутные потоки. Из этого следует, что применение логистического подхода к области управления ресурсопотоковыми процессами, особенно информационными потоками, под влиянием *e-коммерции* имеет особое значение в области сферы услуг.

Корреляция основных виды потоков сферы услуг

Вид потоков	Сервисный	Рекреационный
Информационный	Система заказа услуг, требования к качеству и процессу оказания услуг (профессионализм персонала, соответствие набора услуг уровню обслуживания), контроль оказания услуг	Систематизация информации о спросе на рекреационные услуги, расширение деятельности рекламных агентств
Физический	Оптимизация качества услуг, расширение ассортимента предоставляемых услуг, сокращение производственного цикла услуг	Формирование и управление предпочтениями потребителей, продвижение, сбыт услуг, рациональное использование ресурсов
Финансовый	Формирование ценовой политики услуг со стороны потребителя через оптимизацию соответствия потоков услуг доходным и расходным потокам	Составление сметы на основные услуги с учетом качества обслуживания и оптимальных затрат, развитие системы безналичного расчета

Влияние *е-коммерции* ощущается в том, как выполняется работа, как взаимодействуют друг с другом отдельные участки цепи и как цепь поставок действует на участках, лежащих за пределами компаний. *Е-коммерция* оказывает влияние на все основные работы, выполняемые в цепях поставок компании, начиная от проектирования туристического продукта и заканчивая стадией покупки, а затем и выполнением заказов и сервисной поддержки. Основные области работ, выполняемые в компании, рассматриваются с использованием карты процессов в цепи поставок.

Особо следует отметить влияние *е-коммерции* на отдельные участки цепи:

управление преобразованиями и достижение согласования в области основных товаров, в частности при организации поездок сотрудников или приобретении дополнительных товаров и услуг;

снабжение основными продуктами и услугами, что позволяет добиться экономии, получаемой за счет повышения эффективности функционирования в результате интеграции информационных систем управления предприятием и систем планирования спроса и предложения;

проектирование товаров и услуг, результатом чего станет улучшение качества проектирования продуктов, снижение времени на проектирование и повышение взаимодействия всех уровней процесса проектирования;

производство как товаров, так и услуг, поскольку компании более оперативно и гибко реагируют на запросы потребителей;

планирование спроса и предложения, что позволит повысить эффективность решений, относящихся к планированию, путем обеспечения более высокого уровня взаимодействия между системами планирования многих компаний на таких направлениях, как совместное прогнозирование и пополнение, а также на е-рынках;

выполнение и е-выполнение заказов. Потенциал данной области представляется еще не до конца реализованным, хотя обладает необходимыми возможностями благодаря наличию надлежащей информации для отслеживания

прохождения продуктов и услуг, что корректирует способы доставки товаров и услуг;

услуги и поддержка. В данной области *е-коммерция* уже оказала определенное влияние, однако она обладает потенциалом для более масштабных преобразований путем повышения эффективности работы сотрудников на местах и управления возвратом продукции и услуг;

е-работы. Данная область оказывает влияние на цепи поставок более быстро, чем на остальных направлениях, путем корректировки деятельности цепей поставок и благодаря возможности работников управлять крупными событиями и участками в цепях поставок, не привязываясь к прежним границам времени и пространства.

Для области сферы услуг крайне важны последние четыре пункта, так как они отображают возможности использования для развития *е-коммерциализации* основных особенностей сущности услуг (неосвязаемость, неспособность хранения, сезонность, зависимость от качества услуг).

Заслуживает внимания и способность *е-коммерции* ломать прежние традиционные барьеры, мешающие более полному управлению цепями поставок из-за географических особенностей отдельных звеньев. К настоящему времени уже достигнута более тесная интеграция в масштабах отдельных стран, что заставляет ожидать распространения процесса и на все мировое сообщество. *Е-коммерция* помогает задать стандарты, не только позволяющие осуществить межграничное сотрудничество и кооперацию, необходимые для бесперебойного выполнения операций в цепях поставок услуг различных стран, и избежать стагнации на уровне отдельного региона или отдельной страны, но и облегчающие компаниям соединения и коммуникации с другими структурами бизнеса.

Благодаря принятию решений на основе *е-коммерции* в сочетании с глубоким анализом специалистов стало возможным синхронизировать мультирегиональные, глобальные цепи поставок, что создает огромный потенциал для развития сферы услуг и туризма.

Применение логистического подхода к развитию *е-коммерциализации* индустрии сервиса и туризма раскрывает новые области управления и развития ресурсопотоковых процессов экономики.

Библиографический список

1. *Фоменко А.В.* Концептуальные подходы к формированию комплекса потоковых процессов в интегрированных логистических системах. Саратов, 2005.
2. *Зеваков А.М.* Логистика материальных запасов и финансовых активов. СПб., 2005.
3. Управление цепями поставок: справочник издательства Gower / под ред. Дж. Гатторны (ред. Р. Огулин, М. Рейнольде); пер. с 5-го англ. изд. М., 2008.
4. *Иванов В.В., Волов А.Б.* Логистические аспекты управления ресурсопотоками гостиничного предприятия // Пять звезд. 2000. № 6. С. 11–14.
5. *Скоробогатова Т.* Рекреационная логистика: причины возникновения и тенденции развития // РИСК. 2008. № 3. С. 6–8.
6. *Гвозденко А.А.* Логистика в туризме: учеб. пособие. М., 2004.
7. *Ballou R.N.* Business Logistics Management. 3-d ed. N.Y., 1993.
8. *Новиков Д.П., Соколов И.А.* Логистика туристического предприятия: учеб. пособие. М., 2006.

M.V. Lysikov
**The Concept of Representative
 Administrative Culture:
 Sociological Interpretation**

The basic distinctive attributes, components, functions, and also directions and methodological principles of administrative culture are researched. The author's definition and sociological interpretation of the concept "representative administrative culture" is given.

Key words and word-combinations: organizational culture, corporate culture, representative administrative culture of organization and personnel.

Исследуются основные отличительные признаки, компоненты, функции, а также направления и методологические принципы управленческой культуры. Дается авторское определение и социологическая интерпретация понятия «репрезентативная управленческая культура».

Ключевые слова и словосочетания: организационная культура, корпоративная культура, репрезентативная управленческая культура организации и персонала.

УДК 316.7:005.95
 ББК 60.54

М.В. Лысиков

**ПОНЯТИЕ
 РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ
 УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
 КУЛЬТУРЫ:
 СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
 ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**

Социологическая интерпретация современной культуры, рассматриваемой как «совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [1, с. 218], отличается проекцией на общество, человека и конкретную организацию.

При анализе деятельности современной организации и ее персонала теоретиками и практиками используются понятия «организационная культура», «корпоративная культура», «управленческая культура». Различия, существующие между этими видами культуры, в настоящее время фиксируются не достаточно четко. Иногда первые две рассматриваются как однопорядковые, потому что содержательно и функционально связаны между собой. Следует согласиться с допущением возможности перехода одного вида культуры в другой (в нашем случае – организационной культуры в корпоративную), при условии эффективного развития организации. «Организационная культура – то, чем является организация как социальный феномен. Если фирма разрастается и становится корпорацией, то понятие «организационная культура» замещается понятием «корпоративная культура» [2, с. 61].

Уточнение содержания приведенных по-

нятий и их взаимосвязей позволит точнее определить их теоретическую значимость и практическую направленность.

В последнее время возрастает научная статусность понятия управленческой культуры, которая нами рассматривается как самостоятельное, не совпадающее с понятиями организационной и корпоративной культуры. Главные отличия управленческой культуры организации следующие: доминирование управленческой функции, что определяется дифференциацией самого понятия «культура» в рамках социологической интерпретации; концентрация внимания на основополагающей задаче современной организации – занять лидирующее место на рынке труда и услуг в условиях постоянно возрастающей и усиливающейся жесткой разноуровневой конкуренции; реализация предприятием своей миссии – формирование саморазвивающегося и самообучающегося типа организации. Последнее возможно лишь при соблюдении некоторых управленческих принципов, прежде всего при доминировании стратегической роли лидера-руководителя организации и объединении совместных тактических усилий всего управленческого персонала организации. Не менее важным в условиях дефицита подготовленных управленческих кадров высшей квалификации является использование принципа возрастания роли менеджеров-тренеров в подготовке современных руководителей и специалистов, владеющих определенным уровнем управленческой культуры.

Культура внутриорганизационных отношений персонала (управленческая культура) фиксирует содержательный пласт ценностей, норм, образов, моделей поведения и общения, принятых в конкретной организации и представляющих производственную среду взаимодействия управленческого персонала и работодателей. Репрезентативность как важное качество (компонент) культуры фиксирует представительность управленческой культуры организации и персонала в сравнении с другими, что является одной из доминирующих содержательных ее характеристик.

Определение репрезентативной культуры впервые дали Ф. Тенбрук, Л.Г. Ионин. Они особо выделили в ней наличие верований, представлений, мировоззрения, идей, идеологии, которые «являются действенными в силу их активного принятия или пассивного признания. Другими словами, это те идеи, представления и т.д., которые в совокупности составляют генеральное определение нашей жизни» [3, с. 34]. Адаптируя данное определение применительно к управленческой культуре современной промышленной организации и персоналу, уточним основные отличительные признаки, компоненты, функции, направления социологической интерпретации и методологические принципы исследования, позволяющие в итоге сформулировать авторское понимание феномена репрезентативной управленческой культуры.

При определении понятия репрезентативной управленческой культуры, по нашему мнению, следует исходить из ее *отличительных признаков*, к которым относим фактическое ее формирование как *творческий процесс*, осуществляемый не локально, а охватывающий множество сфер социально-экономической жизни промышленных организаций, в том числе производство, финансы, потребление. *Аккумуляция* представлений, идей, мировоззрения, убеж-

дений, верований и других ментальностей персонала и организации, которые в совокупности составляют генеральное определение непростой социально-деловой ситуации современной жизни, является отличительным признаком репрезентативной управленческой культуры, в значительной степени способствующим *повышению эффективности руководства организацией*.

Выделим компоненты репрезентативной управленческой культуры, позволяющей ей рационализировать профессиональную деятельность менеджеров конкретной организации.

Большое значение имеет *инновационный компонент*, позволяющий усваивать и применять новые модели социального поведения во всех видах производственной деятельности, разрабатывать стратегию и тактику инновационной политики промышленной организации. Благодаря этому компоненту обеспечивается достижение стратегических культурных целей организации, непрерывное повышение социально-экономической эффективности промышленной организации, способность персонала организации осуществлять конструктивное взаимодействие, аккумулировать передовой управленческий опыт, постоянно совершенствовать квалификацию.

Адаптационный компонент репрезентативной управленческой культуры обеспечивает надежное приспособление поведения организации к внешнему окружению, внутреннюю интеграцию ее деятельности на базе стратегии формирования культуры (в частности, этичное поведение в конфликтных ситуациях, способность к риску и умение подсчитывать его последствия), в основе которого лежит структура идеальных, универсальных индикаторов обучения и оценки управленческого персонала. В формировании репрезентативной управленческой культуры присутствуют два разнонаправленных процесса – стихийность и организованность, то есть ее можно инициировать, используя современные разработанные программы, социокультурные технологии трансляции знаний и методов обучения.

Благодаря *аксиологическому компоненту* репрезентативной управленческой культуры не только выделяются ценности организации, но они становятся целями, которые указывают конкретные пункты ее движения, а главное, определяют магистральный путь развития. При этом необходимо правильно соотносить управленческие, национальные и общекорпоративные ценности репрезентативной культуры организации.

Отметим также *экономический компонент*, который способствует осуществлению рациональных экономических действий руководства промышленной организации, диктуемых соображениями экономической выгоды. В настоящее время особое значение приобретает достижение организацией стратегических целей по ее продвижению на рынке товаров и услуг в условиях жесточайшей внешней и внутренней конкуренции, выполнение ее миссии, решение задач по модернизации промышленной организации на основе репрезентативной управленческой культуры.

Специфика *представительского компонента* репрезентативной управленческой культуры заключается в презентации как на внутреннем, так и на внешнем уровне управленческого персонала организации в качестве сплоченной ко-

манды единомышленников, имеющей своего лидера, современную стратегию и тактику развития, способной реализовать основную миссию организации.

Не менее ценным является *творческий компонент*, заключающийся в развитии креативных способностей управленческого персонала организации в процессе самообучения, повышения квалификации, переподготовки, стажировки, а также в создании необходимой образовательной среды. Это позволит также и руководителю организации состояться в качестве успешного неформального лидера. При этом отметим, что чем глубже идет освоение репрезентативной управленческой культуры, тем активнее осуществляется развитие навыков, умений управлять собственными изменениями в квалификации, применять стратегию формирования и модернизации, управлять культурными различиями в составе персонала.

Каждая промышленная организация является уникальным социокультурным образованием, которое развивается и существует по собственным внутренним закономерностям. Работающий в ней управленческий персонал имеет определенный образ мышления и способы деятельности, обусловленные культурой организации. Выделение репрезентативной управленческой культуры в качестве самостоятельного вида культуры позволяет нам, с одной стороны, соотнести ее с управленческой культурой в качестве доминирующего компонента, а другой – показать ее значение в выполнении организацией ряда таких *функций*, как представительская, предвидение, стратегическая, планирующая, мотивационная, контролирующая.

Проанализируем основные направления социологического исследования репрезентативной управленческой культуры, позволяющие определить ее теоретическую значимость и практическую направленность. Перспективно, по нашему мнению, рассмотреть ее *ресурсного арсенала*, к которому относим стратегическое мышление управленческого персонала и ресурс менеджмента, являющиеся весомыми предпосылками коммерческого успеха современной организации.

Не менее значимым направлением является формирование у персонала способности определять *социальную ответственность* промышленной организации перед обществом, потому что она должна быть осознана и действовать во благо, а не вопреки человеку. Для этого необходимо должным образом организовать взаимодействие руководителя, команды управленцев, тренера-менеджера, чтобы они гармонично дополняли друг друга с позиции толерантности и баланса стратегического и ситуационного ресурса успеха.

Приверженность *командному стилю разработки и принятия управленческого решения*, а также *интегративному подходу в руководстве* как важным направлениям реализации репрезентативной управленческой культуры позволяет рационально просчитать риски, воплотить на практике стремление управленческого персонала промышленной организации к модернизации ее системы управления в целом.

Внедрение системы *адекватного вознаграждения персонала* по результату, начиная с постановки цели, разработки и реализации стратегии, представительства организации и ее продукции на рынке, также считается необходи-

мым направлением работы, позволяющим осуществить стремление персонала к самосовершенствованию и гармоничному развитию личности.

Использование современных социокультурных технологий трансляции знаний репрезентативной управленческой культуры – перспективное направление *эффективного внутриорганизационного обучения*. Методологической основой социологической интерпретации репрезентативной управленческой культуры промышленной организации и персонала служат следующие четыре базовых принципа.

1. *Принцип интегрализма* представляет целостный феномен социологии культуры промышленной организации [4, с. 134]. Современное исследование репрезентативной управленческой культуры, рассматриваемой в качестве системы значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, должно быть направлено на адаптацию, творческую интерпретацию, проекцию на персонал и конкретную промышленную организацию.

2. *Принцип «идеального типа»* был выделен и обоснован М. Вебером в исследовании, затрагивающем культурно-управленческую проблематику и актуализирующем оригинальную концепцию рациональной бюрократии. Одним из главных элементов в методологической базе его работы стала концепция идеальных типов. Метод идеальных типов важен для социологической интерпретации репрезентативной управленческой культуры организации и персонала и может использоваться в качестве основополагающего принципа, который позволяет исследовать рационально сконструированные схемы действий.

3. *Принцип инноваций* в репрезентативной управленческой культуре организации и персонала рассматривается нами в качестве основы социологической интерпретации для обеспечения эффективности процесса нововведений в систему руководства. Формирование стратегии культурного менеджмента, являющегося инновационным, представляет собой технологию трансляции культурных норм и образцов поведения и выстраивания карьеры в системе управления.

4. *Принцип ролевого обучения* руководителя и его команды с помощью тренера-менеджера также имеет большое значение [5, с. 188–189]. Актуальным остается вопрос о том, кто может быть тренером управленческой команды, то есть осуществлять процесс перехода к более высокому уровню репрезентативной управленческой культуры организации и персонала.

Подводя итоги, можно заключить, что репрезентативная управленческая культура представляет важную составляющую культуры социума, объединяющую персонал организации на основе стратегии ее развития. Каждая организация имеет свою уникальную репрезентативную управленческую культуру, которая позволяет идентифицировать ее персонал благодаря приверженности и преемственности знаний, целей, ценностей, норм. Отметим также, что в больших производственных организациях выделяют репрезентативные управленческие субкультуры подразделений, объединенные общими целями и ценностями, консолидация вокруг которых позволяет генерировать новые идеи, контролировать качество работы, выстраивать взаимоотношения персонала согласно нормам делового и речевого этикета.

Таким образом, социологическая интерпретация репрезентативной управленческой культуры персонала организации, включающая анализ основных отличительных признаков, компонентов, функций, направлений и методологических принципов ее исследования, позволяет в итоге сформулировать авторское определение данного феномена. По нашему мнению, репрезентативная управленческая культура организации и персонала является самостоятельным видом культуры и фиксирует представительность идей, взглядов, мировоззрения, идеологии, стиля, убеждений и ценностей, являющихся разделяемыми и результативными.

Библиографический список

1. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
2. *Красовский Ю.Д.* Социокультурные основы управления бизнес-организацией. М., 2007.
3. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. 3-е изд. М., 2000.
4. *Сорокин П.А.* Моя философия – интегрализм // Социс. 1992. № 10.
5. *Карлофф Б., Седерберг С.* Вызов лидеров / пер. со швед. М., 1996.

I.V. Stroganova
The Role of Rumors in the Corporate Culture of a Company and Certain Aspects of Their Management

Theoretical approaches to the study of intra rumors are considered. Mechanisms of the occurrence, dissemination and control of rumors are analyzed. The conclusion of the need to correct the methodology of the informal communications research regarding the peculiarities of the type of rumors is made.

Key words and word-combinations: organization, communication, informal communication, rumors.

Рассматриваются теоретические подходы к исследованию внутриорганизационных слухов. Анализируются механизмы возникновения, распространения и управления слухами. Сделан вывод о необходимости коррекции методологии исследования неформальных коммуникаций с учетом особенностей изучаемого типа слухов.

Ключевые слова и словосочетания: организация, коммуникации, неформальные коммуникации, слухи.

УДК 316.354
ББК 60.55

И.В. Строганова

РОЛЬ СЛУХОВ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ ФИРМЫ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИМИ

Среди всех видов внутриорганизационных коммуникаций особое место занимают неформальные отношения. Они являются важнейшим элементом корпоративной культуры, поскольку способствуют более эффективной социализации во внутриорганизационную среду новых работников, а также поддерживают стабильность и эффективность уже существующей системы связей.

Неформальные внутриорганизационные коммуникации проявляются и реализуются по-разному. Они существуют как мифы, легенды, традиции, ритуалы, слухи, которые

циркулируют во внутриорганизационной коммуникативной среде. Каждое из подобных проявлений имеет разное значение и выполняет различные функции при формировании корпоративной культуры.

Исследования различных проявлений неформальных коммуникационных практик носят явно выраженную психологическую направленность. Такого рода наработки могут быть полезными при выстраивании стратегии и тактики формирования корпоративной культуры организации. Знание о процессах возникновения и распространения слухов, мифов, традиций, ритуалов, их воздействия на персонал способствует повышению устойчивости организации. Учет неформальных коммуникаций при управлении современными коммерческими структурами повышает общую конкурентоспособность фирмы, делает ее более адаптивной к изменяющимся условиям внешней среды, позволяет прогнозировать и на ранней стадии купировать многие конфликтные ситуации, которые грозят перерасти в масштабные внутриорганизационные кризисы.

Мифы, традиции, ритуалы объединяет то, что они в значительной степени находятся под контролем руководства организации. Часто топ-менеджмент их культивирует и всячески поощряет. Однако существуют особые виды неформальных внутриорганизационных коммуникаций, отношение к которым со стороны руководителей по меньшей мере настороженное, – слухи и сплетни. Именно они составляют основу так называемого массового разговора, который выделяется некоторыми исследователями как специфический феномен внутри организации.

Слух по своей природе принадлежит именно устной, а не письменной или какой-либо иной коммуникации. Механизмы его распространения связаны с фактом межличностного общения. Впрочем, нередко слухи попадают на страницы газет или Интернет-сайтов, но там они служат в основном лишь поводом для опровержения или подтверждения информации.

Природа слухов может быть исследована в связи с возможностями формирования сильной корпоративной культуры и повышения устойчивости организации, поэтому важно определить основные теоретико-методологические подходы к пониманию слухов и возможности управления данным видом неформальных коммуникаций в современных организационных структурах.

Наиболее устоявшимся взглядом на природу слухов является мнение, что они возникают при отсутствии полной и достоверной информации по какому-либо интересующему людей вопросу. Как отмечает А.С. Мельничук, «с научной точки зрения, слухи – это совокупность сообщений, носящих неофициальный характер (не имеющих «санкции» или подтверждения от уполномоченных организационных структур); передающихся в ходе неформального межличностного взаимодействия («из уст в уста»), постоянно расширяя сферу воздействия» [1].

Российские психологи, определяя обыкновенные слухи (*rumor vulgaris*) в качестве теневого рынка информации, где ценность слуха заключается в его неофициальности, видят в нем первый шаг к стратификации общества. Дело в том, что в обыденном сознании мир поделен на «своих» и «чужих», где последние стоят выше или ниже в социальной иерархии [2, с. 77].

Социологический аспект дефиниции более отчетлив у Н. Смелзера, когда он связывает слухи с коллективным поведением, чаще всего стихийным и неорганизованным, в толпе (относительно большой группе людей, находящихся в непосредственном контакте друг с другом). При этом слухи представляются самым распространенным средством коммуникации. «Слухи» придают значение ситуации, которую люди не понимают, и помогают им подготовиться к действиям» [3, с. 606]. Толпа и коммуникация через неофициальную информацию в таком видении выступают главными элементами определения слухов. Примерно такую же точку зрения отстаивает и С.К. Рощин [4].

Отметим, что, в том или ином понимании, в определенной интерпретации природы слухов скрывается практический управленческий потенциал.

Понятие «слухи» имеет как минимум две трактовки. С одной стороны, слух – конкретное сообщение, которое одним лицом передается другому и достоверность которого обычно не установлена. Это, впрочем, совершенно не означает, что слухи являются ложной информацией: в дальнейшем они могут либо подтверждаться, либо опровергаться. С другой стороны, слух – особая разновидность коммуникаций, особенность которой состоит в неформальной природе. Люди, обращающиеся к такому виду коммуникации, с ее помощью стараются интерпретировать и найти разумное объяснение ситуации, смысл которой для них не является до конца проясненным.

Слухи выполняют ряд как позитивных, так и негативных функций. К положительным функциям слухов относится удовлетворение людьми комплекса различных потребностей: в безопасности, в общении, в признании, в развлечении и отдыхе. Однако чаще слухи имеют негативные последствия. Они запугивают, искажают реальность, провоцируют панические настроения, тревогу, апатию. В организации же слухи иногда способствуют текучести кадров, потере контроля над информационными потоками, идущими из компании вовне.

Возможности управления неформальными коммуникациями в принципе и слухами в частности обусловлены их природой. Объективной причиной существования слухов является потребность человека в информации о значимых аспектах жизни и работы. Недостаток такой информации вызывает рост напряженности и стремление снизить неопределенность через обращение к любым доступным источникам. Исходя из этого, важной организационно-управленческой предпосылкой появления слухов в компании становятся «сбои» в информационном обеспечении ее функционирования, в частности дефицит востребованных сведений, их неполнота или несвоевременность получения.

Другой существенной причиной широкого распространения слухов может стать недоверие сотрудников к официальным каналам внутриорганизационной коммуникации. Это случается, когда передаваемые официальные сообщения не воспринимаются как достоверные, и даже их большое количество не позволяет удовлетворить интерес к проблеме. На этом фоне даже не вполне реалистичные слухи заполняют информационные пустоты и влияют на поведение сотрудников [1]. Из этого можно сделать очевидный вывод, что руководство фирмы должно уделять пристальное внимание коммуникативной среде предприятия и стараться не допускать пустот в нем.

Как отмечается в статье менеджера по персоналу холдинга «Петротрест» С. Федоровой, механизмы порождения слухов связаны с определенными психологическими закономерностями индивидуального и группового поведения, которые известны социальной психологии и психологии личности [5]. Знание этих закономерностей психологического развития личности предоставляет управленцу целый набор возможностей влияния посредством слухов на формирование корпоративной среды организации. Прежде всего, необходимо учитывать, что слухи в организации будут циркулировать всегда. Кроме того, нужен постоянный мониторинг среды неформальных коммуникаций фирмы. В связи с этим выгодно самим «запускать» нужные слухи, а также обеспечивать режим информационной открытости для разоблачения невыгодных слухов.

Важнейшей особенностью слуха, особенно в контексте управления неформальными коммуникациями, является его роль в адаптации новых сотрудников, приобщении их к общей корпоративной культуре. Слух проводит своеобразную разделительную черту между теми, кто является членом группы, и теми, кто в нее по тем или иным причинам не входит. Сам факт обмена слухами в неформальной обстановке свидетельствует о значительной степени близости между собеседниками, в то же время отсутствие подобного обмена указывает на наличие большой дистанции между собеседниками. В связи с этим можно предположить, что весьма эффективной управленческой тактикой будет управление и манипулирование микрогруппами внутри большого коллектива посредством регулирования неформальной коммуникативной среды, сотканной главным образом из слухов.

Кроме того, слухи – это также весьма распространенный способ релаксации и развлечения, своеобразное проведение свободного времени. Некоторые исследователи отмечают, что часто целью встреч за обедом является не утоление голода в обычном понимании этого слова. Сотрудники придумывают себе повод и оправдание для того, чтобы встретиться и обменяться слухами [5]. Учет данной особенности позволяет руководителю более терпимо относиться к слухам. Следует учесть, что в условиях современной информационной экономики невозможно требовать от всех сотрудников постоянного монотонного исполнения рутинных функций.

Слухи, как и прочие виды неформальной коммуникации, выполняют в том числе и функцию компрометации конкретного лица или целой организации. Компромат как социальный феномен имеет достаточно сложную структуру [6, с. 10]. В связи с этим представляется, что слухи могут выступать как эффективное средство конкурентной борьбы, причем конкуренция может вестись не только с внешними соперниками, но и с внутренними оппонентами.

Знание функций, которые выполняют слухи, позволяет сделать некоторые заключения относительно приоритетов в их тематике. Представление же о темах слухов дает возможность грамотно выстраивать стратегию и тактику управления ими.

Принято считать, что шансы на широкое распространение имеют только те сообщения, которые освещают субъективно важные и актуальные для аудито-

рии события. Поэтому слухи в организации, как правило, концентрируются вокруг двух больших групп событий. Прежде всего, это эмоционально значимые сюжеты, непосредственно касающиеся профессиональной деятельности: общего состояния дел в организации, перспектив ее развития, перспектив ее развития, предстоящих структурных изменений и кадровых перемещений, уровня оплаты труда.

Эффективное управление слухами предполагает знание о возможных направлениях их трансформации в процессе распространения. Для выстраивания грамотной стратегии управления внутриорганизационными слухами необходимо также понимать механизм передачи информации от одного человека другому. В.В. Латынов выделяет три типа процессов: сглаживание, заострение, уподобление. «Сглаживание состоит в том, что фабула становится короче за счет исчезновения деталей, которые данной аудитории представляются несущественными. При заострении происходит увеличение значимости деталей, которые представляются существенными. При уподоблении происходит приближение фабулы слуха к психологическим, культурным, этническим особенностям аудитории» [7, с. 13].

Наиболее спорный момент в теории организационного управления, касающийся слухов, – подтверждение или опровержение их самотранслируемости. Как пишет И. Сидорская, «еще недавно считалось аксиомой представление о том, что слух обязательно подвергается дальнейшей циркуляции, слухи объявлялись принципиально неточной информацией с высоким риском искажения». Однако последние исследования рисуют другую картину: около 75% информации, передаваемой посредством слухов, доходит до получателя в неискаженном виде [8].

Анализ исследований проблемы слухов показал, что к настоящему моменту оказались выявлены лишь наиболее общие механизмы и зависимости, описывающие функционирование слухов. В отношении же более конкретных факторов единства мнений не наблюдается.

Вопросы, связанные с управленческим потенциалом слухов, фактически остаются «белыми пятнами». Более того, не выработана сама методология анализа роли слухов в системе управления неформальной коммуникативной средой предприятия. По нашему мнению, очевидна необходимость перехода от исследований самых общих механизмов порождения и распространения слухов к специализированному изучению проблем менеджмента неформальных коммуникаций в коммерческих структурах.

В целом же управление неформальными коммуникациями с целью создания эффективной корпоративной культуры и повышения конкурентоспособности фирмы следует рассматривать как целенаправленную деятельность по формированию ситуации, в которой ценности компании и коллектива, работающего в ней, совпадают. Эффективное управление неформальными коммуникационными процессами в структурах малого и среднего бизнеса требует понимания веера возможностей, которые есть у руководителя фирмы, и адекватного инструментария изучения отдачи от прилагаемых управленческих усилий.

Библиографический список

1. Мельничук А.С. Роль слухов в формировании корпоративной культуры компании: Можно ли управлять слухами, кто и как должен это делать // Офис-файл. 2008. № 110.
2. Дубин П.И., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3.
3. Смелзер Н. Социология. М., 1994.
4. Роцин С.К. Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня // Психологический журнал. 1994. № 5. С. 3–16.
5. Федорова С. Без права на ошибку: управляем слухами // The Chief (Шеф). 2005. 18 окт.
6. Федорова С.А. Компрометирующие материалы как средство политической борьбы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2009.
7. Латынов В.В. Слухи: социальные функции и условия появления // Социс. 1995. № 1.
8. Сидорская И. Слухи в организации: понятие и способы управления // Современные технологии управления персоналом. 2006. № 8.

S.V. Pynyaev
**Social Potential of Eco-Settlement
 and the Development
 of Agro-Tourism in Russia**

The problems of agro-tourism are raised. The social potential of eco-settlement is researched. The comparative analysis of Russian and foreign experience in these areas is carried out.

Key words and word-combinations:
 agro-tourism, eco-settlement, services sector.

Поднимаются проблемы развития агротуризма. Исследуется социальный потенциал экопоселений. Проводится сравнительный анализ российского и зарубежного опыта в указанных областях.

Ключевые слова и словосочетания:
 агротуризм, экопоселение, сфера услуг.

УДК 338.48:316.77
 ББК 60.55

С.В. Пыняев

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОПОСЕЛЕНИЙ И РАЗВИТИЕ АГРОТУРИЗМА В РОССИИ

Спектр туристических услуг в современном мире постоянно расширяется, завоевывая все новые пространства, ранее, казалось бы, совсем не пригодные для организации социокультурных практик туризма. Особую популярность приобретают различные виды познавательного и экологического туризма. Одним из подобных примеров является агротуризм, получивший широкое распространение в Европе, Северной Америке и других регионах мира. С точки зрения типовой классификации агротуризм, как правило, относят к одному из видов экотуризма (в данном случае ко второму), который, в свою очередь, принято подразделять на два класса:

- 1) экотуризм в границах особо охраняе-

мых природных территорий и в условиях «дикой», ненарушенной или малоизмененной природы;

2) экотуризм вне границ особо охраняемых природных территорий и акваторий, на пространстве окультуренного или культурного ландшафта (чаще всего сельского) [1, с. 87].

Агротуризм не является столь массовым видом рекреации, как, например, пляжный отдых. Он рассчитан на образованного, культурного и толерантного посетителя, ценящего не только и не столько яркие, но поверхностные впечатления, сколько возможность получить новые глубокие знания, задействовав собственное воображение и мышление. Поэтому в рамках классификации, предусматривающей деление туризма на «жесткий» и «мягкий» (впервые предложенной немецким футурологом Робертом Юнком [2, с. 329]), агротуризм можно отнести к «мягкому» варианту, представляющему альтернативу массовому жесткому туризму.

В России социальный феномен агротуризма еще не приобрел широкой популярности, прежде всего ввиду несоответствия социального потенциала современного отечественного села рекреационным ожиданиям горожан. В поле данного исследования не случайно попали именно экопоселения как провайдеры услуг агротуризма. К сожалению, на данный момент рассматривать корней сельских жителей как организаторов или хотя бы лиц, поддерживающих агротуризм, не представляется возможным. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты интервью с экспертами Института аграрных проблем Российской академии наук: О.Я. Виноградской, П.П. Великим, В.Г. Виноградским, И.Е. Штейнбергом. Большинство из перечисленных специалистов сходятся во мнении, что села России (и Саратовской области, в частности) и их жители едва ли готовы даже к опосредованному оказанию туристических услуг горожанам. Это происходит в силу социальной отчужденности и неготовности сельских жителей к реализации социальных практик агротуризма, что вызвано их преимущественно преклонным возрастом, почти тотальным алкоголизмом, потерей трудовых навыков, отсутствием образования и умения работать с современным оборудованием [3, с. 364].

Для выявления социального потенциала российских экопоселений как поставщиков агротуристических услуг необходимо проанализировать понятие «экопоселения», историю возникновения экопоселений и особенности их функционирования в России. Следует также определить основные ценностные составляющие экопоселений, а также степень их соответствия ориентирам агротуризма.

В первую очередь обратимся к термину «социальный потенциал». И. Маслова определяет его как имеющееся в наличии общества (территории, города, района) население в качестве носителя демографического, трудового, образовательного, интеллектуального потенциалов и потенциала культуры, которые могут быть оценены с помощью совокупности соответствующих статистических показателей. В случае с экопоселениями речь идет прежде всего о наличии определенных навыков, о моральной готовности их жителей осуществлять полноценную коммуникацию с агротуристами в процессе предоставления соответствующих услуг.

Экопоселения можно определить как населенные пункты общинного типа, созданные преимущественно выходцами из городов с целью создания социума, альтернативного обществу потребления. Как правило, экопоселенцы живут по определенному уставу, направленному на минимизацию антропогенного воздействия на природу за счет использования экологически чистых, энерго- и природосберегающих технологий во всех сферах своей жизнедеятельности (в строительстве жилья, выращивании продуктов питания). В России для людей, разделяющих подобные ценности, важно понимание особенностей славянской культуры и других коренных народов данной местности. Многие из них занимаются восстановлением древних ремесел и промыслов, утраченных или забытых традиций и обычаев ведической и других культур.

Примечательно, что идеи экопоселений возникали параллельно в самых разных странах и регионах мира, с различным уровнем жизни и развития экономики. В 1996 г. подобные поселения объединились в Глобальную сеть экопоселений (Global Ecovillage Network, GEN) [4]. Идеи экопоселений тесно пересекаются с Концепцией устойчивого развития, тезисы которой были провозглашены на общемировом форуме под эгидой ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г.

В России помимо термина «экопоселение» широко распространен термин «родовое поселение» или даже «родовое поместье». Автором и идейным вдохновителем российских экопоселений следует считать Владимира Мегре, который в серии своих книг «Звенящие кедры России» развил идею гармонии жизни человека с природой. В некоторых регионах России идеи данной концепции уже воплощены в жизнь. Например, в Ленинградской области еще в 1993 г. в небольшой старинной деревне Гришино стали селиться горожане, жаждущие воплотить идеалы экопоселений в жизнь. В настоящее время деревня Гришино является памятником архитектуры и находится под охраной государства. Местные экопоселенцы (а их уже несколько десятков семей) планируют создание в окрестностях деревень Гришино и Согиницы природно-архитектурного заказника – особо охраняемой территории с уникальными постройками и природным ландшафтом. В качестве одного из видов заработка жители данного и других экопоселений рассматривают доходы от туризма, предлагая различные тематические туры и семинары с проживанием в деревне от одного до семи дней. Тематика туров разная: изучение народных ремесел, путешествие по экотропам, участие в старинных праздниках и обрядах. Главное, чтобы все виды отдыха укладывались в концепцию экотуризма.

В Саратовской области пока еще не существует действующих экопоселений и соответственно возможностей организации подобных туров, есть лишь первые очаги их возникновения. В нашем регионе наиболее близко подошли к воплощению идей экопоселения в жизнь две группы энтузиастов: некоммерческое партнерство «Ведруссия» с поселением в Татищевском районе близ села Македоновка (лидеры: Илья Дарков и Владимир Бородин) и экопоселение «Дубрава» возле села Меловое Красноармейского района (лидер – Валентин Экзархо), в которое входит около сорока семей. Оба поселения уже про-

шли стадию межевания земель и оформили свои территории в аренду у государства на 49 лет. Имеются посадки молодых деревьев (как плодовых, так и лесных).

Сейчас для большинства жителей обоих экопоселений характерна сезонная и маятниковая миграция. В первую очередь это вызвано банальной необходимостью в постоянном заработке. Следовательно, на данный момент зависимость экопоселенцев от мегаполиса и большинства благ цивилизации слишком велика, чтобы ими пренебречь, как это, по сути, декларируется. По словам Владимира Бородина («Ведруссия»), прорыв в создании «живого» экопоселения может наступить лишь при условии круглогодичного проживания в нем людей. На сайте «Дубравы» указан список требований к лицам, желающим стать членами экопоселения и получить свой земельный участок. В «Дубраве» в 2007 г. появился первый дом с постоянными жителями, однако массовой подобная тенденция пока не стала.

Существуют и другие проблемы на пути создания полноценных экопоселений в Саратовском крае. Среди них особое место занимает консерватизм и зачастую неприкрытая недоброжелательность местных властей при оформлении земель для экопоселений и решении прочих бюрократических проблем.

О консерватизме сельчан упоминалось и в интервью с сотрудником Института аграрных проблем Российской академии наук Ольгой Виноградской. Эксперт особо подчеркнула социальную и психологическую обособленность сельских жителей, выраженную в негативном отношении к каким-либо новшествам и изменениям, недоверии к приезжим (в первую очередь к горожанам), нежелании идти на контакт. Взаимоотношения с выходцами из города, даже если они экономически выгодны для сельчан, в любой момент могут закончиться социальным конфликтом.

Большинство членов партнерства «Ведруссия» делают вполне конкретные шаги по установлению добрососедских отношений с жителями окрестных деревень, проводя в местных клубах вечера самодеятельности, исполняя, например, бардовские песни. Тем не менее летом 2008 г. на месте будущего экопоселения, где росло несколько сотен различных деревьев, неожиданно произошел пожар. Большинство деревьев пришлось сажать заново. По словам экопоселенцев, это была не первая попытка поджога.

В интервью с Татьяной Шаровой, директором Ивангородского центра устойчивого развития (Ленинградская обл.) была затронута еще одна проблема. По мнению эксперта, агротуризм в экопоселениях (в частности, в селе Гришине) является малопривлекательным для отечественных горожан из-за большой специфичности подобного турпродукта, что вызвано несколько аскетическим образом жизни экопоселенцев, насыщенным различными табу (в том числе на алкоголь и табак). По словам создателя одной из первых в России школ сельского туризма, большинство туристов, посещающих сельские гостевые дома во время так называемых «туров выходного дня», пытаются «развеесться» от городской круговерти в лоне природы, ведут отнюдь не самый здоровый образ жизни, что противоречит ценностям ориентирам экотуризма.

Возможно, большинство упомянутых проблем развития агротуризма в экопоселениях связано с тем, что сами экопоселения не только в России, но и за рубежом появились относительно недавно, еще не успев занять свою нишу в существующем социальном пространстве. Именно поэтому целесообразно обратиться к опыту социальной интеграции других, более старых девиантных сообществ. Одним из ярких свидетельств могут служить американские амиши [5, с. 121], представляющие собой уникальный пример создания и сохранения аутентичных традиций.

П. Штомпка выделяет два пути формирования традиций («сверху» и «снизу»), отмечая, что в пути «снизу» все начинается с того, что кто-то обращает особое внимание на определенные фрагменты исторического наследия. Затем интерес, уважение, пристрастие, почтение распространяются вширь, охватывая все более широкие слои населения, и принимают форму ритуалов, церемоний, побуждают к поискам и обновлению старых объектов, к новой интерпретации старых кредо [6, с. 92].

Амиши живут в отдельных сельских общинах, не пользуются электричеством и многими другими достижениями цивилизации. Тем не менее подобная замкнутость и старомодность не мешает многим из амишей становиться очень богатыми людьми. Немалая заслуга в этом принадлежит именно агротуризму. В последние годы мода американцев на здоровое питание привела их к тому, что они стали платить огромные деньги за экологически чистую сельхозпродукцию, производимую амишами. Помимо этого, большой популярностью пользуется разнообразная продукция их ремесленного производства, созданная вручную (мебель, одежда). Потоки туристов, устремляющихся в старомодные поселения амишей, безусловно, приносят немало беспокойства их жителям, однако едва ли те готовы полностью отказаться от столь весомого источника пополнения бюджета своей общины.

На наш взгляд, несмотря на различия в составе, возрасте и традициях, американские амиши и российские экопоселенцы имеют много общего в образе жизни, культивируемых ценностях и туристической attractiveness. Вполне удачный опыт альтернативного общества амишей, способного как гармонично развиваться по своим законам, так и активно взаимодействовать с окружающей социальной действительностью (в том числе принимать туристов), позволяет рассчитывать на то, что и российские экопоселения смогут стать в обозримом будущем центрами притяжения туристов. Многие из действующих экопоселений уже предлагают и успешно реализуют готовый турпродукт (например, село Гришино в Ленинградской области).

Ценностные ориентиры жителей экопоселений воспринимаются различными институтами общества весьма неоднозначно, тем не менее они сильно перекликаются с концепцией развития устойчивого туризма.

Как отмечалось ранее, большинство жителей экопоселений являются выходцами из города, что позволяет им легче находить контакт с туристами. Многие из них имеют высокий уровень образования и множество полезных навыков, таких как опыт предпринимательской деятельности, умение работать с сетью Интернет и создавать свои сайты. Экопоселенцы обладают вы-

сокой социальной мобильностью. Они изучают забытые промыслы и ремесла и готовы обучить этому туристов. И главное, экопоселенцы сделали свой выбор осознанно, то есть, искренне разделяют ценности экопоселенческого образа жизни, опытом которого они с удовольствием готовы поделиться с туристами.

Туры в экопоселения могут стать действенным способом пропаганды здорового образа жизни, что крайне важно для современного российского общества в условиях тяжелой демографической ситуации. Культура бережного отношения к природе, к истории и традициям своего народа, поддерживаемая экопоселенцами и представляющая собой реальную альтернативу обществу безудержного потребления, позволяет небезосновательно полагать, что российские экопоселения обладают значительным социальным потенциалом для развития в них агротуризма.

Библиографический список

1. Экотуризм на пути в Россию: принципы, рекомендации, российский и зарубежный опыт / Е.Ю. Ледовских, Н.В. Моралев, А.В. Дроздов. Тула, 2002.
2. Дроздов А.В., Басанец Л.П. Природопользование и устойчивое развитие: Мировые экосистемы и проблемы России. М., 2006.
3. Виноградский В.Г. Глубинка как «LOCUS STANDI» // Сборник материалов второй ежегодной конференции в рамках исследовательского проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». М., 2006. С. 345–364.
4. Hildur and Ross Jackson. Global Ecovillage Network History 1990–2004. URL: www.gaia.org/mediafiles/gaia/.../HJackson_GEN-History.pdf
5. Bial R. A visit to the Amish country. Chicago, Illinois, 1995.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

V.V. Mironov
**Features of Philosophy
as Interpretation**

The interpretational features and possibilities of philosophy are shown. The significance of the personal position of the philosopher in cognitive activity is emphasized.

Key words and word-combinations: philosophy, natural and exact sciences, interpretation, cognitive activity.

Показаны интерпретационные особенности и возможности философии. Акцентируется значение личностной позиции философа в познавательной деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: философия, естественные и точные науки, интерпретация, познавательная деятельность.

УДК 101.1
ББК 87

V.V. Миронов

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФИИ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Чем бы ни занимался философ в своих размышлениях, будь то вопросы логики, онтологии, этики или эстетики, в центре его внимания всегда оказывается Человек, который мыслит, живет, верит, оценивает и преобразовывает мир. Иначе говоря, он рассуждает о живом объекте, «а не о безгласной вещи и естественном явлении», что как раз и выступает, по определению Бахтина, главным признаком гуманитарной науки [1, с. 300]. Одной из сущностных характеристик философии всегда будет постановка и решение проблем с позиции предельной интерпретации так называемых «вечных» вопросов бытия, которые всегда важны как для отдельного человека, так и человечества в целом. Именно поэтому философское творчество всегда носит глубоко личностный характер и в его основе лежит особое отношение к слову (словам) как источнику новых смыслов, обнаруживаемых через возможности смысловой интерпретации.

Если представитель конкретно-научного знания так или иначе пытается ограничить разнообразие смыслов, заложенных в слове,

за счет придания последнему как можно более однозначного характера, то в философии, наряду с этой также необходимой задачей, одновременно идет процесс постоянного «наращивания» смыслов посредством интерпретации. Ученый, как правило, определив собственный предмет исследования, даже если последний не является проявлением только естественных закономерностей, рассматривают его вне системы иных, присущих ему связей и отношений. Это главное условие конкретно-научного познания, позволяющее конструировать относительно однозначный понятийный каркас науки, достигая высокой степени точности и доказательности. Но своеобразной платой за это является значительное, иногда предельное «огрубление» действительности. Именно это огрубление, часто выступающее в виде системы гносеологических и онтологических предпосылок, задает специфику предметной области науки, некий концептуальный каркас, позволяющий отличать одну науку от другой и даже новую теорию от старой. Например, гносеологические предпосылки ньютоновской теории совершенно иные, чем предпосылки теории Эйнштейна, что порождает и различие самих научных принципов. Соответственно, чем выше степень идеализации объектов предметной области науки, тем выше точность ее результатов, которая в ряде случаев, как в логике, может быть просто задана системой принятых доказательств.

Научная объективность и точность (как характеристика адекватности предметной области) естественных и математических наук реализуется как своеобразное «безразличие» к исследуемому объекту. Ученый сознательно отстраняется от целостной внутренней сущности объекта. Такой подход эффективен при исследовании недуховных образований, но искажает реальное положение дел, например, при исследовании человека, культуры, общества. В таком опредмечивании исследуемых феноменов заключается сила науки и залог практической реализуемости ее результатов. Но в этом и ее неизбежная слабость, связанная с невозможностью выйти за границы предметной области, что порождает агрессивную экспансию наук, претендующих на абсолютную реализуемость такой познавательной установки. Можно сказать, что наука точна внутри собственной предметной области, но неточна и неполна по отношению к исследованию сущности объекта как такового. При исследовании некоторых объектов и феноменов человеческой культуры такой ограниченный подход просто неправомерен. Кроме того, если рассуждать философски, то абсолютная точность не достижима уже в силу субъектно-объектного характера познавательной деятельности.

Опредмеченный характер науки порождает и адекватную форму коммуникативной ретрансляции, в качестве которой выступает монолог: «Интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь» [2, с. 206]. Философ, исследуя предельные уровни бытия и человека, выявляя их собственную сущность, не может абстрагироваться от совокупности качеств, которые присущи данным объектам. Поэтому для философии основной формой выражения знания здесь является диалог, в котором активность обеих сторон (субъекта и объекта) очень высока и часто важна не точность, достигаемая за счет сильного огрубления, а глубина проникновения в исследуемый объект.

Познание в философии, как и во многих гуманитарных науках, выступает

как постижение смыслов, заложенных в исследуемом явлении. Диалог реализуется на идеальном уровне как диалог текстов. Текст есть особое смысловое единство или смысловая целостность. Философ должен быть внутренне готов к диалогу, к ответу на предельные вопросы сквозь преломление их через свое собственное переживание мира с опорой при этом на полученные человеческим знанием. Именно поэтому сократовское понимание процесса философствования прежде всего как реального, речевого диалога – это не блажь философа, а ценностная установка, основанная на особом понимании пути образования истины как результата диалога.

Понимание текста и через него смысла описываемого явления не является прямым актом информационной передачи и в ряде случаев может значительно отличаться от первоначального, заложенного автором смысла, так как зависит от многих обстоятельств как индивидуального, так и социокультурного характера. Иначе говоря, философия имеет дело с опосредованной (текстом) действительностью. Бытие говорит с нами посредством текста. Не случайно в античности, поскольку древние воспринимали Космос как некую космическую душу, Гераклит описывал мудрость как процесс «проговаривания» истины, позволяющего участникам диалога к ней прислушиваться [3, с. 11]. Целостность текста задает смысл, который отсутствует в той совокупности знаков, из которой он состоит. Это сфера возникновения нового из ничего, из целостности, из структуры текста, но не сводимой к ней.

Таким образом, философия является своеобразной метанаукой, ибо стоит над предметным знанием, над предметной истиной. Часто ее положения не могут быть объяснены путем сведения к более общим, ибо она сама формулирует наиболее общие и даже предельные истины. Соответственно ее характеристикой является меньшая однозначность (хотя стремление к этому всегда в ней присутствует) и чрезвычайная гибкость понятийной системы – то, что в человеческой культуре было зафиксировано как диалектическое отношение к бытию.

Философский диалог – это диалог не только индивидов, но часто и стоящих за ними разных культур. Это некоторое столкновение культур, порождающее свойство напряженности между ними и между смыслами. Именно снятие такой напряженности при столкновении двух культур (внутри культурного диалога) возникает задача перевода смысла одной культуры на язык другой, а это не аналогично задаче постановки в формально однозначное соответствие системы значений понятий разных культур, разных языков, разных текстов. Это особый поиск смысловых компонентов, отражающих сущность смысла. В процессе диалога культур мы находимся в постоянном напряжении поиска адекватных смыслов, которые к тому же часто могут приобретать специфику индивидуальной интерпретации (например, переводчика).

Диалог культур как диалог текстов реализуется в смысловом коммуникативном пространстве, которое «связывает» их как по горизонтали (современные друг другу культуры), так и по вертикали (культуры, отдаленные друг от друга временем). Абсолютное понимание текста другой культуры часто затруднено, что порождает дополнительное до бесконечности множество истолкований. Текст содержит потенциальное множество смыслов, которые постига-

ются людьми, вносящими в эти смыслы свое собственное «Я», признаки собственной культуры. Полностью адекватное понимание текста в узком смысле (как достижение смыслового тождества, полной адекватности) смог бы гипотетично достичь только человек, его создавший (автор), и то если бы он предстал перед нами как некий идеальный участник диалога с самим собой, находящийся в застывшей пространственно-временной ситуации. Сфера абсолютного понимания – лишь идеальная модель. Если бы такое было достигнуто, то это была бы сфера тождественности, представляющая единое пространство скучного, зеркального понимания совпадающих смыслов. Поэтому любое понимание текста осуществляется через его личностную интерпретацию, которая представляет собой адаптацию не менее двух индивидуальных «Я» или культур друг к другу. Интерпретация – это поиск смысла сквозь призму собственного «Я». Перевод Пастернаком Шекспира – это уже отдельное самостоятельное произведение, а не просто постановка одной системы знаков в однозначное соответствие к другой. Более того, формальная точность может исказить понимание смысла.

Философия как смыслообразующая деятельность все время конструирует вторичную реальность, вторичное бытие. Результатом этой мыслительной рефлексивной работы выступает текст, представляя собой собственную, личностную интерпретацию, что, в свою очередь, порождает многозначность философского понимания. Для философии текст является не только источником информации, источником новых смыслов и прочтений. Здесь не менее важны ценностно-эмоциональные критерии. Философским текстом можно восхищаться как продуктом высокохудожественного творчества, можно быть удивленным или даже оскорбленным, встречая слишком обыденную терминологию, и почти всегда испытывать трудности, связанные с пониманием философского языка. Последнее проявляется в особой «непереводимости» философского текста на язык другой культуры.

Многие философские тексты (например, таких философов, как Хайдеггер или Сартр) представляют собой огромную проблему для переводчиков. Перевод философского текста, то есть языковой системы, насыщенной смыслами и значениями, связанными с данной культурой, всегда представляет его интерпретацию и адаптацию к воспринимающей культуре. В философском переводе, как особом произведении, вполне допустима ситуация, когда авторский текст после интерпретационно-адаптационной работы над ним переводчика может значительно отличаться от своего изначального варианта с позиции передачи смысла и значения при сохранении внешней схожести с ним. В свою очередь, понятно, что читатель перевода в этой ситуации может быть введен в заблуждение, так как различия между содержанием первичного текста и переводом могут оказаться весьма существенными.

Философия реализуется в создании текстов, являющихся личностными смысловыми конструктами разных культур, представляя собой разновидность особой, предельной интерпретации. Интерпретационное поле философии носит безграничный во времени характер, что определяет смысловую вечность философских проблем, которые независимо от времени интерпретации могут приобретать свой новый смысл и значение для современника, переходя от эпохи к эпохе. С позиции философии важен вечно привносимый и вечно интерпрети-

руемый смысл. В этом проявляется вечность и значимость текстов Платона и Аристотеля, Шекспира и Гёте, которые предоставляют нам безграничные возможности их интерпретации с сегодняшних позиций. Читая Платона, я персонифицирую его текст, я не могу его читать, так как его читал бы сам Платон. Я вношу в него свое «Я», развиваю близкие мне смысловые возможности текста, которые детерминированы иным пространственно-временным положением, другими социокультурными обстоятельствами.

Ю.М. Лотман в связи с этим обращал внимание на то, что даже история, как одна из наиболее точных гуманитарных наук, прежде всего хорошо «объясняет настоящее». Как только общество оказывается на эволюционной стадии своего развития, интерес к истории оборачивается чаще всего ее переписыванием и интерпретацией. Происходит конструирование, «но уже не будущего, а прошлого. Рождается квазиисторическая литература, которая особенно притягательна для массового сознания, потому что замещает трудную и непонятную, не поддающуюся единому истолкованию реальность легко усваиваемыми мифами» [4, с. 12–13]. Такая противоречивость истории как разновидности гуманитарного познания, нравится нам это или нет, неизбежна. И причина заключается в том, что реальная история предстает в виде совокупности текстов, в основе которых могут быть смешаны как реальные, так и вымышленные события. Первичный текст может зависеть от личных и социокультурных обстоятельств, в которых оказался летописец, дающий оценки действиям исторических лиц и событий, ранжируя их согласно собственным представлениям. Следовательно, мы имеем здесь дело не с самой реальностью, не с фактами, а с идеализированной действительностью, выраженной в текстах. Весь массив исторических текстов представляет для нас лишь своеобразную цитату из прошлого. Первичным в историческом тексте оказываются не столько сами исторические события, сколько идея автора, который интерпретирует данные события.

Рефлексия философии над культурой является составной частью философского исследования, которое всегда связано с расшифровкой смыслов той или иной культуры, то есть Текста, посредством интерпретации смыслов, исходящей из сегодняшней социокультурной и пространственно-временной заданности. Именно поэтому философию часто обозначают как самосознание культуры. Философское исследование культуры – это сознательная постановка познающего субъекта одновременно внутри конкретной культуры с целью уяснения ее синхронной сущности, то есть со стороны такого ее качества, как локальная (этническая, национальная и др.) стабильность. С другой стороны, это постановка познающего субъекта вне рамок отдельной культуры, его освобождение от локальных ценностей и традиций, что позволяет осуществлять познание собственной культуры, сквозь призму иной культуры. Исследуя культуру, философ участвует в межкультурном диалоге, в рамках особого семиотического пространства.

Философия представляет собой вторичный интерпретационный уровень, на котором происходит «интерпретация интерпретаций» (термин П. Рикёра). Она осуществляется как особая герменевтическая деятельность. Философская интерпретация основана на том, что ее объектом выступает текст, который вообще может не иметь никакой связи с реальной действительностью, с материальными

фактами и явлениями. Любая интерпретация представляет собой работу мышления, «которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [5, с. 18].

Философская интерпретация, основываясь на этой общей основе, одновременно выступает как деятельность мышления, приумножающая смыслы. Именно поэтому ее место в центре того, что когда-то было принято называть «науками о духе». Она оперирует не просто со вторичным бытием, представленным нам в виде текстов, а с интерпретациями этого бытия. Более того, даже та часть философии или те философские концепции, которые претендуют на познание мира как такового, также представляют лишь его интерпретации. Предметная область философии, то есть область применения герменевтического метода принципиально неограниченна. Анализируя «вторичный» материал в качестве «первичного», философ имеет дело с иной реальностью, чем фактическое, материальное бытие. Работая на уровне понятий и категорий, на уровне идей, он в каком-то смысле всегда является идеалистом. Именно поэтому философия всегда носит личностный характер, фиксируя самовыражение человека посредством мышления, отражаемого в тексте. В этом смысле философ выступает как наиболее *свободный интерпретатор*. Однажды открытый смысл, зафиксированный в соответствующей концепции, остается в истории. Смысловое поле науки как бы «вытянуто» к будущему, и связь с предшествующими концепциями выступает лишь как генетическая. Смысловое богатство ушедшей в историю концепции незначительно.

Философский текст (кроме специальных историко-философских задач) не является только культурно-историческим памятником, смысл которого был задан раз и навсегда, а представляет собой открытую концептуальную систему, в которой находят новые смыслы. Это один из источников приращения философского знания. Именно поэтому часто происходит, что мысль философа, которая была второстепенна в контексте ушедшей эпохи, может оказаться современной в наше время. Изучение истории философии осуществляется не само по себе, ради того, что было, а для уяснения наших сегодняшних мыслей о бытии и человеке. Платон или Кант современны для нас не в силу внутренней ценности их размышлений (что само по себе важно), а в силу возможности интерпретации их текстов сегодня.

Философия интерпретирует, исходя из анализа предельных взаимоотношений (закономерностей), которые существуют между миром и человеком на всех уровнях и личностных переживаний мира, самого себя. Именно масштаб личности философа будет в первую очередь определять и метафизическую глубину отправляемого им в мир философского текста, и новые смысловые истолкования тех текстов, которые он получит от предшествующей традиции.

Именно личностная позиция философа, постоянное обращение к истории философии как источнику общечеловеческой мудрости порождает ситуацию принципиальной незавершенности философии. «В абстракции завершенного знания нет места ничему неопределенному, но там нет места и философским категориям... есть знание, но нет познания. В любом реальном (человеческом) познании всегда существует непознанное, для предварительного охвата которого необходи-

мы ступени познания – философские категории» [6, с. 79]. Конечно, эта неопределенность может быть в некоторых случаях абсолютизирована, и тогда характеристикой философской концепции является только «смутность» и «непонятность». Но философия вообще, в отличие от естественных наук, не претендует на обязательное открытие чего-то нового. Здесь постановка вопроса может быть более важна, чем ответ, который всегда носит относительный характер.

Таким образом, философия является двойственной формой сознания, в которой органично переплетаются рационально-теоретические и ценностные аспекты духовного взаимодействия Человека с Миром. Разброс философских направлений, от попыток строить ее по образу и подобию точных наук до отказа видеть в ней форму рационального познания, не опровергает изложенного. Как рационально-теоретическая форма сознания, философия выступает самосознанием теоретической деятельности. Как ценностная форма сознания, она является самосознанием форм ценностно-мировоззренческого постижения мира. И это позволяет ей быть самосознанием общечеловеческой культуры, выдвигая рациональные и ценностные ориентиры перед Человеком и Человечеством.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст – 1974. М., 1975.
3. Лосев А.Ф. Термин «София» // Мысль и жизнь. Уфа, 1993. Ч. 1.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 1995.
6. Баженов Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М., 1978.

N.E. Kuzmina The New Image of Science and the Problem of Argumentation

The modern image of science, its formation stages are considered. Changes and prospects of development of the theory of argumentation within the framework of the new image of science are proposed.

Key words and word-combinations: post-non-classical science, quantum-relativistic world picture, the theory of argumentation.

Рассматривается современный образ науки, этапы его формирования. Предполагаются изменения и перспективы развития теории аргументации в рамках нового образа науки.

Ключевые слова и словосочетания: постнеклассическая наука, квантово-релятивистская картина мира, теория аргументации.

УДК 165.15
ББК 87.22

Н.Е. Кузьмина

НОВЫЙ ОБРАЗ НАУКИ И ПРОБЛЕМА АРГУМЕНТАЦИИ

Под термином «образ науки» имеется в виду не сама наука как таковая, а постепенно складывающееся ее восприятие. Новый образ науки базируется на представлениях о должном и сущем применительно к предмету деятельности. В рамках такого восприятия наука вырастает из ряда норм и принципов описания, языка, различных процедур обоснования и других характеристик познания.

Разные образы наук в рамках общественного сознания при различных обстоятельствах конденсируются в нормативное знание, которое в результате выражает важнейшие грани структуры некой познавательной модели. Последовательность образов науки заключается, по сути, в формулировании новых гносеологических позиций, а также в критике предыдущих образов, отчего всякий образ науки частично вбирает в себя некоторые элементы предшествующих, заменяя при этом те элементы, которые уже успели выявиться как неадекватные.

Между рациональностью и наукой долгое время ставился знак равенства, а их целостность воспринималась как нерушимая и абсолютная. Такой подход придал динамизм этой целостности и в определенной степени обосновал возможность формирования новой научной рациональности как постоянно развивающейся системы науки.

Понятия, лежащие в основе традиционных представлений о науке: абсолют, неизменность и универсальность критериев научности, принципиальная элиминированность субъекта познания, эмпирический фундаментализм, качественная однородность научного знания и принципы нормативной эпистемологии [1, с. 157], – уже не имеют статуса всеобщего и универсального. Это доказал опыт развития науки последних десятилетий.

Смену образов науки можно представить как смену *моделей рациональной аргументации*, а также как их чередование и конкуренцию в методологическом и понятийном смыслах, в практиках научных исследований. Аргументы сторонников единой и универсальной рациональности не выдерживают проверки историческими фактами. Теоретический спор, где главными становятся такие аргументы, можно продолжать бесконечно. В таком споре каждая сторона будет считать свою рациональность значительнее «рациональной».

В исследовательской литературе также подмечено, что самокоррекция научной рациональности не является всеобъемлющей [2], а это значит, что в различных науках она происходит неравномерно и непоследовательно. К примеру, базирующиеся на механической картине мира, выведенные из ньютоновско-картезианской парадигмы регулятивные принципы задержались со сменой в нескольких науках (медицина, психология, психиатрия).

В современном мире произошло немало значительных изменений в переосмыслении оснований науки. Характер новейших изменений можно передать как появление постнеклассической науки и истолковать как процесс установления нового типа научной рациональности.

В естествознании новейшая революция привела к возникновению современной науки, в частности к ряду открытий в физике, которые разрушили всю картезианско-ньютоновскую космологию. К ним же следует отнести открытие электромагнитных волн (Г. Герц), коротковолновых электромагнитных излучений (К. Рентген), радиоактивности (А. Беккерель), электрона (Дж. Томсон), идеи кванта (М. Планк), теории относительности (А. Эйнштейн), описания процесса радиоактивного распада (Э. Резерфорд). С 1913 по 1921 г., формируя представления об атомном ядре, электронах и квантах, Н. Бор создал модель атома. Свои разработки он проводил, опираясь на Периодическую систему элементов Д.И. Менделеева. Это первоначальный этап, характеризующий новей-

шую революцию в физике и в естествознании вообще. Ему сопутствует крах прежних представлений о материи, ее строении, свойстве, форме движения и типе закономерности, а также о пространстве и времени. Новейший этап привел к упадку физики и естествознания в целом, явившемуся признаком серьезного кризиса метафизических философских оснований традиционной науки.

Вторым этапом новейшей революции явилось в середине 1920-х годов создание квантовой механики и ее объединение с теорией относительности в новую квантово-релятивистскую физическую картину мира. Были разрушены представления об атомах – неделимых, твердых и отдельных слагаемых материи, о пространстве и времени – независимых абсолютах, о строгой причинной обусловленности явлений, о возможности объективного наблюдения природы. Все ранее установленные научные основы были низвергнуты [3].

Третья фаза началась с овладения атомной энергией в 1940-е годы и с появлением впоследствии электронно-вычислительной техники, а также кибернетики. В этот период наряду с физикой стали лидировать и другие науки, такие, как химия, биология и ряд наук о Земле. С середины XX столетия наука совершенно сблизилась с техникой, что и привело к современной научно-технической революции.

Специфика же новой науки конца прошлого столетия определяется *комплексными исследовательскими программами*, в которых участвуют специалисты разнообразных областей знания. Осуществление комплексной программы ведет за собой условие *синтеза* в единой системе деятельности *теоретического и экспериментального исследования, прикладного и фундаментального* знания, интенсификации прямых и обратных процессов между ними. В этих рамках вырабатывается *динамика* процессов взаимодействия принципов и представлений *образов реальности*, формирующихся различными науками. Подобный процесс понемногу стирает жесткие разделительные контуры между образами реальности, которые определяют взгляд на предметы тех или иных наук. *Науки взаимопроникают* друг в друга и предстают как фрагменты общенаучной картины мира. На развитие нового образа науки оказали влияние достижения фундаментальных наук и результаты междисциплинарных прикладных исследований. Первым результатом новейшего времени в естествознании стала квантово-релятивистская научная картина мира.

Научная революция утвердила неклассический стиль аргументации. Этот стиль принят в новой научной среде как способ постановки новых проблем, *новейшей аргументации*, проведения научной дискуссии, регулирует доступ новой идеи в область всеобщего знания, создает должный тип исследователей (не созерцателя, а деятеля). Такой стиль аргументации характеризуется следующими чертами:

1. Сменилось само понятие предмета знания. Теперь им стала не чистая реальность, которая созерцается человеком, а некий срез, который получен как результат *поставленных теоретических и эмпирических условий* освоения реальности.

2. Намечился переход в науке от изучения таких вещей, которые аргументировались как неизменные и способные вступать в установленные связи, к исследованию ситуаций, попадая в которые вещь не только ведет себя определенным образом, но и может быть (или не быть) в них чем-то. В этих случаях современная научная теория возникает с выявления способа и условия исследования объектов.

3. Знания об объекте зависят от средств познания и присущей им организации знания, что определяет специальную роль прибора, опытной установки в современном познании. При отсутствии прибора часто отсутствует и возможность отделять предмет науки, так как ему должно выделяться во взаимодействии объекта и такого прибора.

4. Разбор определенных проявлений свойств объекта и его сторон в разное время, в разных ситуациях привел к объективной «непохожести» результатов исследования. Объектные свойства зависят от слаженности с прибором. Из этого выливается легитимность и паритетность разнообразных типов обрисовки объекта, его характерного образа. И если старая наука поддерживала единую модель аргументации, отображая исключительно возможные истинные способы, то *новейшая наука поддерживает множество проекций таких моделей аргументации*. Однако эти проекции не способны притязать на законченность и всестороннее описание.

5. Классическая наука отказывалась от созерцательности и «наивной» реалистичности установок, что в результате усилило математизацию современной науки, сращивание прикладных и фундаментальных дисциплин, исследование абстрактных, неизвестных науке ранее сфер реальности – потенциальных, таких, как квантовая механика, и виртуальных, таких, как физика высоких энергий [4]. Следствием явилось взаимопроникновение теории и фактов, а также невозможность отделить эмпирическое от теоретического.

Изменилось и логическое основание науки. Наука начала применять такой логический аппарат, который больше приспособлен для фиксации деятельностного подхода к разбору явлений действительности. С этим связаны применение неклассической (неаристотелевской) логики, а также суживание рамок и отказ от использования такого классического логического приема, как закон исключенного третьего.

В современных исследованиях по теории аргументации все большее значение приобретают системные подходы. Основа построения *системной модели аргументации* заключается в дополнении логических средств аргументации когнитивными и риторическими, которые не только могли бы дополнить относительную «недостаточность» первых, но и позволить совершать значимые «переходы» из многочисленных познавательных, коммуникативных и ценностных тупиков и апорий.

Долгое время в теории аргументации находили отражение лишь логические и отчасти методологические проблемы процесса понимания, интерпретации и убеждения. Однако в современное гуманитарное, философское, уже и естественнонаучное пространство был введен тезис о том, что психологические, эмоциональные, интенционально-волевые действия играют в процессе убеждения и познания не меньшую роль, чем рациональные.

В схеме, предложенной академиком В.С. Степиным, постнеклассическая модель рациональной аргументации характеризуется вниманием ко всему неустойчивому, привходящему и случайному, переориентацией типов высказываний [5]. Если классическому и неклассическому идеалам рациональности соответствует аргументация «от третьего лица» (научное, объективное, отстра-

ненное), то для постнеклассического идеала рациональности адекватна аргументация «от первого лица» (обыденное, субъективно окрашенное мнение, представление). Информация проходит через сознание субъекта и, как следствие, значительно влияет на убеждения, когнитивные установки, социальные ориентации личности, ее индивидуальный стиль мышления [6].

За последнюю треть XX столетия возникла реальная возможность объединить представления о трех ключевых сферах бытия: неживой природе, органическом мире и социальной жизни, что и подготовило переход всей науки в целом к постнеклассической стадии развития. Современные тенденции синтеза культурных и научных знаний базируются на принципах универсальности эволюционизма, которые объединяют смыслы системного и эволюционного подходов. Они представлены *в виде систем аргументации* и подчеркивают специфику каждой конкретной отрасли знания.

Длительное время лидирующей *научно-аргументативной* дисциплиной считалась физика, которая распространяла свои идеалы и нормы на другие отрасли научного познания. Физика исследует фундаментальность структур мироздания, и вследствие этого она неизменно находится в сфере базовых наук. Но физика не включала в себя принцип развития. С другой стороны, биология тоже не достигла высокого статуса теоретической науки, так как она и сейчас находится в стадии теоретизации. Своими главными «аргументами» она считала процессы, происходящие в живой природе, которые до определенного момента нельзя было признать фундаментальными, поэтому биология длительное время не претендовала на универсальность и применение во всех областях знания.

Парадигма несовместимости классической физики и классической биологии была выявлена в XIX в. как несовместимость сопоставлений между эволюционной теорией Дарвина и вторым началом термодинамики. В рамках аргументации теории эволюции в мире совершается непрерывное проявление большого числа сложно организованных живых систем, системоупорядоченных форм и состояний. Согласно второму началу термодинамики эволюция физических систем привела к такому варианту, когда изолированные системы целеустремленно и необратимо смещаются в состояние равновесия. Подобные разногласия между двумя науками – физикой и биологией – требуют соответствующего разрешения. Предпосылками могут стать эволюционное рассмотрение Вселенной в общем и целом, а также трансляции эволюционного подхода к физике, приводящие к переформулировке фундаментальной физической теории. Но подобное обстоятельство в науке возникло лишь в современную эпоху, в последнюю треть XX в. [7, с. 642].

Таким образом, в конце XX столетия в рамках постоянно меняющейся научной картины мира возникают принципиально новые направления в развитии научной мысли. Главным связующим принципом оказывается совокупность научных знаний о природе, человеке и обществе. Система научных знаний *аргументирована теорией глобального эволюционизма* и задает новое направление научной мысли. Сквозь призму новой идеи *анализируются все явления и процессы*, которые происходят в мире. Философия и наука в целом, «обезличенные» до сих пор, приобретают «человеческое лицо». Наконец, наука и философия повернулись к сознанию человека, его жизни.

Большинство современных теорий основываются на «психологизме», антропологии, экзистенциализме, феноменологии. В связи с этим *теория аргументации* в рамках системных подходов становится разнообразней за счет появления новых возможностей (психологических, эмоциональных, интенционально-волевых). В теоретических науках происходит *перенаправленность от логической аргументации к синтезу когнитивной и риторической*. Современные мыслители выстраивают свои системы уже с учетом новейших «возможностей» теории аргументации. Новая наука образовывается и развивается в особую историческую эпоху, но этот процесс выявил пока лишь некоторые тенденции будущей науки, формирующейся сейчас.

Библиографический список

1. Порус В.Н., Никифоров А.Л. Эволюция образа науки во второй половине XX века // В поисках теории развития науки. М., 1982.
2. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1992.
3. Шарыпов О.В. О формировании новой физической картины мира на основе планкеонной гипотезы // Философия науки. 1995. № 1. С. 50–57.
4. Бранский В.П. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л., 1973.
5. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
6. Краснопольская Е. Роль софических приемов в системной модели аргументации. М., 2007.
7. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

N.V. Sitkevich
Socio-Philosophical Aspects
of Ideological Transformations
in the Information Society

The ideological transformations occurring during the formation of information society are analyzed from the viewpoint of social philosophy. Some possible tendencies of the new information way of human life are considered.

Keywords and word-combinations: ideological transformations, information society, socio-philosophical aspect.

С позиции социальной философии анализируются мировоззренческие трансформации, возникающие в процессе становления информационного общества. Рассмотрены некоторые возможные тенденции нового информационного образа жизни человека.

Ключевые слова и словосочетания: мировоззренческие трансформации, информационное общество, социально-философский аспект.

УДК 1/14
ББК 87.6

Н.В. Ситкевич

СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное общество характеризуется ускорением темпов развития техники, созданием новых интеллектуальных продуктов, превращением информации в важнейший глобальный ресурс человечества. Исследователи связывают происходящие изменения с

информатизацией, все более ощутимо заявляющей о себе во всех сферах. Они констатируют процесс перехода глобальной цивилизации в новое качественное состояние – информационное общество.

Проявлениями информационного общества не без оснований принято считать утверждение информационной картины мира, изменение жизнедеятельности и социального мироустройства на основе активного и полного использования знания во всех общественно значимых видах человеческой деятельности, осознание единства законов функционирования информации в природе и обществе, практическое их применение, создание индустрии производства и переработки информации.

Несмотря на разнообразие подходов, оценок и прогнозов становления информационного общества, они оказались выстроены в основном по одной схеме: современные средства связи и компьютеры создали новую ситуацию. В ней, с одной стороны, есть новые возможности для прогресса, в том числе для разрешения мировоззренческих противоречий. С другой стороны, возникает все большее количество обостряющихся проблем, которые авторы относят то к помехам на пути к новому обществу, то к его неизбежным следствиям.

Общепризнанного в научной среде определения информационного общества пока не существует. Имеющиеся подходы ориентированы либо на понятие «информация» и производные от нее слова, которые сами по себе нуждаются в научной конкретизации, либо на сущностное понимание значения, роли знаний и информации в современном мире.

Сам термин «информационное общество» был введен в конце 1960-х годов профессором Токийского технологического института Ю. Хаяши. Незадолго до него ведущий идеолог «постиндустриального общества» Д. Белл центральную роль в своей теоретической концепции отвел возрастанию количества и значения информации и знаний. Проблематика социальной роли информации, а также ее влияния на процесс мировоззренческих трансформаций в целом, была им интегрирована в новый теоретический контекст. Белл сосредоточил внимание на реальных изменениях, связанных с переходом к постиндустриальному обществу, которое «укрепляет роль науки и знания как основной институциональной ценности общества... вызывает к жизни набор ограничений традиционных определений интеллектуальных интересов и ценностей... поднимает серьезнейший вопрос отношения технического интеллекта к гуманитарному собрату» [1, с. 57].

В 1970-е годы И. Масуда и Д. Белл фактически осуществили внедрение этих идей и, главное, попытались связать информационно-технологические аспекты с социально-мировоззренческими. Они утверждали, что ведущее место в структуре информационного общества будет принадлежать недифференцированным в классовом отношении «информационным сообществам». Следовательно, информационный подход становится решающим и в плане понимания самого человека, который уже трактуется не иначе как субъект информационного процесса, как творец и носитель информации и знания.

Для определения сущности мировоззренческих трансформаций, связанных с парадигмальными изменениями, есть необходимость в дефинировании категории «информация».

Введенный с начала XX в. в ряд естественнонаучных областей, в середине века этот термин стал употребляться математиками, физиками и инженерами, работавшими в системе связи для обозначения сведений, сигналов, передаваемых посредством знаков. Затем усилиями представителей гуманитарных наук и философов появилось множество различных попыток дать всеобъемлющее определение информации как феномена, объекта и даже субъекта. Сегодня очевидно, что понятие «информация» многозначно, в нем проявляется инвариантность смыслов – научно-технического, социально-философского, обыденно-практического.

А. Тоффлер определяет информационное общество как цивилизацию, в основе развития и существования которой лежит особая нематериальная субстанция, условно именуемая «информацией», обладающая свойствами взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека [2, с. 30–43]. Последнее свойство особенно важно для понимания сущности нового общества, ибо, с одной стороны, информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, а с другой – служит основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека другому.

В наступившем тысячелетии идея информационного общества все более выдвигается в качестве универсальной идеологии в условиях глобализации и нарастания комплекса мировоззренческих проблем и роста потребностей людей. Информатизация охватывает все сферы жизни общества, способы деятельности человека. Информационные технологии не просто дополняют человеческие интеллектуальные ресурсы, но вторгаются в них, ассимилируются, меняют конституцию психической жизни человека, ведут к формированию синтеза человеческого разума и распределенных информационных систем.

В связи с этим становится очевидно, что в процессе информатизации общества ключевой фигурой является человек, а точнее, его личность во всех ее проявлениях. На наш взгляд, важно выявить условия, необходимые для комфортного существования индивида в информационном обществе, а также определить подходы, способствующие его гармоничному развитию во всех аспектах.

Помимо общей способности к обмену информацией, свойственной всем живым системам, человек имеет уникальную способность фиксировать уже полученную информацию в опосредованной материальной форме и считывать информацию, интерпретировать ее, используя фиксированное сообщение как источник информации, осуществлять на ее основе коммуникацию. Особенно ярко эти свойства воплощаются в творчестве: создание фиксирующего имеющуюся информацию произведения выступает как сообщение, а его считывание – как источниковедческое исследование.

Можно предположить, что основной проблемой будущего информационного века станет не решение тех или иных технократических задач, а психологическая профилактика возможного аксиологического коллапса, потенциального разрушения самих мотивационных основ человеческого поведения. Причиной подобной ситуации может стать недооценка агрессивности новой информационной среды по отношению к человеку, так как «вторжение» технологии в проблемы, связанные с личностью, в настоящее время не соотносится ни с каким конкретным содержанием. Это содержание определится ходе дальнейшего информационного прогресса, и тогда исчезнет масса моральных императивов, рассматриваемых сегодня как нерушимые. Дальнейшая дегуманизация общества, которая наблюдается практически повсеместно, представляется крайне опасной.

Важная тенденция современности проявляется и в том, что в настоящее время в развитых странах мира формируется новый, информационный образ жизни людей. Это связано прежде всего с тем, что новая информационная среда общества достаточно быстро формирует у людей новые привычки, стереотипы поведения, новый образ мыслей, новые культурные запросы и даже новые ценности. Человек уже привык пользоваться удобствами, которые дает информационное общество, и не собирается от них отказываться. Между тем новая информационная среда изменяет и самого человека, весь его стиль жизни и профессиональной деятельности. Так, сегодня можно вполне успешно организовать совместную работу людей над общим проектом, даже если они проживают в разных городах или в различных странах. Сетевая экономика, сетевые распределенные коллективы уже стали реальностью сейчас и, безусловно, будут развиваться в будущем.

Современное общество характеризуется в первую очередь новыми коммуникационными формами, в которых имеется постоянная необходимость конструирования образа партнера по коммуникации, создания правил взаимодействия с ним. Все произошедшие изменения привели к тому, что теоретики информационного сообщества фактически отождествляют процессы развития коммуникации и развития социальных структур. Таким образом, существенно изменялся базисный параметр оценки информационного социума: не информация, а коммуникация оказывается его смысловым стержнем.

Традиционная философская характеристика отношений по поводу информации сводила их к субъект-объектным отношениям. Подобные информационные отношения характерны для развития общества с преобладанием материального производства, где основное внимание уделялось информации о природной и технической реальности. В постиндустриальном обществе, характеризующемся доминированием сферы услуг, отношения по поводу информации сводятся прежде всего к субъект-субъектным отношениям. На этом этапе информационная реальность становится все более важной для социальной реальности.

В информационном же обществе, где преобладает производство информации, социальная философия выявляет доминирование полисубъектных (сете-

вых) отношений. Полисубъектность информационного общества определяется сетевыми структурами одновременного обмена информацией между множеством различных взаимодействующих субъектов. Вследствие этого формируется метаинформационная реальность второго порядка.

Таким образом, информационное общество – это социальная форма, зарождающаяся в постиндустриальной фазе развития цивилизации, характеризующаяся доминированием полисубъектных (сетевых) отношений.

С сетевым принципом также связаны гибкость и изменчивость информационного общества. При внедрении ряда научно-технических, социальных и культурных программ заметно возрастает комфортность человеческого существования, но возникают и негативные проявления как на глобальном, так локальном и индивидуальном уровне. Желание обладать материальными и социальными благами, формирующее внешнюю среду социума, ведет к застою внутренней духовной сферы, обуславливает приземленность, агрессивность интересов, погрязание в потребительстве, вещизме; самость расщепляется от переизбытка информации и коммуникаций, возникает ощущение неустойчивости, неуспевания за переменами, разбрасывания сил, потери приоритетной ориентации.

Многие представители социальной философии фокусируют внимание на тех трудностях и рисках, с которыми сталкивается современный человек, беспокоясь более всего об оскудении его внутреннего мира, уменьшении в нем доли духовности.

Ю. Рюриков пишет, что над человечеством нависают три дамокловых меча: атомная смерть, экологическая катастрофа и «меч эгоизации людей, их духовного вырождения – пожалуй, самый страшный» [3, с. 44].

В.В. Афанасьева считает, человек сейчас находится в западне перепотребления, наносящего вред «человеческой телесности, человеческой ментальности, человеческой личности, человеку в целом. Перепотребление пищи и бытовых продуктов приводит к болезням тела, перепотребление информации и коммуникаций – к болезням души» [4, с. 131].

В.Н. Игнатов подчеркивает, что на ментальность человека постоянно воздействуют рекламные акции и другие раздражители, заставляющие направлять мысли в разные, иногда противоположные стороны, что порождает синдром «разорванного сознания. Его субъект утрачивает внутренний духовный стержень, теряет точку опоры, которая могла бы одновременно служить ему и точкой отсчета, критерием оценки драматических событий кризисной эпохи» [5, с. 304].

А.В. Яловенко, развивая данную мысль, делает интересное заявление, что рассматриваемый антропофеномен сегодня получает название «человек-ризома» – это человек, лишенный центра личности, «распавшийся субъект» [6, с. 37–41].

Практически все перечисленные авторы сходятся в том, что деградация человека не останавливается, и этот процесс может все интенсивнее набирать обороты. Отсюда возникают проблемы: человек, многое имея в материальном плане, не может достичь внутренней гармонии, умиротвореннос-

ти, согласия с самим собой, в частности, потому, что жизнь у него одна и силы его организма не беспредельны. По этой причине человеку редко удается одинаково активно действовать по многим и различным в своем содержании направлениям и достигать повсюду отличного результата. Обычно считается, что чем меньше кто-то разбрасывается в своих целях, мыслях, контактах, тем более значимых успехов он достигает. Наличие свободы воли помогает человеку сделать выбор: или уделять внимание своему внутреннему миру, развитию духовности, или основные силы направлять во внешнюю среду, чтобы достигнуть обладания материальными и социальными благами, столь активно предлагаемыми ему в использование информационной цивилизацией.

Утверждается, что для человека теперь становится характерной погруженность в мир «вещный», что мысли его вращаются вокруг темы приобретения товаров, укрепления финансовой состоятельности, тогда как акты трансценденции, метафизического воспарения к высшим идеалам и нравственным ценностям исчезают из человеческого бытия. Не случайно Ю. Хабермас называет современную эпоху «постметафизической» [7, с. 15].

Впрочем, сокращение времени и энергии, выделяемых на рефлекссию, самопознание, объясняется не только сосредоточенностью исключительно на практических моментах бытия. Причиной этого может быть и неспособность человека в принципе сконцентрироваться на самом себе, и привычка отвлекаться от решения важных мировоззренческих задач средствами, им же самим создаваемыми или приобретаемыми для увеличения комфортности существования.

Таким образом, очевидно, что информационные потоки оказывают влияние на все сферы человеческого бытия, качественно изменяют уровень рефлексивности, вызывая социальные изменения и корректируя качество жизни, и, как следствие, приводят к существенным мировоззренческим трансформациям.

Библиографический список

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М., 1999.
2. Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель» с будущим в конфликте. М., 1984.
3. Рюриков Ю. Какие сверхреволюции спасут нас // Учительская газета. 1991. № 37.
4. Афанасьева В.В. Перепотребление // Человек в перспективах цивилизационного развития: сб. науч. ст. Саратов, 2009.
5. Игнатов В.Н. Социально-философские концепции постсовременности // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития / кол. авт.: А.М. Амагов, Т.С. Батракова, Т.А. Бахор [и др.]; под общ. ред. О.И. Кирикова. М., 2008. Кн. 19, гл. XXI.
6. Яловенко А.В. Самоопределение в ситуациях постмодерна // Вестник Воронежского государственного технического университета. Сер.: Гуманитарные науки. Воронеж, 2002. Вып. 9.1.
7. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к глобальной евгенике? М., 2002.

O.P. Znamtseva
Typical Characteristics
of the Information Man

The influence of the information environment on social and individual characteristics of the modern man is considered. The new qualities gained by the man in the process of adopting new information technologies are revealed.

Key words and word-combinations: informational environment, human capacity, information society, intellectual systems, informational cocoon.

Рассматривается влияние информационной среды на социальные и личностные характеристики современного человека. Показаны новые качества, которые приобретает человек в процессе освоения новых информационных технологий.

Ключевые слова и словосочетания: информационная среда, возможности человека, информационное общество, интеллектуальные системы, информационный кокон.

УДК 101.1:316
ББК 87.6

О.П. Знамцева

ТИПОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ИНФОРМАЦИОННОГО
ЧЕЛОВЕКА

Информационное общество в современных науках описывается преимущественно в социальных и (или) технических терминах. Его «классические» признаки определяют информационно-технические и социально-информационные особенности формирующейся реальности. При этом под информационно-техническими характеристиками новой реальности понимается технический ресурс, который общество создает и использует, а под социально-информационными характеристиками – содержание и последствия применения информационных технологий в обществе.

Феномен информационного общества имеет, однако, и бесспорное «человеческое измерение», которое приобрело особую важность в отечественном философском дискурсе последних двух десятилетий. Специалисты отмечают, что в последние десятилетия «становилась все более очевидной недостаточность технократических подходов... и акценты в построении прогнозов будущей социальной реальности стали смещаться на закономерности развития самого человека, на модификацию его поведения и тех фундаментальных ценностей, которые наполняют смыслом человеческую жизнь» [1, с. 681]. Таким образом, в применении к теории информационного общества интерпретируется более общий вопрос об антропологическом контексте социальной философии.

Общесоциальным основанием для обозначенной тенденции в анализе информационного общества может служить теория фило-

софско-антропологических предпосылок исследования социума, предложенная В.С. Степиным [2]. В соответствии с ней при рассмотрении общества предполагаются определенные антропологические допущения, а именно: единство субстанциальных (органическое и неорганическое тело) и культурно-когнитивных характеристик. Как следствие, возникает вопрос о некоем «социокоде», выражающемся в модели поведения, коммуникации, способах сохранения и передачи накопленной информации и опыта.

В соответствии с данной теоретической тенденцией естественным будет включение человекообразности в характеристику информационной реальности наряду с имеющимися социально-техническими параметрами. Такое измерение происходящих изменений позволяет дополнить социально-технический образ информационного общества социально-антропологическими признаками. Логичным представляется стремление философов в качестве особого субъекта зафиксировать и сделать объектом своего анализа «человека информационного». В последнее время такие попытки предпринимаются все активнее. Рассмотрим признаки, относящиеся к описанию нового типа homo.

В.М. Адров различает внешние и глубинные характеристики информационного человека [3, с. 331–336]. Возникает этот человек, по мнению ученого, под воздействием внешних факторов технологического характера. В частности, отмечается, что широкое внедрение компьютеров и других электронных устройств создает устойчивую привычку общаться с внешним миром только через технические системы. Формируется новая культурная среда со своим языком, привычками, строем мышления, новым знанием. Такова внешняя сторона типизации.

К глубинным характеристикам информационного типа человека относится его способность управлять информационными потоками, овладевать информационными системами и ресурсами. Информационный человек – свободный человек, способный сам создавать свой «гипертекст» и самообучаться. На этой основе происходит селекция людей, расслоение между ними. Человечество стоит на пороге очередного этапа в развитии глобальной цивилизации. Люди стремительно врастают во все более высокие технологии, но в то же время эти «технологии прорыва» врастают в человека и общество. Симбиоз человека с новыми технологиями способен преобразовать его радикально, превращая сегодняшнего Homo в некоторый новый вид [4, с. 3]. Этот новый вид учеными условно обозначается как *eHOMO* – «электронный (информационный) человек».

Прогнозируется, что к середине века *eHOMO* будет с момента рождения находиться в своего рода коконе – информационной оболочке, реализующей функции его воспитателя и помощника. Фактически эта оболочка начинает формироваться уже сейчас как индивидуальная информационная поддержка, база данных и знаний. Все более усложняясь и интеллектуализируясь, она превратится в расширение и продолжение оригинала, помогая ему в развитии, совершенствуя его интеллект, способности, психические и физические возможности. Однако и самой информационно оболочке предстоит развиваться в симбиозе с человеком, испытывать индивидуальные и социальные влияния.

Чрезвычайно важными представляются перспективы развития интеллекта. Для *eHOMO* потенциально становится достигаемой вся накопленная человечест-

вом информация, которая уже лет через 15–20 будет оцифрована практически полностью. В его распоряжении будут, по существу, неограниченные резервы памяти. Мощные глобальные технологии вычислений, поиска, содержательной обработки данных и знаний, оценки, выводов и обобщений позволяют надеяться на формирование и использование в любой области экспертных систем, применение которых позволит находить оптимальные управленческие решения.

Следует ожидать умножения и индивидуальных способностей самого *eHOMO*. Информационный человек с детства станет объектом анализа и оценки его индивидуальных особенностей и талантов, воздействия специальных технологий их развития, реализации и «раскручивания» потенциала личности.

Психологические характеристики *eHOMO* потенциально могут превзойти достижения техники дзен или йогов в освоении методов и приемов адаптации, концентрации, саморегуляции, мобилизации и всего прочего, не только или не столько опираясь на их методы, сколько рассчитывая на поддержку в этом плане своего *e-кокона*. Более того, кумулятивный эффект будет усиливаться за счет того, что глобальная информационная среда служит катализатором активного взаимодействия одаренных *eHOMO*, необходимого для их дальнейшего совершенствования.

В свою очередь, физиология *eHOMO* получит свой спектр средств совершенствования организма, ориентированных на стимулирование физических возможностей, наилучшего режима функционирования внутренних органов, мозга, мышц.

Те же электронные / информационные технологии станут частью будущей медицины, которая будет опираться на все возможности от будущих нано- и гено-*hi-tech* до концентрации наиболее передового опыта в интеллектуальных приборах и системах. Нет сомнений, что детальная модель конкретного организма будет доступна каждому человеку в качестве активного компонента его *e-кокона*, совмещающего оптимальное авторегулирование системы тела с внешними воздействиями в случае необходимости [4, с. 14].

«Человек информационный», на наш взгляд, как элемент информационной реальности выступает в роли не только субъекта, но и частицы самого дигитального (цифрового, информационного) пространства. Человек преобразуется, адаптируется информационной системой к ее «полю» взаимодействий.

Новые взаимодействия не могут не повлиять на изменение характера жизнедеятельности человека и в «традиционных» формах его социальности и природности. Такое обратное воздействие в философском смысле может трактоваться как «возвращение» человека в «родные пенаты», возвращение «блудного сына», однако уже в другом качестве. Вернувшийся из киберпространства, человек несет с собой иную интенсивность деятельности, иную ее направленность. Это связано с динамикой передвижения по информационным каналам, с клиповым сознанием, с интенсивным привлечением внешних ресурсов даже в частных сферах жизнедеятельности.

Техническо-информационная оснастка современного «продвинутого» человека требует соответствующей области применения. И социальная, и природная реальность меняется, «подстраиваясь» под нового человека – киберактора, для которого прежние константные условия, например нравственные им-

перативы, зачастую перестают что-либо значить. Однако с таким «самочувствием» человека связаны очевидные уже и сейчас угрозы.

Роль информационных технологий и коммуникационных ресурсов в обществе не может сегодня оцениваться однозначно. Прогрессирующие технологии и утвердившаяся массовая культура порождают «превращенные» формы развития человека. Среда не-отчужденного общения вытесняется. Подавление личности человека как социокультурного феномена становится глобальной проблемой. Личность выступает как функция – специалиста и клиента, подчиненного стандартам общества потребления, массовой культуры и корпоративной идеологии.

В мире информационной культуры актуален вопрос о возможности манипулирования смыслами, навязываемыми человеку на подсознательном уровне. Такое навязывание предполагает, что инициаторы сознательно предпринимают совершенно адекватные их замыслу действия и получают искомый результат.

Обратим внимание на обусловленность восприятия человеком информации. В данном контексте важны два аспекта: 1) особенности информации и влияние, которое она оказывает на человека; 2) место и роль самого человека в этих процессах. В первом случае человек выступает как объект воздействия информации, во втором как субъект [5, с. 342]. Информационное общество выражает объективные условия современного существования человека, предстает проявлением более общих информационных процессов, в которые человек включен как элемент универсума.

Не менее существенной оказывается личностная значимость связей и отношений человека с самим информационным миром, в котором постоянно меняются предлагаемые характеристики объектов. Информационная среда общества становится виртуальной реальностью, в которой продуцируются смыслы по специфическим для этой реальности основаниям. Информационная сфера оказывается посредником между человеком и предметным миром.

В связи с этим возникает ряд особенностей в информационном восприятии человека. Так, в индустриальном обществе получение достоверной информации, некоторый ее объем были основанием для сущностного постижения вещей. Достоверная информация основывалась на реальном знании фактов, а результаты в восприятии информации опирались на рационально-критическое отношение к ней. Считалось, чтобы полученные другими людьми знания стали нашими, необходимо и возможно проникновение в саму истину, постижение внутреннего механизма добывания этой истины. Сегодня ситуация в корне изменилась.

Информационная сфера стала сферой массового потребления со всеми присущими ей законами продвижения товара, формированием спроса, новых инновационных потребностей. Речь идет уже не о способах получения достоверной информации, а о постоянно увеличивающемся объеме продуцируемой информации. Знание как составляющая информации подменяется виртуальными фактами, которые выступают лишь «информационным поводом». В условиях «информационного бума» стало невозможным проникновение во внутренний механизм добывания истины, так как он заменяется механизмом манипулирования по поводу истины. Теперь приобщенность к информационным технологиям в большинстве своем означает приобщенность к механизмам манипулирования.

Таким образом, появление информационного человека обосновывает не только правомерность, но и настоятельную необходимость рассмотрения данного феномена в социально-философском контексте. Имеющаяся в науке некоторая описательность приводимых характеристик «человека информационного» требует дальнейшего усиления методологического и аналитического дискурса в целях конкретизации типовых признаков рассмотренного явления.

Библиографический список

1. *Иноземцев В.Л.* На рубеже эпох: экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003.
2. *Степин В.С.* Марксистская концепция общества и проблема построения современной картины социальной реальности // Философия и история философии: актуальные проблемы: к 90-летию Т.И. Ойзермана. М., 2004.
3. *Адров В.М.* Феномен информационного человека: метафизика становления // Человек в современных философских концепциях: мат-лы Четвертой междунар. конф.: в 4 т. Волгоград, 2007. Т. 4.
4. *Нариньяни А.С.* Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4.
5. *Черникова В.Е.* Человек и информация: особенности восприятия: (теоретический аспект) // Человек в современных философских концепциях: мат-лы Четвертой междунар. конф.: в 4 т. Волгоград, 2007. Т. 4.

B.A. Doroshin
Basic Archetypes of Social Elite
in Mythological Views of People
of the Volga Region

The archetypes reflecting and modeling a complex of some essential characteristics of elite are considered: the Self, the Hero, the Father and the Wise Old Man. Semantics of the archetypal images of the sacred bear, the sacred wolf and the god-Thunderer as symbols of spiritual-political elite is analyzed.

Key words and word-combinations: archetypes of the collective unconscious, mythological consciousness, social elite.

Рассматриваются архетипы, отражающие и моделирующие комплекс ряда существенных характеристик элиты: Самость, Герой, Отец и Мудрый Старец. Анализируется семантика архетипических образов священного медведя, священного волка и бога-громовержца как символов духовно-политической элиты.

Ключевые слова и словосочетания: архетипы коллективного бессознательного, мифологическое сознание, социальная элита.

УДК 177
ББК 87.6

Б.А. Дорошин

ОСНОВНЫЕ АРХЕТИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ*

Социальная и политическая стабильность, успехи и перспективы развития того или иного региона, в частности Поволжья, во многом обусловлены спецификой его элит,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ 09-03-28-303 а/в «Архетипы в мифологических представлениях народов Поволжья».

особенностями их взаимодействий друг с другом и различными социальными общностями. В немалой степени характер этих взаимодействий обусловлен глубинными социально-психологическими структурами и доминантами, опосредованными через устойчивые образы культуры и подпадающими под определение архетипических, сквозь призму которых осуществляется восприятие элит ими самими и другими субъектами.

Они детерминируют главным образом меритократическое понимание элиты, в основе которого лежат представления о значимых для общества ее достоинствах, с древнейших времен подвергавшихся мифологизации и сакрализации. Данный подход актуален и в контексте постиндустриализма.

В массовом сознании и поведении больших общностей людей перманентно актуализируются архетипы коллективного бессознательного, в особенности связанные с социальной элитой. Согласно гипотезе, представленной в нашем исследовании, проецируемые на социальную элиту или ассоциируемые с ней архетипические образы, содержащиеся в мифологических представлениях народов Поволжья, имеют определенный набор общих и сходных признаков, обладают региональным своеобразием. Обусловленное симбиотическим единством исторических судеб и актуального социального бытия данных народов, а возможно, и наличием общего для них этнокультурного субстрата, это своеобразие может быть осмысленно и концептуально оформлено в качестве компонента региональной идеологии. Последнее даст возможность более эффективно организовать позиционирование и функционирование элит Поволжья, их взаимодействие друг с другом и обществом в соответствии с этнопсихологическим базисом регионального массового сознания.

Наиболее общим архетипом, отражающим и моделирующим комплекс ряда существенных характеристик элиты и ее взаимодействия с массами, является Самость. Выступая на личностном уровне как проявление высшего единства человека, интеграции и гармонизации его различных качеств, одни из которых считаются позитивными и принимаются как высокоценные и наиболее достойные человека, а другие отвергаются как негативные, иррациональные и деструктивные, Самость обеспечивает и развитие способности понимания человеком окружающего, часть которого, так же как и часть его существа, оценивается негативно. Отдельные аспекты Самости проявляются в других архетипах: Отца, Героя, Мудрого Старца [1, с. 31, 34].

Наиболее эффективной и эффективной формой репрезентации властной элиты различных времен, народов и стран был и остается архетип Героя, который в этом отношении выступает центральным аспектом Самости. Для России, в силу ее непростых природно-географических и социокультурных условий, а также перипетий исторического пути, этот архетип имеет особое значение, особенно в переломные эпохи. Героический миф, выступая средством преодоления символического разрыва, семиотически моделирует новый порядок и оформляет возрожденную российскую идентичность. Он особенно значим в контексте представлений, связанных с элитой, поскольку Герой нередко служит как эталоном лидера, так и идеальным образчиком любого представителя элиты.

Укорененный в «старших», наиболее архаичных пластах массового сознания архетипический образ героической элиты воспроизводится в социальной практике (военная аристократия, духовно-рыцарские ордена, возводящее свои корни к тамплиерам масонство) и в эмоционально-оценочном подтексте концептов политической фразеологии («коммунистическая партия – передовой отряд рабочего класса», «питерские силовики», единороссы – «медведи»). В философском и научном дискурсе этот образ получил отражение у предшественников современных теорий элит (Платон, Т. Карлейль, Ф. Ницше, Г. Тард), а также в определении глобальной элиты как «новых кочевников» (Ж. Аттали).

В мифологии народов Поволжья архетипы Самости, Героя, Отца и Мудрого Старца нередко представлены образами божественного героя-первопредка, родоначальника, отца-основателя и, зачастую производным от них, образом царя. Последний из них связывается в аналитической психологии прежде всего с архетипом Отца, но выделяется некоторыми авторами и в качестве особого архетипа – специфического аспекта архетипа Отца [2, с. 59].

Соотношение образов героя и царя имеет и противоположную трактовку. На наш взгляд, она в значительной степени обусловлена тем, что: 1) архетип Героя является аспектом Самости; 2) образ героя интерпретируется в аналитической психологии и в качестве символа Эго, связанного с Самостью как движимое с движущим, как ствол с корнями [3, с. 106, 152]. Поэтому идея производности и вторичности архетипа Героя и Эго по отношению к Самости коррелирует с идеей восхождения мифологического образа героя к описанному Дж. Фрейзером феномену царя-колдуна (жреца) [4, с. 296]. Такое соотношение может быть обусловлено анахроничным напластованием и синтезом в процессе генезиса мифологии различных вариантов, элементов и персонажей ее сюжетов, детерминированным не достоверными представлениями об их хронологии, а в значительной степени динамикой соотношения различных аспектов Самости и Эго в психике самих творцов, ретрансляторов и интерпретаторов мифов.

Однако с точки зрения исторической объективности исходным в рассматриваемом «пучке» образов и архетипов, очевидно, является образ первопредка, восходящий к памяти о доминантных субъектах мужского пола в наиболее ранних популяциях гоминид. В ходе своего генезиса сознание людей наделяло данных субъектов героическими, сакрально-магическими и царскими достоинствами. Следовательно, в структуре интегрального архетипа Самости в контексте его фундированности названным этологическим базисом можно выделить следующую хронологическую последовательность аспектов: 1) Самость как Отец; 2) Самость как Герой; 3) Самость как Мудрый Старец; 4) Самость как Царь. Вероятно, это соотношение в той или иной мере детерминирует иерархию установок населения данного региона в отношении элит, ожидающего от них:

- 1) патернализма, социальной опеки и защиты (Отец);
- 2) решающей роли в борьбе с проблемами и врагами, осуществления кардинальных преобразований (Герой);

3) предложения мировоззренческих и смысложизненных парадигм (Мудрый Старец);

4) авторитарной персонификации (Царь).

Наличие такой иерархии установок, очевидно, характерно для существенной части российского общества в целом и обусловлено преобладанием в нем трех этнических компонентов – славянского, финно-угорского и тюркского, симбиотическое взаимодействие которых наиболее масштабно, интенсивно и долговременно осуществлялось в Поволжье.

Одной из наиболее архаичных репрезентаций архетипа Самости в мифологических представлениях народов Поволжья является образ медведя. Предполагается, что антропоморфность его фигуры и обитание в таких же пещерах, какие служили жилищами людям, способствовали его сакрализации в качестве тотемного предка.

Часто фиксируемое в этнографическом материале представление о родстве человека с медведем связывается и с тем, что из всех звериных шкур первобытному охотнику легче всего было бы надеть на себя шкуру медведя и воспроизводить в ней движения этого зверя на охоте, если нужно было подкрадываться замаскированным к настоящим медведям. Эти сходства и «перевоплощения» могли стимулировать как зарождение идеи тотемизма (медведь как архетипический Отец), так и генезис магических представлений (медведь как Маг и Мудрый Старец). Одновременно с этим восприятие медведя первобытными охотниками в качестве примера мужества, силы и бесстрашия предрасполагало и к героизации его образа (медведь как Герой) [5, с. 99–108].

У предков современных народов Поволжья медведь являлся символом священной власти. В пользу этого свидетельствуют археологические данные, накладывающиеся на характерный для архаических обществ синкретизм управленческих, священнических и военных функций. Первые яркие проявления культа медведя в Поволжье связаны с населением фатьяновской археологической культуры (пер. пол. II тыс. до н.э.) – одной из культур боевых топоров и шнуровой керамики, относимых к общим предкам балтов, славян и германцев. Найденный в центре г. Ростова ритуальный топор фатьяновского типа с медвежьей головой [5, с. 107–108] свидетельствует о связи культа медведя и сакрализации власти у фатьяновцев.

Примечательно, что у некоторых народов (в частности, у римлян и германцев) топор символизировал судебную власть и применялся как «орудие судьбы» при разграничении земельных участков [6, с. 268–269]. Идея связи топора, медведя, суда и судьбы обнаруживает параллель в древнекитайской традиции, где созвездие Большой Медведицы именовалось Яшмовыми Весами, и в некоторых других, представлявших созвездия Большой и Малой Медведицы двумя чашками весов (ср. весы как символ правосудия). Отмечая, что яшма – это символ совершенства, Р. Генон соотносил эти весы с Северным полюсом как точкой высшего равновесия и сакральным центром [7, с. 757]. Последний, с точки зрения семиотики, соотносится с элитой, мыслимой как центральная, «осевая» часть, «верхушка» общества. Топор, символизируя судебную

власть, выступает и атрибутом вершившей суд элиты (ср. ритуальные топоры в погребениях фатьяновской знати и топоры римских ликторов). Осуществление элитой функции социального арбитража, роли центра, уравновешивающего различные общественные силы и тенденции, предполагает тесную связь с ней символизма весов, как отмечено ранее, соотносимых с полюсом, центром, точкой высшего равновесия.

Связь образа медведя с символизмом элиты и центра явно проявляется и в мифологических представлениях народов Поволжья. С почитанием медведя как хозяина животных был переплетен культ славянского бога Велеса (Волоса). Его имя связывается с названием звездного скопления Плеяд (др.-рус. Волосыни, болг. Власците, сербо-хорв. Влашић и др.) [8, с. 227]. В некоторых, отражающих языческие представления, текстах Плеяды связаны с Большой Медведицей и Полярной звездой. У ряда народов Евразии и Северной Америки названия Плеяд и Большой Медведицы взаимозаменяемы. В славянском мире в отношении того и другого использовалось название Стожары. Последнее в единственном числе означает центральный столб стога, воткнутую в землю жердь, вокруг которой кругами навивается сено. Такое наименование Большой Медведицы обусловлено нахождением по ней центральной точки круговорота звезд – Полярной звезды [9, с. 49; 10, с. 40]. В индийских «Ведах» яркие звезды Большой Медведицы описаны как Семеро Риши (риши – мудрецы, аскеты, святые мужи, божественные небожители), движущихся вокруг неподвижной Дхрувы (Полярной звезды), что отражает представления об этих астрономических объектах населения северной Евразии [11, с. 8]. По численности и расположению наиболее ярких звезд Плеяды сходны с Большой и Малой Медведицами, что и обусловило их ассоциирование с ними в представлениях древних. В мифологии мордвы-эрзи Плеяды, называемые Веле, являются местом пребывания верховного бога Нишкепаза. Одним из священных животных, в обличье которого он может предстать, является медведь [12, с. 302].

Итак, связанный с медведем астральный символизм отражает идею архетипического сакрального центра. В социальном плане его представляет особая категория людей – носителей трансцендентного знания, являющихся с точки зрения социальной самоорганизации неисчерпаемым в своих потенциальных возможностях негэнтропийным (созидательным), порядкообразующим источником, задающим необходимую социуму когерентность, согласованность действий и соразмерность (функциональную целесообразность) социального организма. Такое, архетипическое по своей сути и восходящее к запечатленной коллективным бессознательным первобытной архаике с ее вождями-священнослужителями, представление о правящей элите отражено в целом ряде социальных утопий – от правителей-философов Платона до представителей научно-эзотерического правящего Ордена в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона [13, с. 424].

Варианты архаического прототипа такой социальной элиты обнаруживаются в этнокультурных традициях народов Поволжья и тесно связаны с образом медведя.

Медвежьи лапы были характерным атрибутом финно-угорских шаманов: считалось, что с их помощью они перемещаются, карабкаясь по стволу мирового дерева, на различные уровни мироздания. К Верхнему Поволжью относится легенда об основании г. Ярославля Ярославом Мудрым, победившим выпущенного на него местными язычниками (почитателями Волоса) «зверя лютого», в память о чем на гербе этого города запечатлен медведь с секирой. В данной легенде память о славянском Волосе, отождествлявшемся или, по крайней мере, сближавшемся с медведем, переплелась с финно-угорской верой в божественного медведя и обращение медведем шамана [12, с. 53–56, 331, 333].

Целый ряд свидетельств и аргументов позволяет считать Велеса покровителем как языческого духовенства и его шаманских практик, так и власти князей, очевидно изначально нередко совмещавших административные функции со священническими, что подтверждается, в частности, близостью терминов «князь» (knez) и «жрец» (ksedz) [14, с. 731].

В.В. Иванов и В.Н. Топоров связывают имя «Велес» с целым рядом фонетически близких слов, обозначающих явления, некоторые характеристики которых ассоциативно сходны: волосы, волос (власть), велес (повелитель, распорядитель, указчик), волна, волшебство и т.п. [9, с. 53–54]. В мифологии образы волос, шерсти (которая может быть волнистой и потому именуется в некоторых языках словами, родственными русскому «волна»), пряжи, нити, паутины являются метафорой незримых связей между различными уровнями и явлениями мира. Знание данных связей позволяет осуществлять власть (прежде всего магическую) над этими явлениями.

Данная архетипическая метафора с ее семантикой в контексте современных научных представлений о мире соотносится с идеями когерентности через дальноедействие или синхронии, которые обосновываются и подкрепляются квантово-полевыми моделями. Они являются основополагающими для гипотезы нелокального социального поля, вероятно содержащего в себе архетипические полевые структуры [15], которые позволяют или, по крайней мере, помогают стихии социального хаоса стать обществом.

С позиций данной гипотезы могут получить новое осмысление феномены массовых явлений и масштабных социальных процессов и тенденций. В частности, возможно более глубокое объяснение тех закономерностей, в силу которых народные празднества, массовые религиозные обряды и общественно-политические акции, чрезвычайные ситуации, военные действия сплачивают или трансформируют массы, пробуждают в них различные стороны человеческой природы – от животной до высшей духовной, а также те или иные эмоции, чувства, настроения, идеи и установки.

Достоверное и глубокое знание этих закономерностей элитой (и, очевидно, получаемое отдельными ее представителями интуитивно) позволяет с высокой степенью эффективности и при минимальных издержках управлять массами, используя методы и приемы идеологического и социально-психологического манипулирования и социальной инженерии. Осмысление социальных архетипов (вероятно, имеющих полевой характер) и их динамики дает возможность

осуществлять прогнозирование, построение алгоритмов и моделей долгосрочного развития тех или иных социальных и этнических общностей, в том числе в масштабах такого региона, как Поволжье.

В целом анализ образа медведя как мифологического персонажа традиционных культур народов Поволжья, выражающего архетип Самости, показывает, что для большинства его конкретных репрезентаций характерно преобладание того аспекта данного интегрального архетипа, который манифестируется архетипом Мудрого Старца. Это проявляется и в его связи с шаманско-поэтическим действием, магией (актуализация в психике архетипа Мудрого Старца пробуждает вдохновение и стимулирует пронизательность); и в связи образа медведя / Велеса с подземной сферой, миром мертвых (предков, дедов); и в представлении Велеса дедом сказителя Бояна («Велесова внука»); и в распространенном величании медведя «дедушкой» в обрядах и фольклоре; а также в использовании одного слова – «песатай» – для обозначения медведя и деда в удмуртском языке [16].

Другим глубоко архаическим, чрезвычайно распространенным и значимым в мифологических представлениях народов Поволжья образом, который наряду с медведем представляет в них архетипы Самости, Отца, Мудрого Старца, Героя и Царя, является образ волка. Наиболее ранний пласт этого полисемантического и амбивалентного образа связан с архетипом Отца. Миф о волкеродоначалнике характерен для уральских, алтайских и индоевропейских народов, генезис которых, согласно Н.А. Николаевой и В.А. Сафронову, восходит к так называемой евразийской общности X–IX тыс. до н.э.

В древнейшем, общетюркском пласте татарской мифологии имеется генеалогический миф, согласно которому родоначальник племени тюрк после уничтожения его сородичей врагами и бегства произвел потомство от спасшей и выростившей его волчицы [17, с. 104–106]. В.Я. Петрухин отмечал пережитки мифологических представлений о рождении богатырей-первопредков от брака с животными [12, с. 57]. К ряду таких богатырей относится князь, у которого, согласно представлениям, зародившимся еще в эпоху общеславянского единства, в младенчестве как знак магической власти пробивается на голове волчья шерсть (длака). Этим объясняется термин «волкодлак», наиболее древняя форма которого, по-видимому, состояла из соединения названий волка и медведя (ср. прус. *tlok*, латыш. *lācis* – «медведь») и находит параллели в некоторых древнегерманских именах: *Ulf-biorn* (др.-исл.), *Wulf-bero* (древневерхненем.).

Сближение волка и медведя обусловлено, в числе прочего, и представлениями об их связи с магической властью и отражено, в частности, в сочетании способностей становиться волком и медведем в ряду 12 превращений, описанных древнерусской книгой «Чаровник» [18, с. 242–243]. Реальным прототипом волкодлаков явились представители славянской родоплеменной элиты – ритуально преобразовавшиеся в волков для обеспечения плодородия лидеры, совмещавшие функции жрецов и вождей [14, с. 731].

Образ тотемного волка трансформировался со временем в образ бога-Волка. В тюркских героических сказаниях, так же как в индоевропейских пред-

ставлениях о Волчьем пасторе, и в частности о русском Лешем, иногда представлявшемся Белым волком, фигурируют волки-волшебники белого и сивого цвета. Эпитет «сивый», восходит в индоевропейских языках к общеиндоевропейскому **t'eī* – «сиять», производным от которого является хеттское слово *sius* – «бог» и «бог Солнца». Таким образом, определение «Сивый, Белый» означает не цвет шерсти волка, а «Сияющий», «Светозарный», «Божественный». Явственные черты архаичного бога-Волка присущи славянскому Велесу, имеющему также медвежьи признаки и отразившемуся в образе Волха Всеславьевича – князя-волшебника и оборотня [17, с. 120, 124].

На протяжении своего длительного генезиса образ волка в представлениях народов Поволжья имел немало значимых параллелей, а в некоторых случаях неразрывно переплетался с образом медведя. Как и последний, он представлял различные аспекты интегрального архетипа Самости в той же последовательности их проявления: архетип Отца (тотемный волк), архетип Героя (богатырь-первопредок от брака человека и волчицы), архетип Мудрого Старца (сивый волк – хозяин леса и зверей, волкодлак-жрец) и архетип Царя (волкодлак-князь).

В эпоху усиления военной знати, перехода от родоплеменных отношений к государственности в качестве архетипических образцов элиты на первый план выступают боги-громовержцы. В славянской, в частности русской, мифологии это Перун; в мордовской (эрзя) – Пурьгине-паз, имя и образ которого возникли под влиянием балтского Перкунаса, имеющего общее индоевропейское происхождение с Перуном. Кроме этого, русского и мордовского громовержцев сближает влияние на образ последнего Ильи-пророка, явившегося христианской заменой Перуну и вобравшего в себя некоторые его черты и функции. Сходство с Перуном отличает и громовержца мордвы-мокши – Атяма [12, с. 308–315]. В тюрко-монгольском наследии татар мифологическим персонажем, несущим в себе черты царственного бога-героя, выступает Тенгри – верховный небесный бог, обладавший, наряду с прочими, громовническим и воинским аспектами, являвшийся покровителем воинов и ханов, образцом и подателем ханской власти [19, с. 500–501].

Таким образом, три рассмотренных архетипических образа, связанных с характеристиками элиты – священного медведя, священного волка и бога-громовержца, – имеют существенные общие и сходные черты в мифологических представлениях народов Поволжья. При этом наиболее универсальными из них, полнее всего выражающими интегральный архетип Самости являются первые два. Существенное значение имеет и то, что по сравнению с громовержцем у них более выражена характеристика обладания знанием и его умелого использования, особенно актуальная ныне, в условиях информационного общества, для современных элит. Представляется, что правильно организованное в соответствующем контексте и при соответствующей интерпретации позиционирование этих образов в информационном пространстве Поволжья способно повлиять как на представления об элитах, так и на динамику их реальных качеств, способствовать оптимизации социаль-

ного, в том числе межэтнического, взаимодействия в масштабах данного региона.

Комплекс специфических черт, присущих рассмотренным архетипам, выраженным через мифологические представления народов Поволжья, может быть осмыслен и концептуально оформлен в качестве компонента региональной идеологии. Возможно его применение для предотвращения и минимизации социальных конфликтов, обусловленных различием в образцах подражания, а также для консолидации регионального сообщества в противодействии унификаторской тенденции преобладающего ныне варианта глобализации, сохранения национальной и региональной самобытности и идентичности.

Библиографический список

1. Самохвалов В.П. Психологический словарь и работа с символами сновидений и фантазий. Симферополь, 1999.
2. Болен Д.Ш. Боги в каждом мужчине. Архетипы, управляющие жизнью мужчин. М., 2005.
3. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы: курс юнгианского психоанализа / пер. с англ. М., 1997.
4. Мелетинский Е.М. Герой // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1991. Т. 1. С. 294–297.
5. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994.
6. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. И.С. Свенцицкой. М., 1996.
7. Генон Р. Царь мира // Генон Р. Кризис современного мира. М., 2008. С. 715–782.
8. Иванов В.В., Топоров В.Н. Велес // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1991. Т. 1.
9. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
10. Куликов А.А. Космическая мифология древних славян. СПб., 2001.
11. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983.
12. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2005.
13. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999.
14. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
15. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного. Квантовоподобная социальная реальность. М., 2005.
16. Илимбетова А.Ф. Отражение культа медведя в мифологии и народных традициях башкир // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана: сб. науч. трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2008. Вып. III. С. 107–119.
17. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.
18. Иванов В.В., Топоров В.Н. Волкодлак // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1991. Т. 1. С. 242–243.
19. Неклюдов С.Ю. Тенгри // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1991. Т. 2. С. 500–501.

E.V. Dzyakovich
**Local Identity Formation:
 Territorial Factors
 and their Social-Cultural Meaning
 (by the Example of the Khopyor
 Region Territory)**

The processes of local identities formation in socio-cultural space of modern Russian regions are actualized. The role of the territorial factor is considered by the example of the Khopyor Region local identity.

Key words and word-combinations: socio-cultural space, local identity, territorial peculiarities, Khopyor Region.

Исследуются процессы формирования местных идентичностей в социокультурном пространстве современных российских регионов. Роль территориального фактора рассмотрена на примере местной идентичности Прихоперья.

Ключевые слова и словосочетания: социокультурное пространство, местная идентичность, территориальные особенности, Прихоперье.

УДК 326.2
 ББК 60.2

Е.В. Дзякович

**ФОРМИРОВАНИЕ МЕСТНОЙ
 ИДЕНТИЧНОСТИ:
 ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ
 ФАКТОРЫ
 И ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
 ЗНАЧЕНИЕ
 (на примере территории
 Прихоперья)**

Понятие пространства, его свойства, характеристики и особенности, традиционно рассматривается в различных гуманитарных и естественнонаучных областях знания. Данный факт, безусловно, связан с особой значимостью этого феномена, так как территориальное измерение, «привязка» к конкретному месту является одним из свойств любой сферы социальной действительности.

Пространство российского социума представляет собой уникальное явление с территориальной, национальной, культурной, религиозной и других точек зрения. В его рамках актуализируется региональная информационная составляющая. Это связано с целым рядом обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. К первым можно отнести обширные территории, находящиеся в различных геоклиматических условиях, промышленную или сельскохозяйственную ориентацию экономики, гендерный баланс населения, различия в социокультурной среде регионов, развитие науки и образования на региональном / местном уровнях. Вторые обусловлены наследием советского прошлого, а также с последующим укреплением самостоятельности (прежде всего экономического характера) регионов, образованием новых территориально-политических структур (в частности, федеральных округов).

В современной повседневности приходится постоянно сталкиваться с понятием пространственной идентичности, или ментальной самоидентификации населения, связанной с «привязкой» к той или иной местности. Говоря о местной идентичности, необходимо учитывать целый ряд факторов. Одним из первых обращает на себя внимание фактор территории. Именно в неких территориальных границах, очерченных формально-административно или же сложившихся путем естественного исторического развития, происходит первичная локализация пространства.

В России сейчас наблюдается очевидный кризис самоопределения мест, так как после распада СССР многие территории символически выпали из единого пространства. «В сознании нескольких поколений своих жителей они были винтиками с назначенными заданиями, сейчас этого уже нет; неясно, где они, что, для чего... Почти весь двадцатый век города были немые и безобразны. За них говорила партия, и образ был для всех един. Все процессы в культурном ландшафте возобновились после того, как сошел-стаял советский ледник. И вот на повестке дня местное... самоопределение» [1]. При этом, как отмечается далее, исторического опыта такого самоопределения у большинства городов нет.

Весьма интересным объектом исследования в данном контексте представляется территория Прихоперья. Это достаточно четко локализованная местность как с точки зрения географического единства, даже некоторой монолитности (несмотря на разделенность по разным регионам), так и с точки зрения сформированности на достаточно высоком уровне единого коммуникативного пространства.

Прихоперье как географический объект представляет собой местность на юго-востоке Европейской части Российской Федерации, расположенную в бассейне реки Хопер (левого притока Дона). Условно верхнюю идентификационную границу Прихоперья можно провести по Ртищевскому району Саратовской области, нижнюю – по Урюпинскому району Волгоградской области. При этом самое верхнее течение реки не обладает своей собственной местной и социокультурной идентичностью, оно органично вписано в контекст Пензенской области. Аналогично – и низовье, устье Хопра, где наблюдаются все характерологические черты донской идентичности.

На современном этапе есть основания говорить о формировании прихоперской идентичности на территории Саратовской, Волгоградской и Воронежской областей, которые в силу расположения областных центров относятся к Поволжью или к Черноземью. Заметим, что «хоперские» названия нигде формально не закреплены. Именно «официальная» невыделенность Хопра как идентификационнообразующего центра и способствовала формированию на рассматриваемой территории естественной, «низовой» идентичности. Этим во многом объясняется и некоторая уникальность социокультурного прихоперского феномена.

В целом Прихоперье располагается таким образом, что его основные центры (Балашов, Борисоглебск, Новохоперск, Урюпинск, Поворино) оказываются на достаточно большом расстоянии (не менее 200 км) от соответствующих региональных административных центров, что приводит к значительному ослаблению связей между каждым из них и соответствующим центром области.

Более того, каждый из этих городов обладает абсолютно самостоятельными и достаточно мощным центростремительным потенциалом.

Перечисленные особенности не позволяют в рамках данного исследования в полной мере опираться на институциональный подход, когда территория рассматривается как формальный регион, имеющий отдельный конституционно-правовой статус [2, с. 12–13]. Значительно большую актуальность приобретает общественный (или коммуникационный) подход, согласно которому «политические коммуникации создают сообщество, которое представляет собой географически компактный сгусток политических коммуникаций» [2, с. 14].

Настоящее исследование предполагает анализ не только и не столько политической стороны проблемы, сколько рассмотрение широкого спектра различных социокультурных явлений. В связи с этим представляется актуальным более широкое понятие социальных коммуникаций.

При характеристике местного, территориального образования нельзя оставить в стороне его ландшафтные составляющие. С точки зрения «пейзажных» особенностей Прихоперье достаточно однородно. Картины природы там легко узнаваемы и практически неизменны в различных районах. Это зона лесостепного, с преобладанием степного, ландшафта.

Уникальные черты местному колориту придают величественные сосны (известно, что на территории Хоперского заповедника брался строительный материал для петровской флотилии), растущие на песчаных дюнах, но не прибалтийского, а южного типа. И лес и степь представлены в официальных элементах позиционирования многих прихоперских городов во внешнюю среду – в городских гербах. Так, на гербе Урюпинска изображен стилизованный дуб, на гербе Балашова – стилизованные же арбузы.

Хопер и его притоки (Карай, Ворона, Ольшанка, Бузулук и др.) отличаются чистотой воды и обилием естественных родников, что составляет предмет особой гордости местных жителей. В разговорах чистота водоемов упоминается столь часто, что приобретает не только эколого-географическое, но и интересующее нас в первую очередь социокультурное значение.

Тема рек вообще в Прихоперье приобретает особый, подчас символический статус. Хопер по своей длине входит в число достаточно крупных европейских рек, он длиннее, чем Темза или Сена – культовые, или брендовые, в своем роде реки. На статус такого же бренда – по крайней мере, для России – может претендовать и Хопер, тем более что многие растения, занесенные в Красную книгу и практически не встречающиеся в естественной природе, там представлены достаточно широко. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении рыбы: типичный житель Прихоперья – непременно заядлый рыбак.

Один из известных исследователей (прежде всего географов) Прихоперья В. Каганский отмечает: «Недавно я был на среднем течении реки Хопер (о которой не знает ни один житель России) и отметил три города: Новохопёрск и небольшие Борисоглебск и Балашов. Какими они были соседями до революции – сейчас неизвестно, но очевидно были – их связывала река» [1]. Взгляд и позиция исследователя, безусловно, представляются весьма интересными. Тем не менее в приведенной характеристике легко отметить ряд неточностей.

В частности, вызывает сомнение утверждение о полной неизвестности реки Хопер в масштабах современной России. Проведенное эмпирическое исследование (массовый опрос и ассоциативный метод) показало, что хотя уровень осведомленности респондентов об этой реке и прилегающей к ней местности достаточно невысокий, но говорить о полной ее неизвестности неправомерно. Несколько субъективным и односторонним представляется, на наш взгляд, выделение только трех упоминаемых городов как своеобразных центров Прихоперья. Так, по меньшей мере, остались за рамками исследовательского внимания город-анекдот, город-бренд – Урюпинск, а также крупный железнодорожный узел Поворино. Что касается численности населения, то лишь один из упомянутых В. Каганским городов (Новохоперск) относится к категории малых – менее 20 тысяч постоянных жителей. Например, Балашов был областным центром в период с 1954 по 1957 г. Не уделено внимания сельской и хуторской культуре, которая является яркой и своеобразной чертой Прихоперья, а также собственно малым городам и районным центрам (таким, как, например, Романовка, Самойловка, Аркадак, Елань, Рудня и др.) – без хотя бы упоминания о них «портрет» территории выглядит неполно.

Спорным выглядит и тезис В. Каганского о неизвестности «соседских» судеб этих городов в дореволюционную эпоху, а также об их связанности исключительно рекой. Материалы местных архивов и краеведческих музеев, публикации в СМИ (прежде всего в газетах «Балашовская правда» и «Урюпинская правда») дают достаточно полное представление о культурных и экономических связях, объединяющих Прихоперье в разные исторические периоды.

Несмотря на то что идентичность Прихоперья не столько сельская, сколько провинциальная в целом, обращает на себя внимание мысль, высказанная Н.Е. Покровским: «Иногда складывается впечатление, что горожане вообще хотели бы забыть о самом существовании сельской России, просто забыть о ней навсегда, как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации» [3, с. 5]. Эти же слова в значительной степени можно отнести ко многим местным, не столичным идентичностям.

Территориальная удаленность Прихоперья от столичных, и в первую очередь от собственных региональных, центров привела к актуализации в данной местности концептуальных понятий «свой» – «чужой», «мы» и «они». Эти концепты в рассматриваемом случае приобретают свое, специфическое наполнение. Под концептами в данном исследовании будет пониматься единица мышления со своей, определенным образом не жестко организованной структурой, которая образована «когнитивными классификаторами и объединяемыми ими когнитивными признаками, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей» [4, с. 9].

Концепты в частности и концептосфера в целом являются ментальными сущностями. Следовательно, правомерно говорить о наличии различных групповых концептосфер: профессиональных, возрастных, гендерных [5, с. 9]. К ним же примыкают концептосферы территориальные, являющиеся едиными для определенной местности и соответственно относящиеся к идентификационнообразующим факторам. На сам факт актуализации концептной оппози-

ции «свой» – «чужой» применительно к рассматриваемой местной идентичности обратил внимание В. Каганский [6, с. 157].

В целом же понятия «мы» и «они» являются во многом ключевыми для характеристики и других местных идентичностей с точки зрения их ментальной картины мира [7, с. 16–17]. Анализируя Прихоперьё в этом ключе, можно обозначить несколько линий территориального противостояния.

На верхнем, в определенном смысле универсальном для любого государства уровне отчетливо выделяется противопоставление «своих» / россиян, – и «чужих» / жителей дальнего зарубежья. Корни этой оппозиции находятся в историческом (еще досоветском) прошлом и не являются уникальной характеристикой местной идентичности.

Следующий уровень противопоставленности проходит по линии «свои» / коренное население – и «чужие» / представители ближнего зарубежья. Здесь в позиции «чужой» прежде всего оказываются жители Закавказья и Средней Азии. Этот факт также не является уникальным для рассматриваемой местности. В той или иной степени подобные проявления можно отметить на всей территории современной Российской Федерации. Более того, во многих регионах Центральной, прежде всего подмосковной России это противостояние выражено значительно отчетливее.

Таким образом, есть основания предполагать, что сформулированные уровни концептной противопоставленности характеризуют картину мира россиян вне зависимости от территории их проживания или принадлежности / непринадлежности к той или иной местной идентичности.

Следующий уровень оппозиции «свой» – «чужой» ярко представлен в провинции (вновь вернемся к определению В. Каганского) как таковой, без учета ее регионального членения. В данном случае оказываются противопоставленными друг другу «свои» / жители не-столицы в целом – и «чужие» / жители столицы. К жителям столицы отношение коренного населения Прихоперьё достаточно настороженное и недоверчивое, но вместе с тем содержащее элемент зависти. Такое отношение также не является показателем местной уникальности – оно скорее отражает картину мира современной провинциальной России.

Наконец, самый важный, с нашей точки зрения, уровень концептной и ментальной оппозиции, позволяющей сделать выводы о сформированности на территории Прихоперьё именно местной идентичности, – это оппозиция «свои» / жители Прихоперьё – «чужие» / жители региональных центров (Саратова, Волгограда, Воронежа соответственно). Для балашовцев, урюпинцев, поворинцев и представителей других населенных пунктов, входящих в состав Прихоперьё, региональные центры воспринимаются как некие чуждые, а порой и однозначно враждебные силы. Этим силам нет никакого дела до жизни в «глубинке», более того – сама «глубинка» им не интересна и не понятна.

Несколько примеров из проведенных с 2007 по 2009 г. эмпирических исследований иллюстрируют этот тезис.

Коренной житель г. Балашова (мужчина, 55 лет, образование высшее гуманитарное, доцент Балашовского филиала СГУ): *Странный город, и люди там странные, им объяснить ничего не возможно – у них как будто своя система кровообращения.*

Коренной житель г. Поворино (мужчина, 39 лет, образование среднее специальное, частный предприниматель – таксист): *Сидят всю жизнь в своем Воронеже – а дальше дачи носа не высовывали, не знают, как мы, простые люди, тут живем.*

В Урюпинске по методике «скрытый покупатель» была предпринята попытка *купить в качестве сувенира что-нибудь из местных спиртных напитков* (факт отсутствия в городе своего ликероводочного завода был известен заранее). На сформулированную таким образом просьбу продавец (коренной житель Урюпинска, женщина, 43 года, образование среднее специальное) предложила на выбор напитки, изготовленные в Балашове, но не в Волгограде.

При характеристике территориального фактора Прихоперской идентичности нельзя обойти стороной роль рек и гидронимов в целом.

Общеизвестным является тот факт, что многие названия местностей России происходят от водоемов (например: Поволжье, Забайкалье, Приамурье и др.). «Нетрудно заметить, что неадминистративные самоназвания регионов в большинстве своем – гидронимы... Интересно и то, что речные бассейны имеют четкие границы, которые к тому же обычно не совпадают с административными границами региона» [7, с. 133]. Не составляет исключения и слово «Прихоперье», образованное от названия реки Хопер, а сама прихоперская местность, находится, как уже не раз подчеркивалось, на территории нескольких современных субъектов Федерации.

Прихоперская идентичность формировалась в своеобразном междуречье Волги и Дона. Формально-географически Хопер является левым притоком Дона и находится в бассейне именно этой реки. Но лишь территории, расположенные по самому нижнему течению Хопра, обладают отчетливо выраженной донской идентичностью. К тому же река не протекает по «классическим» донским регионам, а потому в ментальной картине мира прихоперцев Дон играет скорее второстепенную, фоновую роль. При этом нельзя не отметить ряд сходных черт между бытом, повседневным жизненным укладом донским и хоперским.

Гораздо более значим для самосознания коренного населения другой гидроним – Волга. Этот факт связан прежде всего с расположением именно на Волге таких двух региональных центров, как Саратов и Волгоград (Воронеж традиционно считается столицей Черноземья, а потому в меньшей степени гидроцентрирован). Соответственно, значительной части жителей Прихоперья было навязано наименование «Поволжье», никоим образом не соответствующее ни менталитету местности, ни природно-ландшафтно-климатическим ее особенностям.

Формальная отнесенность к Поволжью присутствовала практически во все исторические эпохи – исключение составляет, пожалуй, период существования Балашовской области. Однако, анализируя роль рек, мы вновь сталкиваемся с оппозицией «мы» и «они». В связи с этим уместным представляется высказывание Н. Петрова, что «в становлении окружной и других видов надрегиональной идентичности велика роль и сил отталкивания, оппозиции «мы – они». Например, «мы – Урал» (со стороны Башкирии, Пермской области, Удмуртии, включенных в Приволжский федеральный округ)» [7, с. 151]. И хотя приведенные слова исследователя относятся в первую очередь к характеристике фе-

деральных округов, образованных в 2000 г., они в полной мере применимы и к анализируемой прихоперской идентичности.

Ситуация усложняется не только тем, что Прихоперье с позиций географии неправомерно относить к Поволжью. Дело в том, что бренд Волги является одним из самых сильных и знаковых в отечественной культуре. Именно за Волгой давно и прочно закрепился статус «главной реки России» – реки, соединяющей в себе индустриальную мощь, и выполняющей «пограничные» (между Европой и Азией, между Центром и Югом – в их символических выражениях) функции, и имеющей культурно-историческое значение (достаточно вспомнить Сталинградскую битву во время Великой Отечественной войны).

Под «давлением» такого мощного бренда Хопер, естественно, отходил на второй план. Этой реки (и соответственно прилегающей к ней местности) словно бы не существовало ни в картографическом, ни в административно-территориальном отношении. Достаточно посмотреть любой атлас (опять же за исключением изданных в период с 1954 по 1957 г., когда существовала Балашовская область) – и мы обнаружим Прихоперье «разбросанным» по Поволжью и Черноземью. Вместе с тем, как уже отмечалось ранее, река Хопер интересна сама по себе, к тому же она обладает достаточной протяженностью, чтобы претендовать на свой собственный статус. Эти факты привели к тому, что в ментальности Прихоперья прослеживается достаточно сильная территориальная «отстройка» от бренда Волги.

Приведем несколько примеров.

Коренной житель г. Поворино (мужчина, 50 лет, образование среднее, частный предприниматель): *Да что там на вашей Волге хорошего есть? Вся рыба отравленная! Тьфу!.. То ли дело – наш Хопер. Рыбы – завались...*

Коренной житель г. Балашова (мужчина, 31 год, образование высшее, программист): *Был я недавно на пляже в Саратове – грязь кругом, вода в Волге мутная, купаться противно. А домой приехал, на Хопер пошел – красота...*

Коренной житель г. Урюпинска (женщина, 44 года, образование высшее, журналист): *Я недавно была по работе в Волгограде. Пошли мы как-то вечером на Волгу – ну тоска: вода мутная, запах какой-то странный. Я сразу же наш Хопер вспомнила.*

Аналогичные примеры можно продолжать. Все респонденты, идентифицирующие себя как представители Прихоперья, вне зависимости от пола, возраста, уровня образования, в качестве «основной» реки указывают именно Хопер, при этом, как правило, противопоставляя его Волге и порой наделяя его самыми разными, подчас мифологическими, достоинствами. Налицо ярко выраженная «отстройка» от более сильного конкурирующего речного бренда – Волги.

Таким образом, можно утверждать, что территориальный фактор в формировании местной идентичности играет весьма существенную, а порой и основополагающую роль. Именно он является первичной идентификационнообразующей предпосылкой.

Однако современные официальные (именно официальные, не коммерческие и не «низовые», возникающие полуспонтанным образом) средства массовой коммуникации могут в существенной степени ослабить значение места именно как ментального единства. Особенно показательные примеры такого

деконструирующего влияния средств массовой коммуникации на проявления местной идентичности можно наблюдать в тех случаях, когда природно-географическое, а в еще большей степени – ментальное единство вступает в противоречие с единством административным. Пример местной идентичности Прихоперья подтверждает этот тезис.

Библиографический список

1. URL: <http://www.journal.60parallel.org/ru/journal/2008/31/294>
2. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2006.
3. Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. Н.Е. Покровского. М., 2008.
4. Попова Д.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку: антология концептов. Волгоград, 2005. Т. 1.
5. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002.
6. Каганский В. Средний Хопер // Отечественные записки. 2006. № 5.
7. Центр и региональные идентичности в России. СПб.; М., 2003.

Е.Yu. Strigankova Lingvocommunicative Strategies of Social Interaction

The research of lingvocommunicative strategies paradigm includes the investigation of their content, structure, hierarchy, their role in communicative technologies modernization, the functioning in the processes of social changes. Interpretive, hermeneutic, semiotic, and discursive strategies are the effective tools of social reality construction, they provide the efficiency of social interaction.

Key words and word-combinations: social interaction, social communication, lingvocommunicative strategies, discourse, linguistic capital.

Исследование парадигмы лингвокоммуникативных стратегий включает изучение их содержания, структуры, иерархии, их роли в модернизации коммуникативных технологий, функционирование в процессах социальных изменений. Интерпретационная, герменевтическая, семиотическая и дискурсивная стратегии выступают эффективным инструментом конструирования социальной реальности, обеспечивая успешность социального взаимодействия.

Ключевые слова и словосочетания: социальное взаимодействие, социальная коммуникация, лингвокоммуникативные стратегии, дискурс, лингвистический капитал.

УДК 1:316:81'27
ББК 60.026:81.001.2

Е.Ю. Стриганкова

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Доминирование системы коммуникации, созданной к началу XXI в., принципиально меняет характер общечеловеческой культуры и межкультурного общения. Это влияет на состояние современной социальной теории, разработку научных концепций модернизации современного общества, в том числе его коммуникативной системы, способной соответствовать успешному социальному взаимодействию.

В настоящее время происходит стремительное приращение знаний в сфере социальной информации и коммуникации. Новое направление знания об обществе – социология коммуникации – изучает, как средствами социальной коммуникации способствовать установлению эффективных свя-

зей человека, группы и общества в целом с его культурным и социальным окружением.

С данной позиции управление социальными связями включает в себя коммуникативную форму взаимодействия и должно осуществляться в соответствии с нормами, традициями государственного и общественного устройства, прогнозироваться, реализовываться в соответствии с определенными коммуникативными технологиями. Для успешной модернизации процессов социального взаимодействия необходимо разрабатывать инновационные коммуникативные стратегии, совершенствовать их лингвистическое и языковое содержание. Мы исходим из методологической позиции, согласно которой именно *язык* является базовым кодом любой коммуникации и одним из основных понятий в исследовании лингвокоммуникативных стратегий социального взаимодействия.

Как известно, понятие *язык* может употребляться для обозначения различных феноменов. В настоящее время в его определении существует следующая типизация: язык как любая знаковая система (язык музыки, язык архитектуры), язык как совокупность всех знаковых систем; язык как определенный специфический класс знаковых систем (фонем, морфем, лексем); язык как некая реально существующая знаковая система, используемая в конкретном социуме в определенном пространстве и времени. В своем исследовании мы будем исходить из данного понятия в его последнем определении, то есть в значении конкретного языка, выступающего как реализация его инвариантных свойств.

Реализация свойств языка происходит в процессе взаимодействия языковых личностей, поэтому в исследовании языковых стратегий, принадлежащих разным социальным сообществам, наиболее важна и значима диалогическая коммуникация. Социальную коммуникацию, представляющую определенный вид диалогической коммуникации, можно, вслед за М. Бахтиным, рассматривать как взаимодействие «говорящих сознаний». Но для того, чтобы такое взаимодействие стало возможным, необходимо пересечение индивидуальных когнитивных пространств общающихся субъектов: чем больше зона этого пересечения, тем адекватнее будет коммуникация. В данном процессе образуется коммуникативное сообщество, которое характеризуется отношениями взаимосвязи, обмена действиями, взаимопонимания на основе определенных психологических механизмов – убеждения, внушения, подражания и заражения.

При наличии «совместных кодов взаимопонимания» (понятийных, речевых, символических, эмоциональных) коммуникация способна создать доброжелательную атмосферу уважения партнеров, стремления к сотрудничеству, идентификации интересов и единства. Идентификация неразрывно связана с коммуникацией: через соучастие происходит понимание (смысловой контакт) действий друг друга и проявляется способность адекватно интерпретировать замыслы (цели), включаться в согласованные действия.

В современной коммуникативистике акцентируется определение социальной коммуникации как движения смыслов в пространстве-времени [1–3]. Именно из этой дефиниции мы исходим в разработке авторской концепции лингвокоммуникативных стратегий социального взаимодействия.

По нашему мнению, *лингвокоммуникативные стратегии* можно определить как *рассчитанное на долгосрочный период социальное взаимодействие с использованием лингвистических средств, обеспечивающих осмысление, понимание, кодирование, трансляцию и реализацию наиболее значимых идей и практик.*

Лингвокоммуникативная парадигма, как представляется, базируется на четырех ключевых понятиях – *смысле, понимании, тексте и дискурсе*. Соответственно им можно выделить четыре типа стратегий: *интерпретационную, герменевтическую, семиотическую, дискурсивную*. Основное содержание этих *лингвокоммуникативных стратегий* излагается далее в обозначенной последовательности.

Интерпретационная стратегия. Проблема смысла является одной из основополагающих и вместе с тем дискуссионных проблем в современной социальной теории. Исходя из трактовки смыслов, которая присуща собственно социально-коммуникативным отношениям, констатируем, что социальная коммуникация преследует познавательную, побудительную и экспрессивную цели, а содержание коммуникационных сообщений включает *знания и умения* (коммуникант нечто знает или умеет и может поделиться этим опытом с другими людьми); *стимулы* (волевые воздействия, побуждающие к активности); *эмоции* (коммуниканту нужно эмоционально «разрядиться», получить сочувствие, а реципиент ищет положительных эмоций и душевного комфорта). Именно эти продукты человеческой деятельности называют смыслами. Их движение в социальном пространстве и времени отражается в динамической структуре социальной коммуникации.

К понятию «знание» относятся не только санкционированные разумом факты и концепции, но и интуитивно принимаемые *ценностные ориентации, идеалы, убеждения и предметы веры*. В понятие «умения» входят *нормы, навыки, методы, приемы, привычки, бессознательные установки*, определяющие действия человека в той или иной ситуации. Кроме того, существуют *гибридные*, промежуточные смыслы – синтез рационального, эмоционального и волевого начала, а также инструментальное знание.

С нашей точки зрения, интерпретация (интерсемиотический перевод) – это пропускание обработанных адресатом смыслов через внутренний контекст адресанта (фоновые знания, ценностные установки, индивидуальные особенности языковой личности) [4]. Интерпретация сопровождается трансформацией смыслов, в основе которой лежат объективные когнитивные механизмы. Действия этих механизмов определяются основной целью коммуникации – пониманием.

Герменевтическая стратегия. Понимание присутствует в двух умственных процессах: в познании и в коммуникации. Когда речь идет о понимании причинно-следственной связи, мотивов поведения человека, особенностей сложившейся ситуации, происходит познавательное понимание. Когда же речь идет о понимании сообщения – имеется в виду коммуникативное понимание. Познавательное понимание – предмет изучения гносеологии (теории познания), а коммуникативное понимание изучается герменевтикой, которая определя-

ется как искусство толкования текстов и теория постижения смысла, в том числе способ понимания чужой индивидуальности.

Данный подход к пониманию и осуществлению на его основе социального взаимодействия имеет значительную философскую традицию, показавшую, что он дает возможность в ходе изучения и толкования текста, с одной стороны, проникнуть в иную индивидуальность, понять «другого» (Ф. Шлейермахер) или постичь целостность душевно-духовной жизни (В. Дильтей), а с другой – осуществить как метод собственно исторической интерпретации процесс коммуникации с объектами, отдаленными во времени и пространстве, реконструируя «горизонт», «жизненный мир» этих объектов (Э. Гуссерль). Впрочем, следует отметить, что процесс взаимодействия в данном случае происходит лишь между исследователем или читателем и квазисубъектом и ограничивается рамками вербального языка, а именно письменной речью.

В свое время немецкий философ М. Хайдеггер истолковал реальность «жизненного мира» как по преимуществу языковую: «Язык – это дом бытия». В поисках близости он призывал обратиться к «самим вещам» через язык, поскольку «сущность человека покоится в языке». Проникая в его сущность, чтобы понять, надо не слушать, а *прислушиваться*, не говорить, а *сказать* или еще лучше молчать, так как молчание бывает эффективнее слов [5, с. 323]. Таким образом, достижение понимания смыслов, передаваемых в процессе коммуникации, требует приложения определенных усилий как со стороны адресата (сказать), так и со стороны реципиента (прислушиваться).

С позиции герменевтики коммуникационное понимание может иметь три формы: *коммуникационное познание* (творческий познавательный акт, проникновение в глубину текста); *коммуникационное восприятие* (понимание текста, но не его глубинного смысла); *псевдокоммуникацию* (отсутствие понимания даже поверхностного смысла). Существуют разные критерии распознавания уровня понимания: адекватная поведенческая реакция респондента; способность респондента делать разумные умозаключения по поводу содержания сообщения; способность респондента сопереживать эмоциональное состояние автора сообщения.

Взаимодействие между индивидами, осуществляющееся в процессе коммуникации или общения, основывается на понимании, которое достигается посредством общего языка. Причем имеется в виду не только вербальный (в его письменной или устной форме), но и невербальный язык во всем многообразии его проявлений.

Семиотическая стратегия. Семиотика – область знания, которая занимается изучением знаковых систем – от простейших сигнализаций до естественных и формализованных языков науки. Отметим, что основными функциями знаковой системы являются передача сообщения (как выражения смысла) и собственно общение. На основании этого можно говорить о *языке сообщения* и *языке общения*, которые являются средствами процесса коммуникации и процесса общения. В свою очередь, в структуре коммуникации можно выделить два элемента – субъект коммуникации и язык коммуникации, имеющие принципиальное значение для исследования социальной коммуникации в контексте семиотики.

Язык коммуникации как средство передачи информации подчиняется законам семиотических систем и связан с понятиями «знак» и «сигнал». Семиотическая традиция основывается на методологии вторичной моделирующей системы и следует логической тенденции в семиотике (семиотика знака Ч. Пирса). В этом смысле безусловный интерес для нашего исследования представляет введенное Ч. Пирсом и получившее дальнейшую разработку в трудах Ч. Морриса разделение семиотики на *семантику*, *синтактику* и *прагматику*. Семантика рассматривает отношения знаков с денотатами, синтактика – способы сочетания знаков, прагматика изучает отношения знак – человек (коммуникант). Учет данных аспектов в социальной коммуникации предоставляет возможность провести семиотическую аналогию в соответствии с тремя видами действий: *перцепция* – восприятие партнерами друг друга, *текстовая* (коммуникативная) деятельность – передача друг другу смыслов, *интеракция* – практическое взаимодействие (сотрудничество или конфликт).

Для повышения эффективности практического взаимодействия между представителями разных сообществ или идентификации индивида с определенным сообществом необходимо изучать прагматические отношения «знак – коммуникант – вербальный и невербальный коды», что важно для продуцирования релевантной в контексте данного сообщества информации.

Отношения «человек – невербальный код» требует такого же внимания и изучения для установления закономерностей при артикуляции, как и отношение «человек – вербальный код». Заметим, что, по мнению исследователей, особенно представителей структурализма, языковой код определенного сообщества устанавливается тогда, когда участник коммуникации имеет в распоряжении набор известных символов, из которых он осуществляет выбор, комбинируя их согласно определенным правилам. Формируется нечто вроде станвого хребта будущего кода, представляемого в виде двух осей – вертикальной и горизонтальной, *парадигматической* и *синтагматической*. Парадигматическая ось представляет собой репертуар символов и правил их сочетания, это – *ось выбора*, синтагматическая ось – это *ось комбинации символов*.

В процессе (де)кодификации не следует, по нашему мнению, забывать о том, что если смысловая амплитуда денотативного кода может быть ограничена благодаря контексту и конкретной коммуникативной ситуации, то смысловые колебания коннотаций могут осуществляться в очень широком спектре. Но вместе с тем, и это необходимо акцентировать в отношении современной ситуации, реальность конкретных коммуникативных обстоятельств решающим образом влияет на «семиотический универсум культурных конвенций», что и создает предпосылки для эффективного социального взаимодействия [6, с. 84].

Дискурсивная стратегия. Теория дискурса сложилась на пересечении нескольких социальных наук, среди которых особая роль принадлежит лингвистике и социологии. В процессе формирования теории вносились уточнения как в понятие дискурса, так и определенные изменения в концепцию дискурсивной методологии и выбор сферы ее применения. В новейших представлениях дискурс является не всегда корректно употребляемым понятием. Различия в определении дискурса производятся либо на основании методологичес-

кой перспективы (текст = материальный продукт; дискурс = коммуникативный процесс), либо на основе характера связей текстов в рамках одного диалога. Особо выделим определение дискурса как «сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата» [7, с. 8].

Широкое понимание дискурса подразумевает анализ речевого общения и социологический подход к коммуникативному взаимодействию. Применяя дискурс-анализ, исследователи фактически задаются вопросами: что мы можем выяснить о характере социальных отношений в данной организации, институте, социальной сфере, исследуя соответствующие тексты? Какой вклад делает данный текст в сохранение или изменение этих отношений?

Особое значение для развития дискурсивного анализа имели идеи, внесенные сторонниками именно критического направления, исходящими из конструктивистского тезиса о том, что язык является основным механизмом в процессе конструирования социальной реальности. При этом в фокусе внимания оказывается то, какой вклад осуществляет язык как конструирующая реальность практика в отношении неравенства и господства-подчинения.

Российскими исследователями (В. Волошин, М. Бахтин и другие) в середине XX в. акцентировалось признание идеологичности дискурса на том основании, что он возникает между социально организованными индивидами, не поддается пониманию вне контекста, неразделим со своим авторитетом – политической властью, институтом, личностью. В дальнейшем для теории и практики выстраивания дискурсивной стратегии оказалось методологически важным, что данные положения обеспечили связь с современными макроверсиями дискурса. Особо в этом случае выделяются концепции французских социологов – «дискурсивных формаций» М. Фуко и «нематериальных капиталов» П. Бурдьё [8, с. 24].

В современных социологических представлениях дискурс, взятый в качестве феномена социального взаимодействия, не может быть осмыслен вне зависимости от породившей его общественной ситуации. В частности, в структуралистской методологии утвердился в качестве ведущего направления науки о языке анализ «системы ограничений, которые накладываются на неограниченное количество высказываний в силу определенной социальной идеологической позиции» [9, с. 550], что составляет сущность дискурсивной стратегии, прежде всего в политике.

В политическом дискурсе, по Фуко, языковая структура, а следовательно, политическое действие, трактуется как действие коммуникативное, отражающее отношения власти. Такое положение требует мониторинга и анализа языковых стратегий осуществления господства в целях защиты гуманистических ценностей от посягательств несправедливых действий властных структур [10].

В концепции нематериальных капиталов П. Бурдьё показано, что социально обусловленная лингвистическая вариативность осуществляет определенный вклад в воспроизводство иерархической структуры общества. Наряду с экономическим капиталом, понимаемым традиционно, автором выделяются социальный, символический и культурный капитал. Последний включает легитим-

ные знания и навыки, в том числе: уровень и структуру образования («образовательный или академический капитал»); культурный код, позволяющий адекватно воспринимать произведения «высокой культуры»; а также «лингвистический капитал» как степень владения «престижной» – культурной формой речи и ее функциональными разновидностями. Лингвистический капитал способен преобразовываться в капитал иного рода, в том числе в экономический и социальный. Социальное неравенство подразумевает не только материальные (экономическое благосостояние) и символические (образование, воспитание) аспекты, но и аспекты лингвистические, что подтверждается различием позиций в стратегиях и тактиках накопления и использования лингвистического капитала [11].

В реальности язык не является универсальным, общедоступным для всех членов социума ресурсом, именно поэтому разработанная нами концепция лингвокоммуникативных стратегий (ЛКС) имеет практическую ценность. По нашему мнению, интерпретационная, герменевтическая, семиотическая и дискурсивная стратегии выступают эффективным инструментом конструирования социальной реальности, обеспечивая успешность социального взаимодействия. Дальнейшее исследование парадигмы лингвокоммуникативных стратегий должно включать изучение их содержания, структуры, иерархии, их роли в модернизации коммуникативных технологий, функционирование в процессах социальных изменений.

Библиографический список

1. *Соколов А.В.* Метатеория социальной коммуникации. СПб., 2001.
2. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
3. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М., 2002.
4. *Стриганкова Е.Ю.* Интерпретационная стратегия межкультурной коммуникации в процессе глобализации // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: мат-лы междунар. науч. конф. Волгоград, 2008.
5. *Хайдеггер М.* Время и Бытие. М., 1993.
6. *Эко У.* Отсутствующая структура. СПб., 2004.
7. *Караулов Ю.П., Петров В.В.* От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
8. *Майнхофф У.* Дискурс: Контексты современности – II. Казань, 2001.
9. *Серио П.* Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. М., 2001.
10. *Фуко М.* Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975/76 учебном году. СПб., 2005.
11. *Бурдьё П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 48/5. С. 22–87.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.N. Fomin
Monograph Review:
*Kuznetsov I.I. Political Mechanisms
of the Division of Powers
in Modern Russia.* – Saratov:
Saratov University Press, 2010.

УДК 321.015(470+571)
ББК 66.3(2Рос)12

О.Н. Фомин

**РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ:
Кузнецов И.И. Политические
механизмы разделения
властей в современной
России. – Саратов:
Изд-во Саратов. ун-та, 2010.**

Представленное на рецензирование сочинение принадлежит традиционному жанру научных рукописей – монографическому исследованию серьезной научной проблемы. Автор обращается к анализу реализации одного из основных конституционных принципов – разделения властей – в политическом процессе современной российской государственности.

Рассматриваемый принцип стал в последние десятилетия политическим «кодом» российской власти, базовым условием при выработке и реализации политического курса. Верность «разделению и взаимодействию властей» декларируется на уровне конкретных решений законодателей и правоприменителей, в практике деятельности Конституционного Суда РФ.

Однако декларации приверженности ли-

беральной трактовке понимания данного принципа, сохранение и поддержание традиции конституционной преемственности не всегда означают реальное следование на практике этой составляющей «духа законов». Более того, как хорошо известно, в российской политической науке постоянно отмечается сосуществование конституционно-правовых и политических рамок протекания политического процесса, которые зачастую вступают в противоречие и вызывают острые политические конфликты и коллизии, способные существенно подорвать стабильность. Поэтому попытку И.И. Кузнецова дать собственное видение угроз и вызовов отечественной политической системе, исходящих от внутренних организационно-политических проблем и противоречий, связанных с формой правления, можно считать весьма актуальной и востребованной в практическом плане.

В монографии И.И. Кузнецова применяется неинституциональный подход, который, полагаем, вполне релевантен при исследовании динамики политических механизмов разделения властей. В таком ракурсе удастся увидеть не только собственно хорошо известные формы политического взаимодействия ветвей государственной власти, но и те институты, которые появились сравнительно недавно, существенно дополнили всю «инфраструктуру» власти в России. К этим вновь образованным институтам, учрежденным без коррекции Конституции и на разнообразной нормативной основе можно отнести институт парламентского расследования, институт Общественной палаты РФ, Госсовет РФ и ряд других.

Структура книги, по-видимому, отражает авторский замысел. И.И. Кузнецов в своей логике идет от выработки собственной методологической позиции (в контексте существующей в политологии дискуссии об эффективности институционального подхода) к применению теории политических и правовых заимствований (при исследовании процесса складывания отечественного институционального дизайна) и к прогнозированию возможных дальнейших трансформаций отечественной формы правления.

В первой главе им дается собственная трактовка принципа разделения властей в политической практике современных государств. Автор указывает на то, что данный принцип имеет существенное социально-политическое значение, которое не менее важно, чем политико-правовое, хотя и менее исследовано в науке. Справедливо выделение особой роли исполнительной власти: именно эта ветвь наиболее оперативно реагирует на все изменения во внутренней и внешней политике, задает динамику принятия важнейших государственных решений. Как полагает автор, это способно серьезно исказить достижение оптимального баланса социально-политических сил в обществе, нарушить подотчетность и демократическую ответственность власти в целом.

Особенно интересно сравнение тенденций использования государственной дискреции в Российской Федерации, США и Франции. Для И.И. Кузнецова в таком контексте отечественные практики уже не выглядят столь вопиющим нарушением принципов демократии, *хотя следовало бы, на наш взгляд, более точно провести грань между опасностями «авторитарных» тенденций в условно «демократической» современной России и аналогичными проблемами в ситуации «стабильных» демократий Европы и Северной Америки.* Здесь же, в первой главе, автором анализируются особенности российской формы

правления, которые определяющим образом формируют политические механизмы внутриэлитного взаимодействия.

Глава вторая дает возможность увидеть авторскую логику процесса институциональной эволюции политической системы России в последнее двадцатилетие. Здесь, по-видимому, впервые в отечественной политической науке поставлены вопросы о параметрах и последствиях «институциональной инженерии» в процессе конституционного строительства в 1990-е годы. И.И. Кузнецов предлагает свое видение этого процесса как противоречивого и конфликтного политического взаимодействия, предопределившего нынешнее состояние конституционной модели разделения и взаимодействия ветвей государственной власти. Парадигма «транзита» выступает в данном случае как политический контекст этих изменений, одно из идеологических измерений политико-институциональных трансформаций российской государственности.

Стоит отметить, что данная часть работы отличается полемичностью и привлечением значительного количества источников и литературы на английском и немецком языках, что позволяет оценить современное состояние исследований по данной проблеме.

Обращает особое внимание стремление автора как можно корректнее подобрать адекватную терминологию характеристики анализируемого процесса («институциональная трансплантация», «заимствования», «кроссконституционное влияние» и другие «синтетические» определения, имеющиеся в науке). *Однако, на наш взгляд, такая позиция требует постоянной верификации определений и зачастую не может быть в законченном виде реализована в рамках одной работы.*

В рамках третьей главы проанализированы современные политические механизмы взаимодействия ветвей власти, среди которых как действующие политические институты, так и те, которые могли бы быть задействованы в случае реализации решений об их возможном использовании. И.И. Кузнецов убедительно представил функциональность собственного аналитического подхода к «параллельным» институтам, поскольку в данном случае появляется определенная опора для выработки конкретных политических прогнозов и предложений по совершенствованию российской государственной власти.

Можно согласиться с автором в том, что потенциал новых политических институтов пока не до конца раскрыт, а возможности такой политической процедуры, как контрасигнатура, могли бы усовершенствовать взаимоотношения российского властного «тандема», сделать более понятными и публичными механизмы выработки конкретных государственных решений. При этом не стоит забывать о том, что в логике действий нынешней власти *публичность не является абсолютной политической ценностью, а следовательно, не стоит в качестве основного инструмента властной коммуникации. Данный аспект мог быть более подробно исследован автором, что позволило бы пролить свет на природу «неправовых» или «надправовых» внутриэлитных договоренностей.*

Четвертая глава посвящена исследованию эволюции конституционной модели разделения властей: от формирования соответствующей общенациональной политической повестки дня до проведения конкретных изменений в российской Кон-

ституции, затронувших основные параметры функционирования институтов власти. Данная часть работы содержит анализ первичных данных, полученных непосредственно автором в ходе исследования сознания политических элит региона.

Весьма интересным является анализ конституционных проектов, представленных в отечественном политическом процессе последнего десятилетия. Само по себе их появление, по мнению автора, свидетельствует о начале серьезных политических сдвигов, способных в перспективе привести к реформированию российской власти и вообще государственности. И.И. Кузнецов предлагает видеть в данных проектах альтернативные контуры российского Будущего, что позволяет использовать это «конституирующее» творчество различных социально-политических сил как материал для составления сценариев и прогнозов на перспективу.

В целом стоит отметить, что представленная книга – плод длительных поисков и глубоких размышлений. А пером автора водил не только интерес исследователя, но и сильные гражданские чувства, неравнодушие к судьбе России. Именно это в первую очередь обусловило основные недостатки работы. Среди них подчеркнем определенный схематизм в изображении политических процессов начала 1990-х годов как арены столкновения различных вариантов «перехода к демократии и рынку»; меньший объем материала о деятельности судебной власти по сравнению с исполнительной и законодательной; отсутствие анализа интересного и яркого сюжета становления института «преемничества» в современной России.

Но эти недостатки не меняют общего позитивного впечатления от книги. Монография содержит большое количество фактологического материала, солидный научный аппарат. Основные тезисы авторской позиции обоснованы и убедительны. Можно констатировать, что И.И. Кузнецовым проведена большая творческая работа, которая будет способствовать лучшему пониманию институциональной природы и тенденций эволюции российской власти.

D.S. Veliyeva
Schoolbook Review:
Andreeva G.N., Starostina I.A.
*Suffrage in Russia and in Foreign
Countries / ed. by A.A. Klishasa. –
Moscow: Norma, 2010.*

УДК 342.8(100)(075.8)
ББК 67.400.8(2Рос)я73-1+67.400.8(3)я73-1

Д.С. Велиева

**РЕЦЕНЗИЯ
НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ:
Андреева Г.Н., Старостина И.А.
**Избирательное право в России
и в зарубежных странах / под ред.
А.А. Клишаса. – М.: Норма, 2010.****

Динамичное развитие избирательных отношений – характерный для современного российского общества процесс. Отчас-

ти он обусловлен постоянным реформированием избирательного законодательства, избирательной системы России, которое реализует государство в целях совершенствования демократических процедур и механизмов народо-властия.

Вместе с тем совершенствование избирательного права и правоприменения в Российской Федерации должно основываться на международных нормах, устанавливающих международные избирательные стандарты. Такое требование вытекает из положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Примером может служить утверждение принципов и норм международного права, международных обязательств государства по проведению демократических выборов. Значимое требование состоит, в частности, в том, что всеобщие, равные, прямые, открытые и гласные, свободные и справедливые выборы согласно международным стандартам должны проводиться периодически. Поэтому очевидна актуальность представления российского избирательного права и процесса в контексте международных избирательных стандартов и в связи с зарубежным опытом правового регулирования и правоприменения.

Рецензируемое учебное пособие, посвященное избирательному праву в России и в зарубежных странах, обладает несомненными особенностями. Авторы прежде всего акцентируют внимание на исследовании российского и зарубежного опыта развития избирательного права и проводят его анализ через призму избирательных стандартов. Этим обусловлена структура издания, отражающая оригинальный авторский подход к системе избирательного права.

Учебное пособие состоит из трех глав.

В первой главе выделено понятие избирательного стандарта, проанализированы международные акты, содержащие избирательные стандарты, принципы избирательного права.

Вторая глава отражает состояние избирательного права России. В ней авторами исследованы вопросы применения международных и национальных избирательных стандартов, рассмотрена система источников и принципов избирательного права Российской Федерации. Подробно изложены принципы, составляющие основу избирательного процесса: обязательность, периодичность, состязательность выборов, сочетание мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, применение государственного и негосударственного финансирования. Интересно то, что авторы к числу таких принципов относят и проведение выборов избирательными комиссиями.

В меньшей степени, чем в иных учебниках по избирательному праву, освещены вопросы реализации избирательного права на федеральном, региональном и местном уровнях (параграфы 5–7 главы 2).

Третья глава содержит анализ избирательного права зарубежных стран. Представленный в ней материал, на наш взгляд, непосредственно полезен не

только для студентов, но и для преподавателей, а также для участников избирательного процесса.

Касаясь содержательных и структурных аспектов рецензируемого пособия, отметим, что учебный материал авторами излагается в порядке, удобном для читателя. К каждому разделу прилагаются контрольные вопросы и упражнения для углубленного изучения.

К несомненному достоинству учебного пособия относится активное привлечение (цитирование, изложение) текстов действующих международных документов, зарубежных конституций, иностранных публикаций, решений Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, конституционных судов зарубежных стран, решений ЦИК РФ.

Издание содержит достаточно четко и умело обобщенный обширный и актуальный материал, отвечают современному уровню научных исследований. Оно отличается широкой источниковедческой базой, информационной насыщенностью.

Полагаем, что данная работа вызовет интерес у специалистов в области конституционного права, студентов и аспирантов, занимающихся проблемами избирательного права и процесса, правоприменителей, кандидатов и избирательных объединений.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабич Андрей Владимирович – ведущий юрисконсульт юридической службы ЗАО «Экономбанк», соискатель кафедры административно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Саратовского юридического института МВД России

e-mail: tenx07@rambler.ru

Барашов Николай Геннадиевич – кандидат экономических наук, докторант кафедры общей экономической теории Саратовского государственного социально-экономического университета

e-mail: barashov@mail.ru

Барышная Наталия Александровна – кандидат политических наук, начальник центра научных проектов Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: cnp@pags.ru

Близняк Роман Зиновьевич – кандидат политических наук, заведующий кафедрой связей с общественностью и социальных коммуникаций Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

e-mail: rbiznyak@mail.ru

Велиева Джамия Сейфаддиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: jamiliavelieva@yandex.ru

Герасимова Елена Васильевна – преподаватель кафедры социальных коммуникаций Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: Lenger85@yandex.ru

Голубева Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, докторант кафедры политологии и этнополитики Северо-Кавказской академии государственной службы (г. Ростов-на-Дону)

e-mail: golubev55@yandex.ru

Гонда Владимир – кандидат экономических наук, профессор Экономического университета (г. Братислава, Словацкая Республика)

e-mail: vladimir.gonda@euba.sk

Горяченко Ольга Юрьевна – аспирант кафедры гражданского права Астраханского государственного университета

e-mail: rrr_25_81@mail.ru

Гусев Владимир Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры антикризисного управления Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: vladgus2006@yandex.ru

Дзякович Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: sockom@pags.ru

Дорошин Борис Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии

e-mail: doroshin76@yandex.ru

Дурманова Ольга Михайловна – аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной академии права

e-mail: olg_mi@list.ru

Ефремова Зоя Ивановна – аспирант кафедры философии и методологии гуманитарных наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: efremova_z@mail.ru

Знамцева Ольга Петровна – ассистент кафедры социальных и гуманитарных наук Балаковского института техники, технологии и управления – филиала Саратовского государственного технического университета, соискатель кафедры философии и методологии гуманитарных наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: olga_znamtseva@mail.ru

Зоря Ирина Валерьевна – аспирант кафедры гуманитарных наук Энгельсского технологического института (филиала) Саратовского государственного технического университета

e-mail: sergei-irina77@yandex.ru

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

e-mail: lrxhine@mail.ru

Кузина Светлана Александровна – аспирант кафедры рекламы и связей с общественностью Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

e-mail: light19ly@yandex.ru

Кузьмина Наталья Евгеньевна – ассистент кафедры теории, истории и педагогики искусства, соискатель кафедры философии и социально-экономических наук Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: toy1979@yandex.ru

Лысиков Михаил Валерьевич – аспирант кафедры социологии Саратовского государственного технического университета

e-mail: 450885@list.ru

Малеин Виктор Михайлович – аспирант кафедры экономики Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: viktor_fcb@mail.ru

Мальшина Наталия Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры предпринимательства и проектного менеджмента Саратовского государственного технического университета

e-mail: malsnataliya@yandex.ru

Марков Евгений Алфеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории культуры Череповецкого государственного университета

e-mail: marevgeny@inbox.ru/

Марченко Виктория Владимировна – аспирант кафедры социологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ

e-mail: Victoriya2206@yandex.ru

Мионов Владимир Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

e-mail: dean@philos.msu.ru

Мосина Виктория Викторовна – аспирант кафедры социологии коммуникаций и управления Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: vitel@pochtamt.ru

Палуш Игор – профессор, декан факультета государственного управления университета Павла Йозефа Шафарика (Словацкая Республика, г. Кошице)

e-mail: Jgor.Palus@upjs.sk

Пыняев Сергей Викторович – аспирант кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета

e-mail: ser-punyaev@yandex.ru

Рвачёв Сергей Андреевич – аспирант кафедры гражданского процесса, трудового и экологического права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: QWADRO64@rambler.ru

Секретарева Татьяна Михайловна – помощник судьи Куженерского районного суда Республики Марий Эл, соискатель кафедры философии и политологии Марийского государственного университета (Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола)

e-mail: sud06@mari-el.ru

Сергеев Сергей Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: vestnik@pags.ru

Ситкевич Наталья Вячеславовна – старший преподаватель кафедры истории, философии и культурологии Новомосковского института Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева (Тульская область, г. Новомосковск), соискатель кафедры философии Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: nsitkevich@yandex.ru

Стриганкова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, профессор кафедры английского языка Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: English@pags.ru

Строганова Ирина Викторовна – аспирант кафедры социологии и связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета

e-mail: stroganovaiv@mail.ru

Таланов Сергей Львович – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

e-mail: talanov_sergei@mail.ru

Тимербулатова Наиля Эдуардовна – аспирант кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: nelek34@yandex.ru

Третьякова Жанна Юрьевна – заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

e-mail: Tzhu@yandex.ru

Фомин Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина

e-mail: prnauka@pags.ru

Чекачкова Галина Николаевна – аспирант кафедры конституционного и административного права, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградской академии государственной службы
e-mail: mariisya@mail.ru

Четвериков Егор Владимирович – аспирант кафедры конституционного права Поволжской академии государственной службы имени П.А. Столыпина
e-mail: yegor103@mail.ru

Шилина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского
e-mail: imsuck@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey Vladimirovich Babich – the leading legal consultant of the law division of ZAO “Econombank”, competitor of the Administrative-Legal and Criminal-Legal Disciplines Chair, Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
e-mail: tenx07@rambler.ru

Nicolay Gennadievich Barashov – Candidate of Economics, doctoral student of the General Economic Theory Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: barashov@mail.ru

Natalia Alexandrovna Baryshnaya – Candidate of Politics, head of the Scientific Projects Center, Volga region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: cnp@pags.ru

Roman Zinovievich Bliznyak – Candidate of Politics, head of the PR and Social Communications Chair, Kuban State University (Krasnodar)
e-mail: rbliznyak@mail.ru

Dzhamilya Seifaddinovna Veliyeva – Candidate of Law, docent of the Constitutional Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: jamilyavelieva@yandex.ru

Elena Vasilievna Gerasimova – lecturer of the Social Communication Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: Lenger85@yandex.ru

Tatyana Gennadievna Golubeva – Candidate of History, doctoral student of the Politics and Ethnic Policy Chair, Northern Caucasus Academy for Civil Service (Rostov on Don)
e-mail: golubev55@yandex.ru

Vladimir Gonda – Candidate of Economics, Professor of the Economic University (Bratislava, the Republic of Slovakia)
e-mail: vladimir.gonda@euba.sk

Olga Yurievna Goryachenko – post-graduate student of the Civil Law Chair, Astrakhan State University
e-mail: rrr_25_81@mail.ru

Vladimir Vladimirovich Gusev – Candidate of Economics, docent of the Anti-Crisis Management Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: vladgus2006@yandex.ru

Elena Vladimirovna Dzyakovich – Candidate of Philology, docent of the Social Communications Chair, Volga Region Academy for Civil Service after P.A. Stolypin
e-mail: sockom@pags.ru

Boris Anatolievich Doroshin – Candidate of History, docent of the Philosophy Chair, Penza State Technological Academy
e-mail: doroshin76@yandex.ru

Olga Mikhailovna Durmanova – post-graduate student of the Finance, Banking and Customs Law Chair, Saratov State Law Academy
e-mail: olg_mi@list.ru

Zoya Ivanovna Ephremova – post-graduate student of the Philosophy and Methodology of Humanities Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: efremova_z@mail.ru

Olga Petrovna Znamtseva – assistant lecturer of the Sociology and Humanities Chair, Balakovo Institute of Engineering, Technology and Management Chair – the branch of the Saratov State Technical University, competitor for the Philosophy and Methodology of Humanities, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: olga_znamtseva@mail.ru

Irina Valerievna Zorya – post-graduate student of the Humanities Chair of Engels Technological Institute (branch) of Saratov State Technical University
e-mail: sergei-irina77@yandex.ru

Yury Vasilievich Irkhin – Doctor of Philosophy, Professor of the Political Science and Political Management Chair, Russian Academy for Civil Service under the President of the Russian Federation (Moscow)
e-mail: Irkhine@mail.ru

Svetlana Alexandrovna Kuzina – post-graduate student of the Advertising and Public Relations Chair, **Bryansk** State University named after I.G. Petrovsky
e-mail: light19ly@yandex.ru

Nataliya Evgenievna Kuzmina – assistant lecturer of the Theory, History and Pedagogies of Art, competitor for the Philosophy and Social-Economic Sciences Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: toy1979@yandex.ru

Mikhail Valerievich Lysikov – post-graduate student of the Sociology Chair, Saratov State Technical University
e-mail: 450885@list.ru

Viktor Mikhailovich Malein – post-graduate student of the Economics Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: viktor_fcb@mail.ru

Natalia Anatolievna Malshina – Candidate of Philosophy, docent of the Enterprise and Project Management Chair, Saratov State Technical University
e-mail: malsnataliya@yandex.ru

Evgeny Alfeevich Markov – Candidate of Politics, docent of the Theory and History of Culture Chair, Cherepovets State University
e-mail: marevgeny@inbox.ru/

Viktoriya Vladimirovna Marchenko – post-graduate student of the Sociology Chair, Russian Academy for Civil Service under the President of the RF
e-mail: Victoriya2206@yandex.ru

Vladimir Vasilievich Mironov – Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, dean of the Philosophy Department, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
e-mail: dean@philos.msu.ru

Viktoriya Viktorovna Mosina – post-graduate student of Sociology of Communication and Management Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: vitel@pochtamt.ru

Igor Palush – Professor, dean of the Public Administration Faculty, Pavol Jozef Šafárik University (Slovak Republic, Košice)
e-mail: Jgor.Palus@upjs.sk

Sergey Viktorovich Pynyaev – post-graduate student of the Tourism Business Management Chair, Saratov State Technical University
e-mail: ser-pynyaev@yandex.ru

Sergey Andreevich Rvachyov – post-graduate student of the Civil Process and Labor and Ecological Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: QWADRO64@rambler.ru

Tatiana Mikhailovna Sekretareva – assistant of a judge of the district court of Kuzhener of Mari El Republic, competitor of the Philosophy and Political Studies Chair, Mari State University (Republic of Mari El, Ioshkar-Ola)
e-mail: sud06@mari-el.ru

Sergey Gennadievich Sergeev – Candidate of Politics, docent of the Constitutional Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: vestnik@pags.ru

Natalia Vyacheslavovna Sitkevich – senior lecturer of the History, Philosophy and Culture Studies Chair, Novomoskovsk Institute of the Russian Chemical-

Technological University named after of D.I. Mendeleev (Tula Region, Novomoskovsk), competitor for the Philosophy Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: nsitkevich@yandex.ru

Elena Yurievna Strigankova – Candidate of Philosophy, Professor of the English Language Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: English@pags.ru

Irina Viktorovna Stroganova – post-graduate student of the Sociology and Public Relations Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: stroganovaiv@mail.ru

Sergey Lvovich Talanov – Candidate of Sociology, docent of Politics and Sociology Chair, Yaroslavl State Teacher Training University
e-mail: talanov_sergei@mail.ru

Nailya Eduardovna Timerbulatova – post-graduate student of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: nelek34@yandex.ru

Zhanna Yurievna Tretiakova – deputy head of the of the Civil Law Disciplines Chair, Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg)
e-mail: Tzhu@yandex.ru

Oleg Nikolaevich Fomin – Doctor of Politics, Professor of the Politics Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: prnauka@pags.ru

Galina Nikolaevna Chekachkova – post-graduate student of the Constitutional and Administrative Law Chair, lecturer of the Criminal and Legal Disciplines Chair, Volgograd Academy for Civil Service
e-mail: mariisya@mail.ru

Egor Vladimirovich Chetverikov – post-graduate student of the Constitutional Law Chair, Volga Region Academy for Civil Service named after P.A. Stolypin
e-mail: yegor103@mail.ru

Svetlana Alexandrovna Shilina – Candidate of Philology, docent of the Russian Language Chair, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky
e-mail: imsuck@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Ирхин Ю.В.

Значение формирования системы компетенций и мотиваций
при подготовке государственных служащих
в современных условиях 4

Кузина С.А.

Управление профессиональной мобильностью
государственных гражданских служащих
в процессе регулирования статусных барьеров на региональном уровне 11

Третьякова Ж.Ю.

Федеральная миграционная служба: перспективы развития 16

Дурманова О.М.

Финансово-правовые аспекты наделения органов местного самоуправления
отдельными государственными полномочиями 21

Голубева Т.Г.

Общественная активность как детерминанта перспективной модели
местного самоуправления 26

Палуш Игор

Территориальное самоуправление как принцип конституционализма 32

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

40

Сергеев С.Г.

Политическая природа и организационные формы
внеконституционных политических институтов в Российской Федерации:
проблемы и тенденции 40

Герасимова Е.В.

Социологическая рефлексия взаимодействия власти и общества:
конфликт как ресурс решения социально-политических проблем 47

Шилина С.А.

Языковая эволюция субъекта управления как социологическая тема
в лингвистике 53

Марков Е.А.

Будущее российских средств массовой информации:
прогноз развития 58

Мосина В.В.

Причины межэтнической напряженности и этнонациональных конфликтов
в современном российском обществе 65

Близняк Р.З.

«Электоральный процесс» vs «избирательный процесс»:
к вопросу об оптимизации понятий 70

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

77

Чекачкова Г.Н.

Влияние международных стандартов прав человека
на российскую правовую систему 77

Четвериков Е.В.

Законы Саратовской области о Счетной палате: сравнительный анализ 82

Горяченко О.Ю.

Индивидуальный правовой акт управления
и индивидуальный налогово-правовой акт: общее и особенное 87

Рвачёв С.А.

Проблема определения категории «корпоративные споры» 91

Бабич А.В.

О соотношении понятий «процессуальная самостоятельность»
и «независимость» следователя
в теории уголовно-процессуального права 96

Секретарева Т.М.

Право человека на возмещение вреда,
причиненного невменяемым лицом 101

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

107

Марченко В.В.

Качество жизни:
проблемы интерпретации и концептуализации 107

Барышная Н.А.

Этнокультурный контекст нациестроительства 112

Гонда Владимир

Роль университетов в контексте инновационного развития общества 120

Малеин В.М.

Институт общественно-профессиональной аккредитации
как фактор повышения качества высшего образования
и конкурентоспособности вузов на рынке образовательных услуг 124

Ефремова З.И.

Автономная модель образования в трансцендентальном идеализме:
принципы методологии 129

Таланов С.Л.

Экспертная оценка преступности в среде несовершеннолетних:
структура, тенденции, профилактика 134

Тимербулатова Н.Э.

Российская молодежь как объект государственной политики в начале XX века:
динамика социализации 141

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ
146

Барашов Н.Г.

Циклическая динамика экономики в условиях глобализации 146

Гусев В.В.

Роль предприятий топливно-энергетического комплекса
в модернизации региональной экономики:
социально-экологические аспекты
(на примере Саратовской области) 154

Зоря И.В.

Мелкие предприятия в условиях кризиса: дилемма собственности и труда 161

Мальшина Н.А.

Управление потоковыми процессами в индустрии сервиса и туризма
в условиях развития *e-коммерциализации* экономики 166

Лысиков М.В.

Понятие репрезентативной управленческой культуры:
социологическая интерпретация 172

Строганова И.В.

Роль слухов в корпоративной культуре фирмы
и некоторые аспекты управления ими 177

Пыняев С.В.

Социальный потенциал экопоселений и развитие агротуризма в России 182

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА:
ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ
188

Миронов В.В.

Особенности философии как интерпретации 188

Кузьмина Н.Е.

Новый образ науки и проблема аргументации 194

Ситкевич Н.В.

Социально-философские аспекты мировоззренческих трансформаций
в информационном обществе 199

Знамцева О.П.

Типовые характеристики информационного человека 205

Дорошин Б.А.

Основные архетипы социальной элиты
в мифологических представлениях народов Поволжья 209

Дзякович Е.В.

Формирование местной идентичности:
территориальные факторы и их социокультурное значение
(на примере территории Прихоперья) 218

Стриганкова Е.Ю.

Лингвокоммуникативные стратегии социального взаимодействия 225

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
232**

Фомин О.Н.

Рецензия на монографию:
Кузнецов И.И. Политические механизмы разделения властей
в современной России. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. 232

Велиева Д.С.

Рецензия на учебное пособие:
Андреева Г.Н., Старостина И.А. Избирательное право в России
и в зарубежных странах / под ред. А.А. Клишаса. – М.: Норма, 2010. 235

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
238**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Irkhin Yu.V.

The Meaning of the Formation of the System of Competences
for Training Civil Servants in the Modern Conditions 4

Kuzina S.A.

Civil Servants' Professional Mobility Management
in the Process of Status Barriers Regulation at the Regional Level 11

Tretiakova Zh.Yu.

The Federal Migration Service: Prospects for Development 16

Durmanova O.M.

Financial and Legal Aspects of Granting Certain State Powers
to Local Authorities 21

Golubeva T.G.

Social Activity as a Determinant of a Prospective Model
of Local Self-Government 26

Palush Igor

Territorial Self-Government as a Constitutionalism Principle 32

RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONDITION

40

Sergeev S.G.

Political Nature and Organizational Forms
of Extraconstitutional Political Institutions in the Russian Federation:
Problems and Trends 40

Gerasimova E.V.

Sociological Reflection of the Interaction
between the Authority and the Population:
Conflict as a Resource of Solving Social-Political Issues 47

Shilina S.A.

The Language Evolution of a Subject of Management
as a Sociological Topic in Linguistics 53

Markov E.A.	
The Future of the Russian Mass Media: Development Forecast	58
Mosina V.V.	
The Reasons for Ethnic Tension and Ethno-National Conflicts of Contemporary Russian Society	65
Bliznyak R.Z.	
“Electoral Process” vs “Selective Process”: the Issue of Concepts Optimization	70

**LEGAL REGULATION
IN CONTEMPORARY RUSSIA
77**

Chekachkova G.N.	
The Influence of International Human Rights Standards on the Russian Legal System	77
Chetverikov E.V.	
Laws of the Saratov Region on the Accounting Office: Comparative Analysis	82
Goryachenko O.Yu.	
The Individual Legal Act of Management and the Individual Tax-Legal Act: General and Particular	87
Rvachyov S.A.	
The Problem of Determining the Category of “Corporate Disputes”	91
Babich A.V.	
The Correlation between the Concepts “Procedural Independence” and “Independence” of an Investigator in the Theory of Criminal-Procedural Law	96
Sekretareva T.M.	
The Human Right to Compensation for Harm Caused by an Insane Person	101

**SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION
107**

Marchenko V.V.	
Quality of Life: Problems of Interpretation and Conceptualization	107
Baryshnaya N.A.	
The Ethnic-Cultural Context of Nation-Building	112
Gonda Vladimir	
The Role of Universities in the Context of Innovational Development of Society	120
Malein V.M.	
The Institution of Social and Professional Accreditation as a Factor in Increasing the Quality of Higher Education and the Competitiveness of Universities in the Education Market	124

Ephremova Z.I.

- Autonomous Model of Education in Transcendental Idealism:
Principles of Methodology 129

Talanov S.L.

- Expert Assessment of Crime among Minors: Structure, Trends, Prevention 134

Timerbulatova N.E.

- Russian Youth as an Object of Public Policy at the Beginning of the XX Century:
the Dynamics of Socialization 141

SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

146

Barashov N.G.

- The Cycle Dynamics of Economy in the Globalization Conditions 146

Gusev V.V.

- The Role of Enterprises of Fuel and Energy Complex
in the Modernization of the Regional Economy:
Socio-Environmental Aspects (*by the Example of the Saratov Region*) 154

Zorya I.V.

- Small Enterprises in Crisis Conditions: the Dilemma of Property and Labor 161

Malshina N.A.

- Management Stream Processes in Service and Tourism Industry
in the Development of *E-Commercialization* of the Economy 166

Lysikov M.V.

- The Concept of Representative Administrative Culture:
Sociological Interpretation 172

Stroganova I.V.

- The Role of Rumors in the Corporate Culture of a Company
and Certain Aspects of Their Management 177

Пуныаев S.V.

- Social Potential of Eco-Settlement
and the Development of Agro-Tourism in Russia 182

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

188

Mironov V.V.

- Features of Philosophy as Interpretation 188

Kuzmina N.E.

- The New Image of Science and the Problem of Argumentation 194

Sitkevich N.V.

- Socio-Philosophical Aspects of Ideological Transformations
in the Information Society 199

Znamtseva O.P.

- Typical Characteristics of the Information Man 205

Doroshin B.A.

Basic Archetypes of Social Elite in Mythological Views of People
of the Volga Region 209

Dzyakovich E.V.

Local Identity Formation: Territorial Factors and their Social-Cultural Meaning
(by the Example of the Khopyor Region Territory) 218

Strigankova E.Yu.

Lingvocommunicative Strategies of Social Interaction 225

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
232**

Fomin O.N.

Monograph Review:
Kuznetsov I.I. Political Mechanisms of the Division of Powers in Modern Russia. –
Saratov: Saratov University Press, 2010. 232

Veliyeva D.S.

Schoolbook Review:
Andreeva G.N., Starostina I.A. Suffrage in Russia and in Foreign Countries /
ed. by A.A. Klishasa. – Moscow: Norma, 2010. 235

**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
243**

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 2 (23)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайловой*

Тем. план 2010 г., п. № 753

Подписано к печати 18.06.2010 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 20,64. Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 500. Заказ 253.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжской академии государственной службы»
Сергеев Сергей Геннадьевич
(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>